

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Maruzin, N. N.
Ocherki...

Bl. Nov. 1928

HARVARD LAW LIBRARY

Received

July 18. 1922

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни.

№ 14.

Н. Н. Харузинъ.

ОЧЕРКИ ПЕРВОБЫТНАГО ПРАВА

X

I.

C

(СЕМЬЯ И РОДЪ).

МОСКВА—1898.

Издание книжного магазина Гросманъ и Кнебель.

(I. Кнебель).

(Handwritten mark)

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 23 апрѣля 1898 г.

JUL 18 1922

ВЫСОЧАЙШ. ВТВЕРЖ. ТОВАРИЩ.

СКОРОП. А.А.ЛЕВЕНСОНЪ МОСКВА.

ВВЕДЕНІЕ.

Слишкомъ чѣмъ до половины текущаго столѣтія господствовало убѣжденіе, что „семья — древнѣйшее человѣческое общество“, что она „источникъ и начало гражданской жизни, ядро племени“. Никому не приходило въ мысль сомнѣваться въ этомъ, казавшемся очевиднымъ, основномъ положеніи, настолько оно представлялось естественнымъ и простымъ.

Съ начала 60-хъ годовъ этому взгляду было суждено рѣзко измѣниться, и семья, которая такъ недавно безапелляціонно была признаваема за эмбрионъ человѣческаго развитія, предстала въ новомъ освѣщеніи изслѣдователей — результатомъ долгаго развитія человѣческаго общества: семья предшествовала цѣлый рядъ культурныхъ ступеней, когда семья, въ нашемъ смыслѣ этого слова, еще не существовало. Дѣйствительно, факты, свидѣтельствующіе, что та или другая народность не имѣетъ понятія о семьѣ, что она ведетъ счетъ родства не по отцовской, а по материнской линіи, что существуютъ общества, среди которыхъ процвѣтаетъ многому-

жество (полиандрія) и проч. были извѣстны съ древнихъ временъ: о нихъ упоминалъ еще Геродотъ. Но подобные факты представляли въ глазахъ изслѣдователей лишь оригинальныя, пикантныя исключенія: еще Тэйлоръ, которому наука о первобытной культурѣ обязана такъ много, въ I-омъ изданіи своего труда „Доисторическій бытъ человѣчества“, соединилъ извѣстные ему факты, доказывающіе отсутствіе семьи въ нашемъ смыслѣ слова, у нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, дикихъ народностей,—въ одну общую главу подъ заглавіемъ „Нѣкоторые замѣчательные обычаи“.

Работа Бахофена „Материнское право“ (Das Mutterrecht), вышедшая въ свѣтъ въ 1861 г. знаменуетъ начало переворота въ дѣлѣ изученія исторіи развитія нормъ человѣческаго общежитія: только съ того времени можно говорить объ *исторіи семьи*—прежде семью считали столь-же древней, какъ и само человѣчество. Перемена взглядовъ на происхожденіе семьи повела за собой и радикальное видоизмѣненіе взгляда на исторію развитія правовыхъ отношеній вообще. Трудъ Бахофена, въ которомъ авторъ, между прочимъ, доказывалъ, что патриархальной семьѣ предшествовалъ періодъ гетеризма, т. е. отсутствія прочныхъ браковъ, и счетъ родства по женской линіи—не произвелъ въ наукѣ того переворота, на который по новизнѣ свѣдѣній

онъ имѣлъ бы право разсчитывать. Отчасти методъ Бахофена, источники, изъ которыхъ онъ черпалъ свои положенія—миѳы, а главнымъ образомъ то, что его книга была написана по нѣмецки, въ то время какъ въ Германіи почти не интересовались поднятыми въ „Материнскомъ правѣ“ вопросами—все это имѣло результатомъ, что книга не получила успѣха и вскорѣ была почти забыта.

Почти одновременно съ Бахофеномъ начинаютъ появляться въ свѣтъ работы шотландскаго юриста Макленана и американца Морганна. Ничего не зная другъ о другѣ, не знакомые съ трудомъ Бахофена, оба изслѣдователя пришли самостоятельнымъ путемъ къ выводамъ отрицательнымъ для господствующихъ взглядовъ, будто „семья—древнѣйшее человѣческое общество.“ Какъ-бы ни разнились мнѣнія обоихъ изслѣдователей при рѣшеніи того или иного вопроса о древнѣйшихъ формахъ человѣческаго общества, какъ-бы ни были острыми споры, раздѣлявшіе обоихъ основателей науки о семьѣ, они сходились между собой и съ Бахофеномъ въ основномъ положеніи, что семья предшествовала періоду, когда брака въ нашемъ смыслѣ этого слова не существовало, что счету родства по мужской линіи предшествовалъ счетъ родства по женской линіи, что семья какъ институтъ появилась лишь сравнительно поздно.

Какъ работы Моргана и Макленана, такъ и контроверзы, раздѣлявшіе ихъ, имѣютъ въ настоящее время лишь, такъ сказать, историческій интересъ. Но толчокъ, данный обоими изслѣдователями наукъ о первобытномъ обществѣ, былъ громаденъ: цѣлый рядъ ученыхъ разныхъ странъ примкнулъ въ существенномъ къ ихъ взглядамъ и продолжалъ плодотворныя изысканія въ области первобытнаго права. Работы Леббока, Спенсера, Жиро-Телона, Поста, Вилькена, Бастіана, Даргуна, Гелльвальда, Летурно и множества другихъ, нашихъ отечественныхъ ученыхъ М. М. Ковалевскаго, Сокольскаго, И. Н. Смирнова, Е. И. Якушкина и пр. въ значительной степени подвинули впередъ науку по пути, указанному первыми основателями исторіи развитія семейно-общественныхъ отношеній, внесли многія ограниченія и перемѣны въ крайности взглядовъ ихъ и расширили научныя перспективы привлеченіемъ болѣе обширнаго этнографическаго матеріала. Переворотъ, вызванный трудами основателей науки о человѣческихъ обществахъ былъ по истинѣ поразителенъ: нѣсколькихъ монографій было достаточно, чтобы смести теорію, господствовавшую въ теченіе вѣковъ. Эта быстрая побѣда новыхъ идей находить себѣ главное объясненіе въ томъ, что въ то время какъ прежняя патріархальная теорія зиждилась

преимущественно на отвлеченномъ представленіи о челоѣкѣ—поборники нѣвыхъ взглядовъ выступили во всеоружіи доступныхъ въ то время фактовъ, добытыхъ изъ наблюденія надъ живымъ міромъ некультурныхъ народностей,—фактовъ, говорящихъ о жизни и движеніи противъ остроумныхъ, но бездоказательныхъ кабинетныхъ гипотезъ.

Количество фактовъ, выдвигаемыхъ новыми изслѣдователями въ защиту своихъ положеній было крайне велико: изъ всѣхъ частей свѣта, отъ различнѣйшихъ народностей приходили свидѣтельства о существованіи счета родства по женской линіи, о преобладающемъ влияніи матери надъ отцомъ, о полиандріи и т. п. странныхъ, несообразныхъ для культурнаго европейца вещахъ, возмущавшихъ нравственное чувство и чувство приличія. Подъ влияніемъ новыхъ взглядовъ заговорили въ пользу новыхъ идей и давно забытыя свидѣтельства древности, миѣы, древніе памятники права; въ защиту новыхъ идей противъ старыхъ поднялись данныя изъ современнаго быта культурныхъ народностей, сохранившихъ въ качествѣ переживаній слѣды древнихъ установленій: то, на что еще такъ недавно смотрѣли, какъ на странности, какъ на результатъ извращенія культуры, упадка нравственности, получило значеніе вѣскаго доказательства въ пользу мнѣнія, что куль-

A7
Kharuzin, N. N.
Ocherki...

Ed. Nov. 1928

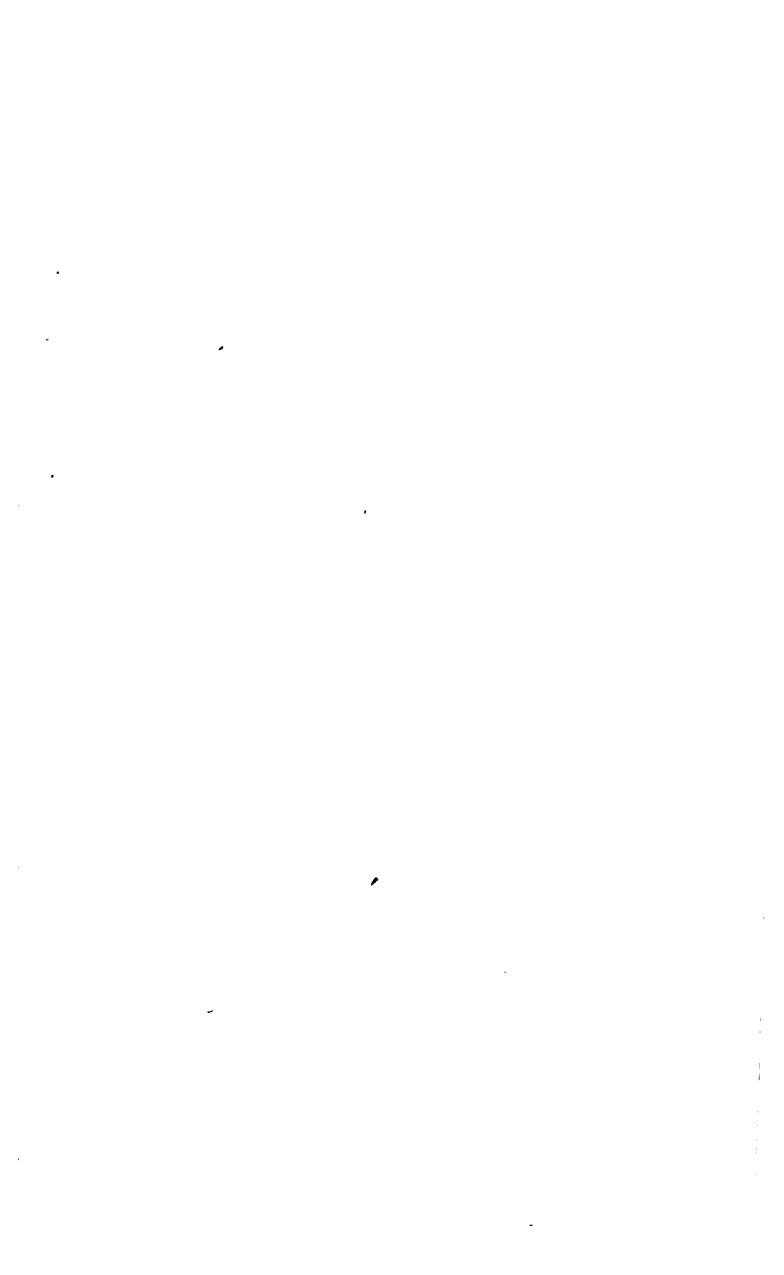

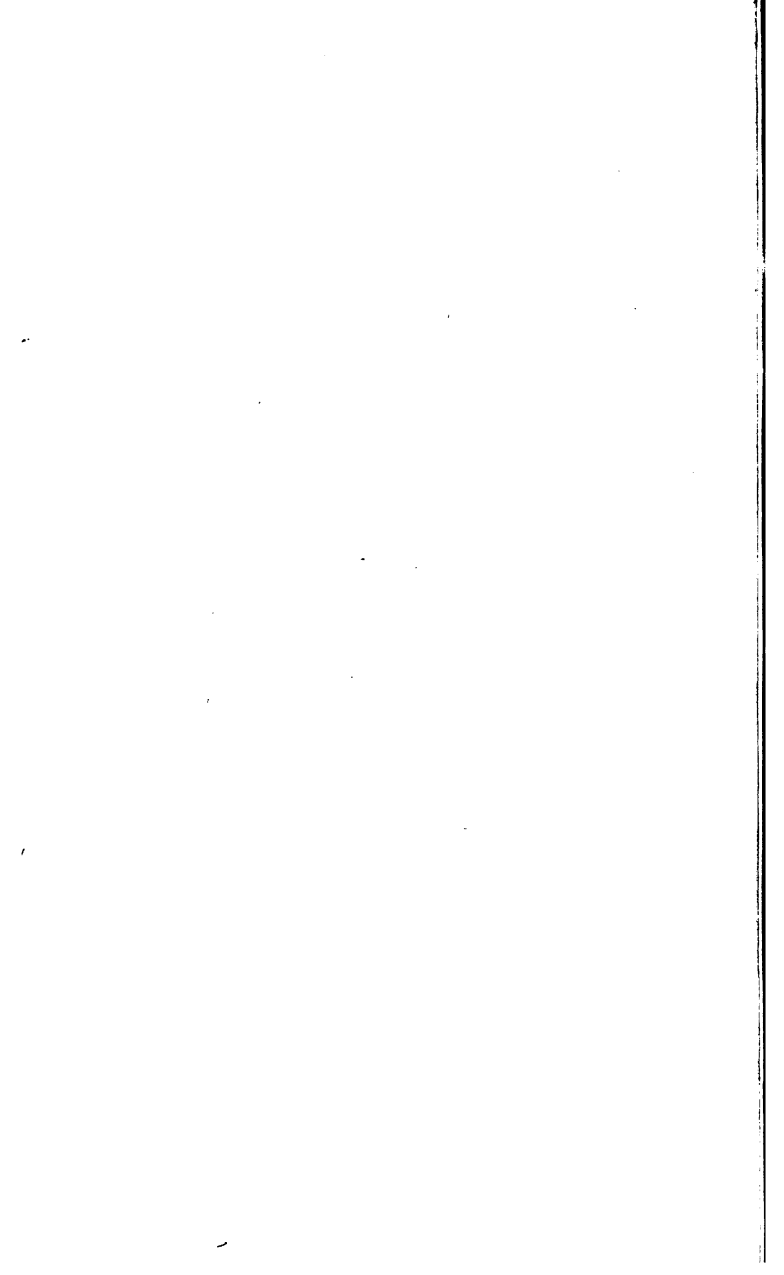
HARVARD LAW LIBRARY

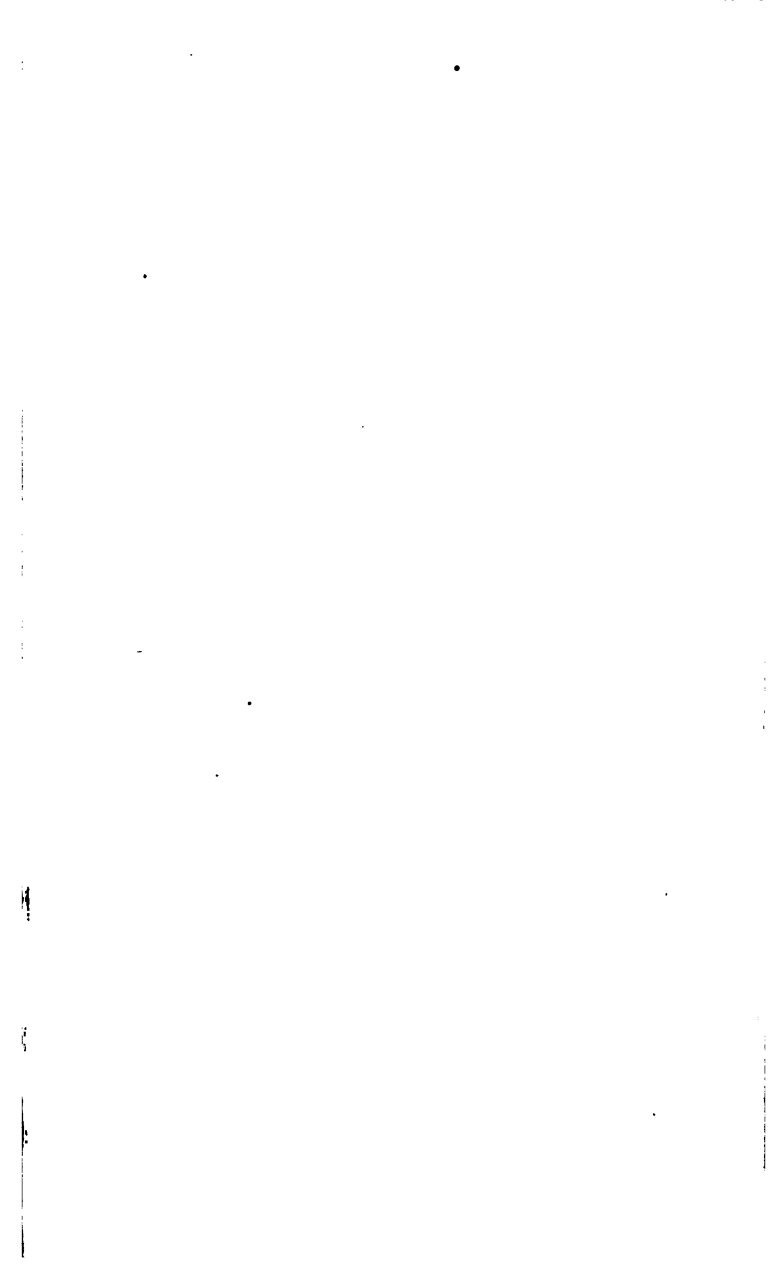
Received

July 18. 1922

счетъ родства по отцовской линіи, мѣстами народность можетъ пройти передъ этой стадіей—стадію материнскаго рода, какъ самостоятельной, общественной и хозяйственной организаци и даже матриархата. Основной причиной, регулирующей развитіе семейно-общественныхъ отношеній у различныхъ народностей, слѣдуетъ считать, по мнѣнію большинства названныхъ писателей, экономическія условія быта. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они не являются новаторами, такъ какъ и ихъ предшественники отмѣчали неоднократно силу вліянія экономическаго фактора на ходъ человѣческаго развитія на низшихъ ступеняхъ культуры; но они подчеркиваютъ его, выдвигаютъ на первое мѣсто и иногда вдаются въ односторонность, забывая за экономическими условіями вліяніе другихъ факторовъ. Наконецъ, всѣ названные писатели сходятся въ томъ, что эмбриономъ человѣческаго развитія слѣдуетъ признать семью. Въ этомъ отношеніи они представляютъ рѣзкое отличіе отъ своихъ предшественниковъ, которые видѣли его въ группѣ. Если послѣдніе, поднимая значеніе группы, мало обращали вниманія на индивидуальныя союзы двухъ лицъ разнаго пола на низшихъ ступеняхъ цивилизаци, то новѣйшіе писатели за индивидуальными союзами забываютъ иногда совершенно значеніе группы. Однако, хотя новѣйшіе из-

слѣдователи видятъ зародышъ человѣческаго развитія въ семьѣ, не слѣдуетъ думать, чтобы они возвращались къ старой, сломанной трудами Бахофена, Моргана и др. теоріи, что семья основа человѣческаго общества: между семьей, какъ ее понимаютъ Штарке, Гроссе и др., и семьей прежнихъ изслѣдователей нѣтъ ничего общаго: первые разумѣютъ семью въ зоологическомъ смыслѣ и называютъ неудачнымъ терминомъ неустойчивые союзы дикарей, вторые признавали за семьей на низшихъ стадіяхъ развитія почти тотъ-же организованный и правовой характеръ, который она имѣетъ у цивилизованныхъ расъ.

Разногласія между новѣйшими писателями и ихъ предшественниками весьма значительны. Но каковы-бы ни были недостатки какъ основателей науки о семьѣ, ихъ послѣдователей и критиковъ — ихъ общими трудами возможно установить главнѣйшіе моменты развитія человѣчества въ указанномъ направленіи. Если относительно многихъ вопросовъ существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія, если о происхожденіи той или другой нормы первобытнаго права можно строить только осторожныя гипотезы, то не слѣдуетъ забывать, что со времени появленія труда Бахофена не прошло еще и полстолѣтія; но въ теченіе этого краткаго періода наука о семьѣ сдѣла-

ла крупныя успѣхи и видоизмѣнила радикально прежніе взгляды на исторію семейно-общественнаго развитія человѣчества.

Россія не осталась чужда въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ о первобытныхъ стадіяхъ развитія человѣчества. Нѣкоторые писатели освѣщали общія положенія науки о семьѣ свѣдѣніями, добытыми изъ изученія нормъ первобытнаго права среди русскихъ инородцевъ. Достаточно вспомнить труды М. М. Ковалевскаго, который широко воспользовался свѣдѣніями изъ быта населенія Кавказа и изъ жизни русскаго крестьянства для доказательства того или иного изъ своихъ положеній. Другіе изслѣдователи наоборотъ старались съ общихъ точекъ зрѣнія науки о семьѣ освѣтить бытъ изслѣдуемой народности. Напомнимъ хотя-бы труды И. Н. Смирнова о восточныхъ финнахъ, Е. И. Якушкина („Обычное право“), В. Л. Сѣрошевскаго („Якуты“) и др. Въ то время, какъ ученые Запада вынуждены обращаться за матеріаломъ къ литературнымъ свѣдѣніямъ о такъ называемыхъ дикихъ племенахъ, изслѣдователь, живущій въ Россіи, поставленъ въ значительно болѣе благопріятныя условія: онъ можетъ наблюдать

многія стороны древняго быта у себя. Это преимущество очевидно признано многими изъ русскихъ изслѣдователей и оживленіе научной этнографической литературы, когда авторъ не ограничивается простымъ записываніемъ матеріала, но старается дать ему научное освѣщеніе и разработку, вѣроятно объясняется постепеннымъ проникновеніемъ этого сознанія въ ряды лицъ, интересующихся научными этнографическими вопросами. Съ другой стороны, въ Россіи продолжается собраніе этнографическихъ матеріаловъ, и это въ свою очередь даетъ возможность въ значительной степени дополнить свѣдѣнія, которыя имѣются въ общей литературѣ по тому или иному вопросу первобытнаго права.

Дѣйствительно трудно найти страну въ которой этнографъ-собираатель или этнографъ — ученый съ такой легкостью можетъ надѣяться на полученіе обильнаго матеріала, какъ въ Россіи: среди Кавказскихъ горъ онъ встрѣтитъ народности, у которыхъ ему легко будетъ отыскать проявленія родового строя и жизненные слѣды до-патріархальнаго порядка; ему стоитъ подняться по Волгѣ, чтобы столкнуться съ кочевыми и полукочевыми народностями монгольскаго и тюркскаго происхожденія (кундровскіе татары, киргизы, калмыки); выше онъ встрѣтитъ мордву, черемисовъ; по Камѣ онъ столкнется съ вотяками,

башкирами и, поднимаясь дальше, онъ увидитъ, безъ большой затраты труда по переѣзду, — и пермяковъ, и охотниковъ-вогуловъ и даже остяковъ и самоѣдовъ. Сибирская дорога приблизила прежде доступныхъ почти исключительно лишь мѣстнымъ изслѣдователямъ азіатскихъ киргизовъ, алтайскихъ тюрковъ и другія народности Сибири. Желѣзно-дорожная линія, долженствующая соединять центръ съ Бѣлымъ моремъ, позволяетъ съ сравнительной быстротой перенестись въ мѣста обитанія оленеводовъ-самоѣдовъ и лопарей и т. д. Если вспомнить, что различныя народности, населяющія нашу родину находятся на разныхъ стадіяхъ развитія общественнаго и экономическаго, что хотя бы среди одной финской группы племенъ можно встрѣтить отъ неосѣдлыхъ охотниковъ и рыболововъ остяковъ и вогуловъ до высокостоящихъ на культурной лѣстницѣ жителей Финляндіи, что между неосѣдлыми алтайскими тюрками-звѣроловами до цивилизованныхъ тюрковъ—земледѣльцевъ Средней Азіи можно намѣтить цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ—значеніе Россіи для изученія этнографіи сдѣлается вполнѣ очевиднымъ: не выходя за предѣлы Россіи явится возможность намѣтить всѣ главныя звенья, соединяющія первобытнаго дикаря съ культурнымъ человѣкомъ: часть институтовъ, корни которыхъ таятся въ глубокой древности,

можно встрѣтить еще въ полной жизни, часть сохраняется въ бытѣ инородцевъ въ качествѣ многочисленныхъ переживаній.

Естественно, что въ бытѣ русскаго крестьянина мы не встрѣтимъ въ той-же мѣрѣ древнихъ нормъ, какъ среди инородцевъ; но въ обрядахъ, въ формахъ жизни крестьянина, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ быть его подвергся значительной перемѣнѣ, изслѣдователь находитъ цѣлую массу воспоминаній, пережитковъ иного, болѣе древняго, болѣе первобытнаго строя жизни. Съ этой точки зрѣнія бытъ русскаго населенія не можетъ быть игнорируемъ: напротивъ того, изъ него возможно почерпнуть много новаго для исторіи развитія нѣкоторыхъ нормъ первобытнаго права и прослѣдить видоизмѣненіе этихъ нормъ подъ вліяніемъ различныхъ условій. Приобрѣтая такимъ образомъ новый матеріалъ для своихъ построеній, изслѣдователь одновременно освѣтитъ и сѣдое прошлое, внѣ-исторической періодъ жизни русскаго народа.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду намѣтить исторію рода и семьи, основываясь на данныхъ, добытыхъ изученіемъ быта какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія Россіи. Размѣры статьи не позволяютъ намъ разсматривать подробности, и мы ограничимся лишь указаніями на важнѣйшіе моменты въ развитіи родовой и семейной ор-

ганизациі, причемъ изложеніе нѣкотораго количества относящагося сюда матеріала о бытѣ русскихъ и инородцевъ послужить доказательствомъ интереса, который представляетъ изученіе описательной этнографіи Россіи для научныхъ этнографическихъ выводовъ.

I.

Характерной чертой семейнаго устройства среди большинства народностей западной Европы, равно и культурнаго слоя населенія нашей родины является, такъ называемая, индивидуальная семья, т. е. союзъ родителей и дѣтей, основанный на бракѣ. Наше крестьянство однако въ большинствѣ мѣстностей переживаетъ еще періодъ, когда индивидуальная семья какъ самостоятельная, хозяйственная единица находится въ стадіи дифференціаціи отъ большей группы, такъ называемой, «большой», «сложной» семьи, состоящей обыкновенно изъ ряда небольшихъ семей, находящихся подъ главенствомъ и управленіемъ одного изъ старшихъ родственниковъ. Большая семья представляетъ въ крестьянской средѣ одновременно и хозяйственную, и родственную группу. Изъ этой большей хозяйственно-родственной организаціи выдѣляются меньшія группы, индивидуальныя или, такъ называемыя, малыя семьи въ самостоятельныя же хозяйственныя единицы.

Семейные раздѣлы являются, какъ извѣстно, ближайшими факторами къ выдѣленію малыхъ

семей; процессъ этотъ начался уже давно, но стремленіе къ выдѣленію малыхъ семействъ изъ большихъ, задерживаемое разными обстоятельствами въ прежнее время, сдѣлалось особенно сильнымъ за послѣднія десятилѣтія.

Каковы-бы ни были причины дѣленія большихъ семей, процессъ распаденія этихъ послѣднихъ идетъ быстрыми шагами: то, что нѣкоторыя другія цивилизованныя народности пережили въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, можно наблюдать въ современной жизни русскаго крестьянина, равно и среди многихъ нашихъ инородцевъ, вслѣдствіе чего «большая» семья въ Россіи, въ большинствѣ мѣстностей по крайней мѣрѣ, можетъ считаться явленіемъ уже отживающимъ: какъ только подрастають дѣти и женятся, они стремятся къ отдѣлу отъ родительской семьи, чтобы образовать собственный очагъ. Такимъ образомъ индивидуальная семья, какъ самостоятельная хозяйственная единица среди крестьянства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представляетъ изъ себя явленіе *сравнительно* новое и изслѣдователю нѣтъ затрудненія изучить организацію, изъ которой она выдѣляется, тѣмъ болѣе, что большія семьи и до настоящаго времени еще встрѣчаются въ Россіи, въ особенности въ болѣе глухихъ мѣстахъ, какъ организациі еще довольно стойкія, лишь медленно разлагающіяся подъ влія-

ніемъ новымъ условій. Что-же представляетъ изъ себя такъ называемая большая семья? Мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія формы, которыя принимаетъ большая семья подъ воздѣйствіемъ новыхъ теченій, измѣненій въ экономическомъ бытѣ и развитія экономическихъ началъ. Мы отмѣтимъ только тотъ типъ, который сохраняетъ архаическія черты; единственно онъ дастъ возможность прослѣдить остатки древняго быта въ современномъ строѣ русскаго крестьянина. Большая семья въ ея типичной, архаичной формѣ представляетъ группу родственниковъ, живущихъ въ общемъ помѣщеніи и ведущихъ совмѣстными силами общее хозяйство. Во главѣ семьи стоитъ отецъ (дѣдъ), власть котораго объединяетъ его непосредственныхъ потомковъ: женатыхъ и холостыхъ сыновей, внуковъ и пр. Въ силу авторитета родительской власти ему безпрекословно подчинены его дѣти, ихъ жены и внуки. Въ случаѣ смерти большака, главой семьи становится обыкновенно его старшій сынъ, т. е. старшій братъ по отношенію къ другимъ сыновьямъ родоначальника и старшій дядя въ отношеніи къ внукамъ его. По смерти новаго большака—главой дѣлается слѣдующій по возрасту братъ и т. д. Право старѣйшества проводится въ этихъ случаяхъ вполне послѣдовательно. Однако допускаются и отклоненія отъ этого общаго правила: большакъ иногда выбирается,

напр., въ случаѣ дряхлости или неспособности къ веденію хозяйства члена семьи, которому по праву принадлежитъ должность большака. Выборное начало начинаетъ сказываться обыкновенно лишь послѣ разростанія семьи: члены послѣдней стараются выбрать наиболѣе способнаго, дѣятельнаго, хотя и въ этихъ случаяхъ сила традиціи заставляеть искать большака между болѣе старшими членами семейной общины.

Большакъ распоряжается общимъ хозяйствомъ; его жена-*большуха*—помогаетъ ему въ томъ отношеніи, что она руководитъ работами женщинъ, входящихъ въ составъ семьи. Большакъ часто оказывается почти безконтрольнымъ распорядителемъ семейнаго имущества: онъ нерѣдко имѣетъ право закладывать его, продавать по усмотрѣнію. Въ настоящее время большакъ обыкновенно ограниченъ семейнымъ совѣтомъ; въ случаѣ неудачнаго веденія хозяйства этотъ послѣдній или можетъ смѣнить его, или требовать раздѣла. Но семейный совѣтъ часто ограничиваетъ власть большака только фактически, а не юридически, въ случаяхъ, когда большакъ вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ или дѣдъ членовъ семьи. До настоящаго времени народное правосозрѣніе мѣстами разрѣшаетъ, напр. отцу, въ случаѣ распаденія при его жизни семейной общины, ничего не выдать

тому или иному изъ своихъ сыновей, позволяетъ выгнать его изъ дома, ничѣмъ не надѣливши.

Эти же патріархальные взгляды находятъ себѣ выраженіе и въ личныхъ отношеніяхъ: глава семьи имѣетъ право располагать не только трудомъ члена семьи, но и его личностью. Онъ можетъ подвергать его взысканіямъ, и народный судъ, строго преслѣдуя непочтительное отношеніе младшихъ къ старшимъ, относится обыкновенно снисходительно къ злоупотребленію послѣднихъ своей властью. Большакъ выбираетъ невѣсту своему сыну, выдаетъ двѣушекъ замужъ, подчасъ не спрашивая ихъ согласія. Всѣ заработки на сторонѣ *по общему правилу* должны идти въ семейную кассу: лишь то можетъ быть личной собственностью члена семьи, что не нужно послѣдней или что разрѣшаетъ большакъ. Такая семья, основанная на патріархальныхъ началахъ, стѣсняетъ, иногда подавляетъ личность членовъ ея: «отдѣльной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ,—замѣчаетъ по этому поводу С. В. Пахманъ,—взрослые, женатые сыновья состоятъ подъ главенствомъ отца или иныхъ старшихъ лицъ въ семьѣ, жены подчинены не только мужьямъ, но въ общей семьѣ и ихъ родителямъ, личный трудъ женщины не идетъ вовсе въ расчетъ при выдѣлахъ и раздѣлахъ семейнаго имущества и т. д.»

Эта непривлекательная тяжелая картина въ дѣйствительной жизни значительно смягчается. Практика выработала *modus vivendi* въ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ членовъ большой семьи. Но приведенныя черты выражаютъ правильно взглядъ крестьянина на власть большака-отца и дѣда; онъ примѣняется и въ настоящее еще время на практикѣ, а въ сравнительно недавнее время примѣнялся значительно чаще. Изъ рассказовъ крестьянъ о недавнемъ прошломъ легко составить себѣ картину, насколько члены такой, основанной на патріархальныхъ началахъ, большой семьи были безправны передъ отцомъ-дѣдомъ большакомъ. Достаточно вспомнить еще свѣжія воспоминанія о бракахъ, устраиваемыхъ родителями малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвушкахъ, о злоупотребленіяхъ своей властью свекровь въ отношеніи къ такимъ снохамъ, о прииженномъ положеніи въ семьѣ замужней женщины, — воспоминанія о чемъ сохранили и памятники народнаго творчества, — о злоупотребленіяхъ родительской властью и т. д. Въ казацкой семьѣ на Дону отецъ до настоящаго времени имѣетъ право признать или не признать своимъ новорожденнаго ребенка: онъ властенъ сейчасъ-же послѣ рожденія или впоследствии отдать его въ «дѣтица» въ чужую семью и прекратить съ нимъ всякую связь. Нерѣдко бѣдные ка-

заки продають богатымъ своихъ дѣтей. Точно также казакъ-отець имѣеть право отдать дѣтей въ наемъ, въ работники, лишить наслѣдства, прогнать отъ себя. Вообще «отець,— по словамъ самихъ казаковъ,— что хотить изъ дѣтей выгадываетъ». Отець, задолжавъ, нерѣдко посылаетъ сына въ работники къ заимодавцу отрабатывать отцовскій долгъ; отдѣливъ сына, онъ иногда, поссорившись съ нимъ, отбираетъ у него семейную долю. При соединимъ къ этому извѣстные изъ описанія крестьянскаго быта, случаи жестокаго обращенія съ женщинами, обмѣнъ женами, вспомнимъ, что эти черты встрѣчаются даже въ такъ называемыхъ малыхъ семьяхъ, унаслѣдовавшихъ, поскольку это касается власти отца, принципы, господствующіе въ большой семьѣ, и мы въ лицѣ послѣдней получимъ типъ основанной на рѣзко выраженныхъ патриархальныхъ началахъ группы. Типичная большая семья, состоящая иногда изъ 30—40 членовъ въ ея характерныхъ древнихъ чертахъ, прежде всего группа, основанная на союзѣ родственномъ. Право участія въ наслѣдствѣ основано на родствѣ: ближайшіе родственники исключаютъ собой дальнихъ. Размѣръ долей зависитъ какъ общее правило отъ большей или меньшей близости по крови къ большаку.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно

предполагать, что члены такой большой семьи были нѣкогда объединены и общимъ домашнимъ культомъ. Какъ ни значительно было воздѣйствіе христіанства на языческія вѣрованія русскихъ крестьянъ, въ бытѣ послѣднихъ сохранились черты, наглядно свидѣтельствующія о бывшемъ домашнемъ культѣ. Покойники вообще считаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи покровителями оставшихся въ живыхъ членовъ семьи: ихъ называютъ общимъ именемъ „родителей“, въ честь ихъ совершаются поминки, носящія въ себѣ черты язычества и въ вознагражденіе за поминки, они „ниспосылаютъ на дома своихъ родичей на вѣки нерушимое благословеніе.“ Наиболѣе близкимъ изъ духовъ-покровителей семьи является домовой. „Въ типичномъ образѣ домового, справедливо замѣчаетъ Аѳанасьевъ, соединены всѣ главныя, характерныя черты домовитаго хозяина-патріарха. Онъ—самое старшее и почетное лицо въ семьѣ домовладѣльца.“ Вслѣдствіе этого его часто называютъ *хозяинъ*, *хозяинушка*; вѣроятно благодаря этому же существуетъ повѣрье, что домовой всегда похожъ на современнаго главу семьи который является какъ-бы лишь его представителемъ: домовой даже одѣвается въ одежду большака. Онъ охраняетъ домашній скоть и птицу, заботится обо всемъ въ домѣ и во дворѣ, „пуще хозяйскаго глаза“ блюдетъ се-

мейные интересы и не стѣсняется на пользу семьи стащить кормъ для скота изъ чужаго хозяйства. Таковъ образъ домового тамъ, гдѣ подъ вліяніемъ христіанства, онъ не разжалованъ еще въ нечистую силу, въ чорта. Домовой—идеаль хозяина, но онъ покровительствуетъ только *своей* семьѣ; чужой домовый всегда является лихимъ: свой домовый не любить чужеродцевъ, и если семья поселится въ чужомъ домѣ, покровитель прежнихъ обитателей дѣлаетъ новымъ жителямъ возможно болѣе неприятностей: не даетъ имъ покоя, пугаетъ ихъ по ночамъ и пр. Чужого домового боятся и въ заговорахъ испрашивается защита „отъ чорта страшнаго, отъ чужаго домового.“

Свой домовый напротивъ того объектъ культа, въ которомъ не трудно усмотрѣть кормленіе домашняго духа: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему послѣ ужина оставляютъ горшокъ каши, въ другихъ—въ обычаѣ ставить за ужиномъ особый приборъ домовому и откладывать для него небольшую долю отъ всякаго кушанья; подъ печь, — гдѣ домовый какъ хранитель домашняго очага имѣетъ свое пребываніе, иногда кладутся хлѣбцы и пр. Если семья вынуждена переселиться въ новое помѣщеніе она переноситъ или зазываетъ духа, покровителя очага, съ собой. Мѣстами это перенесеніе домашняго духа было обставлено

обрядностью и торжественностью: свекровь или старшая бабка выгребала жаръ изъ печи стараго дома, клала его въ чистый горшокъ и приглашала домового перейти въ новый домъ. Въ послѣднемъ хозяинъ и хозяйка встрѣчали домового у раскрытыхъ воротъ съ хлѣбомъ и солью. Несшая очагъ старшая женщина стучала въ вереву и спрашивала: „Рады ли вы гостямъ?“ Хозяева низко кланялись и отвѣчали: „Милости просимъ, дѣдушка, на новое мѣсто.“ Послѣ этого торжественно направлялись въ избу, гдѣ жаръ высыпался съ соблюдениемъ извѣстныхъ обрядовъ въ печь, а горшокъ разбивался, причемъ черепки зарывались въ передній уголь.

Патріархальный характеръ семейной общины, который мы видимъ среди русскаго населенія, остатки почитанія домового, которые наводятъ на мысль, что они лишь обломки болѣе развитаго нѣкогда семейнаго культа, не являются исключительнымъ достояниемъ славянскаго населенія нашей родины. Таковую-же патріархальную семью мы встрѣчаемъ у массы другихъ народностей, населяющихъ Россію, причемъ нѣкоторыя условія позволили сохраниться ей съ болѣею жизненностью, чѣмъ среди русскихъ крестьянъ. Отдаленность отъ культурныхъ центровъ, меньшее вліяніе городовъ, школы и религіи позволяютъ сохранятья остаткамъ древняго бы-

та съ большей устойчивостью именно среди населенія болѣе глухихъ мѣстностей. Вотъ почему для уясненія исторіи развитія рода и семьи необходимо обратиться къ свѣдѣніямъ, рисующимъ бытъ народовъ Россіи тамъ, гдѣ нивеллирующее значеніе культуры не успѣло оказать свое дѣйствіе въ той мѣрѣ, какъ среди русскаго крестьянскаго населенія.

Большую семью съ болѣшимъ или меньшимъ количествомъ выраженныхъ архаическихъ чертъ мы встрѣтимъ у многихъ инородцевъ. Вездѣ она предстанетъ съ одинаковыми чертами, рѣзко проведеннымъ патріархальнымъ принципомъ, съ властью домовладыки и съ безправіемъ остальныхъ членовъ. Вездѣ такая большая семья явитъ тотъ-же характеръ родственно-хозяйственной организаціи съ проведенной съ болѣшей или меньшей наглядностью семейной общностью имущества: какъ и русская большая семья, такъ и земледѣльческая—инородческая владѣетъ общимъ участкомъ земли и воздѣлываетъ его общими усиліями, сообща пользуется урожаемъ и другими доходами. Тотъ же принципъ низведенія личной собственности до *minimum'a*, характерный для большой семьи русскаго крестьянина, строго проведенъ и въ семьѣ инородческой. Но часто патріархальный режимъ проявляется съ болѣшей силой среди инородцевъ, чѣмъ у развившихся до болѣе

высокихъ ступеней культуры русскихъ. Семейный культъ опредѣляется яснѣе—и нагляднѣе выступаетъ фонъ, изъ котораго, путемъ дифференціаціи, образовалась большая семья. Мы увидимъ, что она, въ свою очередь, представляетъ результатъ долгаго развитія изъ болѣе древнихъ формъ быта, который съ поразительно схожими чертами выступаетъ у народностей, принадлежащихъ къ разнымъ группамъ, раздѣленныхъ громадными пространствами и не имѣющихъ между собой ничего общаго ни по происхожденію, ни въ языкѣ, ни въ вѣрованіяхъ. Тѣсныя узы, соединяющія родственниковъ, обыкновенно не ограничиваются лицами, принадлежащими къ семьѣ: онѣ распространяются и на цѣлый рядъ лицъ, которыя всѣ производятъ себя отъ одного общаго родоначальника. Эти узы проявляются въ настоящее время съ различной интенсивностью у разныхъ народовъ Россіи и доказываютъ, что большая семья представляетъ лишь осколокъ болѣе обширной организациі, когда солидарность, которая въ современномъ бытѣ находитъ себѣ выраженіе въ предѣлахъ семьи, распространилась на *всѣхъ лицъ*, производившихъ себя отъ одного родоначальника. Совокупность такихъ лицъ, объединенныхъ сознаниемъ общаго происхожденія отъ одного предка, составляетъ родъ. Родъ, являясь единицей, объединяющей всѣхъ

родственниковъ, налагаетъ особый отпечатокъ на весь строй родственной группы, а именно сознание общности крови проникаетъ всю обширную сферу права, религіи, обряда и обычаевъ группы. Родовое устройство характеризуется прежде всего солидарностью родственниковъ, какъ цѣлаго, во всѣхъ наиболее важныхъ случаяхъ жизни религіозной и общественной.

1) Родственники объединены общимъ культомъ, къ исполненію котораго допускаются только сородичи.

2) Родовая группа владѣетъ всегда общей территоріей: безразлично, подѣлена-ли земля между отдѣльными семьями, входящими въ родъ или нѣтъ,—родъ является собственникомъ территоріи.

Религіозная и территоріальная связь, объединяющая сородичей, имѣетъ естественнымъ слѣдствіемъ солидарность родственниковъ и въ другихъ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Они объединены круговой порукой: отсюда становится понятнымъ, что родъ отвѣтственъ, напр., за обязательства, заключенныя сородичемъ, если послѣдній не въ состояніи исполнить ихъ; что въ процессѣ къ присягѣ привлекается, напр., известное количество родственниковъ обвиняемаго (такъ называемое соприсяжничество); что, наконецъ, родъ наследуетъ имущество лица умершаго

безъ потомства. Личность находить себѣ защиту только въ предѣлахъ своего рода. Отсюда общее правило, что за убійство или другое преступленіе, совершенное надъ членомъ рода, мстятъ всѣ сородичи; они-же получаютъ выкупъ за кровь убитаго и, наоборотъ, за преступленіе или убійство, совершенное членомъ рода, сородичи обязаны вносить штрафы или плату за кровь въ родъ убитаго.

3) Группа родственниковъ, въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ, *экзогамна*, т. е. члены рода не имѣютъ права вступать въ браки: отсюда бракъ воспрещается между лицами, которыя производятъ себя отъ общаго родоначальника или носятъ одно и то же фамильно-родовое прозвище. Въ жены берутся представительницы другихъ родовъ. Экзогамія не можетъ, однако, считаться *непре- мѣннымъ* признакомъ родового устройства: мѣстами, въ качествѣ исключенія, преимущественно подъ вліяніемъ соображеній о сохраненіи чистоты крови, членамъ родового союза предписывается эндогамія, т. е. обязательство брать жень изъ собственной родовой группы.

Совокупность нѣсколькихъ родовъ, объединенныхъ сознаниемъ общаго происхожденія, образуетъ племя. Племя является естественнымъ слѣдствіемъ разрастанія родовой группы. Хотя родъ и представляетъ группу

родственниковъ, въ него принимаются, однако, и чужеродцы. Дѣло въ томъ, что необходимость принадлежать по происхожденію—дѣйствительному или фиктивному—къ родовой-семейной группѣ, чтобы пользоваться защитой этой послѣдней, заставляетъ прибѣгать къ фикции и приводитъ къ появленію искусственнаго родства, которое устанавливается путемъ символическаго кормленія, смѣшенія крови, ритуального общенія пищей и пр. Чеченцы, напр., до настоящаго времени практикуютъ слѣдующій способъ установленія родства: если убійца не можетъ внести больше половины требуемаго обычая за кровь выкупа и родственники убитаго согласятся кончить дѣло примиреніемъ, то, по совершеніи извѣстныхъ обрядовъ на могилѣ покойнаго, убійцу ведутъ въ домъ убитаго, гдѣ онъ долженъ приложиться три раза къ груди матери послѣдняго, послѣ чего онъ считается молочнымъ сыномъ, братомъ, родственникомъ рода убитаго. Совершенно аналогичный обычай мы встрѣчаемъ у киргизовъ при усыновленіи: у нихъ прикосновеніе къ груди названной матери, по словамъ г. Гродекова, есть символъ того, что она, хотя и не вскормила усыновляемаго, но считаетъ его наравнѣ съ собственными, вскормленными ею дѣтьми. Воспоминаніемъ объ усыновленіи посредствомъ приобщенія къ родовому культу путемъ

жертвоприношенія служить другой способъ усыновленія у тѣхъ-же киргизовъ: фактъ усыновленія объявляется при свидѣтеляхъ и сопровождается закланіемъ животнаго, отъ котораго усыновленному дается опредѣленная кость; усыновляемый, показавъ ее въ рукѣ, принимается ѣсть. У астраханскихъ калмыковъ принимаемый въ семейную общину (хотонъ) безродный сирота долженъ принести «присягу на родство», за себя и за своихъ потомковъ, послѣ чего онъ поступаетъ подъ защиту покровителей хотона, умершихъ предковъ. По преданію мордвы при усыновленіи соблюдался слѣдующій обрядъ: усыновившій приносилъ въ домъ усыновленнаго и «клалъ его на порогъ или на «кардась-сэрко» т. е. на ту яму среди двора, гдѣ обитаетъ божокъ—хранитель дома», приобщая его такимъ образомъ къ семейной группѣ. Побратимство, устанавливаемое путемъ обмѣна подарковъ, столь распространенное у инородцевъ и русскихъ—лишь одно изъ средствъ для установленія искусственнаго родства. Способы усыновленія среди русскихъ крестьянъ не носятъ, насколько извѣстно, характера символическаго рожденія ¹⁾.

¹⁾ Обрядъ „перерожденія“, употребляемый въ Пошехонскомъ уѣздѣ надъ вступающими въ нѣкоторые раскольничьи толки, о которомъ говорить г. Явужкинъ (Об. право, I, XV). едва ли можетъ быть отнесенъ къ разряду

Г. Добротворскій (Юр. В. 1889, № 6—7, 272) сообщаетъ обрядъ усыновленія во Владимирской губ., въ которомъ соединены два акта: покупки усыновляемаго и какъ-бы присоединенія его къ домашнему очагу. Усыновляемый передается усыновителю родной матерью изъ полы въ полу, какъ это дѣлается при передачѣ всякой купленной вещи. Затѣмъ усыновитель ставитъ ребенка на полъ, сажаетъ мать ребенка рядомъ съ собой на передней лавкѣ; передъ образами зажигаютъ свѣчу или лампаду, послѣ чего всѣ, посидѣвъ немного, поднимаются и молятся. Этимъ заканчивается обрядъ. Быть можетъ, во второй части обряда возможно видѣть смутное воспоминаніе о присоединеніи усыновляемаго къ чуждому ему домашнему очагу.

Введеніе чужеродцевъ тѣмъ или инымъ путемъ въ родовую группу или при посредствѣ установленія искусственнаго родства или приѣмомъ ихъ на положеніе полусвободныхъ или неполноправныхъ членовъ родовой группы (военноплѣнные, дѣти наложницъ, второ-

аналогичныхъ обрядовъ, извѣстныхъ у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, въ средніе вѣка въ западной Европѣ и среди нѣкоторыхъ народовъ современности. Обрядъ перерожденія, при которомъ женщина симулируетъ дѣйствительное рожденіе, послѣ чего сквозь рубашку лежащей женщины пропускаютъ вступающаго въ расколъ, не есть актъ усыновленія, а символическое религіозное дѣйствіе.

степенныхъ женъ и т. п.) имѣеть ближайшей цѣлью усиленіе численнаго состава родовой группы. Частыя междуусобія, которыя возникаютъ между отдѣльными родами, вынуждаютъ послѣдніе стремиться по возможности къ усилению, такъ какъ отъ этого зависитъ дальнѣйшее преуспѣяніе, вѣсь и сила рода по отношенію къ сосѣдямъ. Этимъ-же соображеніемъ вызываются къ жизни и правила, затрудняющія выходъ лица изъ родовой группы, примѣры чего можетъ представить право дагестантскихъ горцевъ, киргизовъ и пр. Родъ представляетъ тѣсно связанную организацію: по вѣрному сравненію якутовъ «если взять всѣ вѣтки, всѣ сучки, листья и почки, вырастающія изъ одного корня, то получится *уса* (родъ)».

Родовое устройство находитъ себѣ главное выраженіе, какъ это было указано, въ сферѣ религіи и права. Въ зависимости отъ экономическихъ и другихъ основъ быта однѣ изъ чертъ, характеризующихъ родовой строй въ области религіи и правовыхъ отношеній могутъ проявляться съ большей, другія — съ меньшей рельефностью. Въ бытѣ русскихъ инородцевъ сохранилось множество слѣдовъ этого періода жизни, причемъ хотя-бы краткій обзоръ нѣкоторыхъ относящихся сюда явленій будетъ содѣйствовать уясненію типическихъ чертъ родового устройства вообще.

Обзоръ относящихся сюда явленій мы начнемъ съ проявленія культа и затѣмъ перейдемъ къ сферѣ правовыхъ отношеній. Такъ, напр., у вотяковъ сильно развитъ семейный культъ. На дворѣ у каждаго вотяка находится молитвенный шалашъ (куа), назначенный для моленій членовъ семьи; моленіе божеству (воршуду) совершаетъ здѣсь одинъ изъ членовъ семьи каждый большой праздникъ. Онъ собираетъ вечеромъ все семейство и направляется въ шалашъ, гдѣ раскладываетъ огонь на очагъ. Стѣны, столъ и полки онъ украшаетъ березовыми прутьями, послѣ чего начинается моленіе, состоящее изъ принесенія въ даръ воршуду хлѣба, яицъ, тябаней (лепешки) пива и кумышки (мѣстной водки). При чтеніи молитвъ совершающей жертву членъ семьи льетъ въ огонь пиво и кумышку и сжигаетъ съ извѣстными обрядностями хлѣбъ.

Рядомъ съ семейнымъ жертвоприношеніемъ у вотяковъ существуютъ жертвоприношенія, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены, объединенные поклоненіемъ общему божеству. Хотя въ настоящее время этотъ культъ у вотяковъ и потерпѣлъ значительныя измѣненія, въ немъ не трудно раскрыть слѣды религиозныхъ узъ, объединявшихъ членовъ, производящихъ себя отъ общаго родоначальника. Въ каждой вотской деревнѣ,—пишетъ изслѣдователь быта вотяковъ П. М. Богаевскій,—

всѣ ея жители дѣлятся на нѣсколько отдѣльныхъ духовныхъ корпорацій, изъ которыхъ каждая въ определенное время собирается въ такъ называемый родовой шалашъ и совершаетъ тамъ служеніе въ честь своего родового божества, имя котораго носить какъ сама корпорація, такъ и мѣсто ея сборища. Часть этихъ корпорацій производитъ себя отъ родоначальницъ; память о нихъ живетъ среди народа, который сохраняетъ преданія о прошлой жизни ихъ, переселеніяхъ и пр. Такимъ образомъ современная духовная корпорація вотяковъ представляетъ группу лицъ, объединенныхъ сознаниемъ общности происхожденія отъ одного лица, т. е. совокупность родственниковъ и должна быть признана за родъ, члены котораго, забывши кровныя узы, ихъ соединявшія, остались объединенными общностью культа предку-родоначальнику. Каждый изъ этихъ родовъ имѣетъ своимъ покровителемъ особое божество «воршуда» или «мудора», которому онъ давалъ свое имя. Въ зависимости отъ того, изъ сколькихъ родовъ состоитъ деревня, стоитъ и количество родовыхъ святилищъ (будзымъ куа); въ каждомъ изъ нихъ молятся только члены семействъ, принадлежащихъ къ одному и тому же роду. Родовыя моленія совершаются особыми жрецами, которыхъ избираютъ ворожцы. Такихъ жрецовъ два: *утись* (будзымъ-куа-утись), что

значить «хранящій великій шалашъ» и его помощникъ *тѳре*—«предводитель, тысяцкій». При выборѣ жрецовъ ворожецъ (*туно*) подъ звуки гуслей, одѣтый въ особое платье, совершаетъ обряды, напоминающіе собой шаманскіе, называетъ имя новаго жреца и назначаетъ ему срокъ служенія. Но если воршудъ является предкомъ, который требуетъ себѣ жертвъ, иногда кровныхъ (животныхъ и птицъ),—родоначальникомъ, которому почтительные потомки приносятъ яства и питье передъ сельскими работами, въ случаяхъ болѣзни, которая иногда въ наказаніе ниспосылаются воршудомъ, то не менѣе важными въ глазахъ вотяка являются и ближайшіе предки, живущіе по смерти родами и также требующіе себѣ пищи, также насылающіе болѣзни на забывающихъ свои обязанности потомковъ. Отсюда многочисленныя поминки—кормленіе умершихъ, безъ котораго послѣдніе должны были бы умереть: отъ предковъ зависитъ благосостояніе семьи; отсюда умилоствленіе ихъ обильными жертвами, положеніе въ гробъ предметовъ обихода и пр., которое мы встрѣчаемъ одинаково какъ у вотяковъ, такъ и у другихъ родственныхъ и неродственныхъ народовъ.

Мы остановились на слѣдахъ семейно-родового культа у вотяковъ подробнѣе въ виду того, что они проявляются у этой народности

съ чрезвычайной рельефностью. Не менѣе убѣдительно, хотя иногда и не настолько ясно выраженные, доказательства можно найти среди остальныхъ финскихъ народностей и въ культѣ другихъ не-русскихъ племенъ нашей родины. Для сравненія обратимся къ Кавказу. Безразлично исповѣдуетъ ли данное племя христіанство или исламъ, но языческія воззрѣнія, выражающіяся въ культѣ предковъ сказывается съ полной силой. Покойники требуютъ себѣ жертвъ и въ случаѣ непочтенія со стороны потомковъ мстятъ имъ: даже болѣзни, по мнѣнію хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, посылаются умершими, карающими заболѣвшаго за упущеніе приношеній. Продолжая вести за гробомъ то же существованіе, какъ и на землѣ,—замѣчаетъ М. М. Ковалевскій,—покойникъ предъявляетъ къ оставленному роду не меньше требованій, чѣмъ живущій. Онъ нуждается въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и освѣщеніи. Подъ угрозой сдѣлать изъ него врага, живущіе должны доставлять умершимъ все то, въ чемъ они могутъ нуждаться. Отсюда обычай осетинъ оставлять въ комнатѣ покойнаго на ночь зажженную лучину, въ ожиданіи его посѣщеній, отсюда-же часто повторяющіеся, особенно у сванетовъ и осетинъ поминки, во время которыхъ на могилѣ покойника выставляется пища и питье, и самъ онъ приглашается принять участіе въ пир-

шествѣ. Все съѣденное во время поминокъ идетъ на пользу усопшаго, и дорого стоящія поминальныя празднества нерѣдко разоряютъ семью. Лишенные пищи предки могутъ умереть и голодные, безпокойные причинить много зла потомкамъ; вслѣдствіе этого одно изъ наиболѣе оскорбительныхъ для осетинъ пожеланій — «чтобъ твои покойники умерли». Въ Осетии и въ Грузіи существуетъ обычай изготавлять изъ соломы чучело, изображающее умершаго, которое, во время поминокъ, сажаютъ съ собой за столъ обыкновенно на почетнѣйшемъ мѣстѣ. «Кто-нибудь изъ родственниковъ ѣстъ за двоихъ и избытокъ пищи считается поступившимъ въ пользу умершаго». Этотъ обычай находитъ себѣ аналогіи въ устройствѣ куколь, изображающихъ умершихъ у самоѣдовъ, остяковъ и т. п. Остяки, напр. по смерти члена семьи изготавляютъ куклу, изображающую умершаго. Каждый разъ, когда семья садится за обѣдъ или за чай, куклу эту сажаютъ или у блюда, или за столъ. Кукла, сначала небольшихъ размѣровъ, постепенно увеличивается, а по прошествіи періода равнаго лунному году погребается. Это увеличеніе роста куклы и ея ежедневное кормленіе въ теченіе луннаго года объясняется слѣдующимъ возрѣніемъ остяковъ: душа послѣ смерти переходитъ, по мнѣнію остяковъ, — пишетъ г. Росляковъ, — въ загробный міръ ма-

ленькой; въ теченіе луннаго года она переживаетъ младенческой и юношеской возрасты, послѣ чего получаетъ уже способность пользоваться тѣмъ имуществомъ, которое оставшіеся въ живыхъ положили въ могилу (вещи, платье, олени и проч.). До этого душа беспомощна и нуждается въ заботѣ оставшихся въ живыхъ родственниковъ, которые и кормятъ ее ежедневно въ лицѣ куклы, въ которой пребываетъ душа умершаго. Есть свѣдѣнія, что и на Кавказѣ, равно и у вотяковъ и др., нѣкогда на могилахъ родственниковъ совершались человѣческія жертвоприношенія. Магометанство, распространившееся за послѣднее время среди киргизовъ, стерло въ значительной степени слѣды родового культа. Но еще не въ столь отдаленное время киргизы—магометане по имени, въ дѣйствительности же язычники—сохраняли много слѣдовъ родовой религіи. Если даже въ настоящее время культъ домашняго очага, дорого стояющія поминки не вышли изъ употребленія, то не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія культъ предковъ былъ еще въ полной силѣ. Рычковъ, наприм., сообщаетъ, что онъ видѣлъ киргизское кладбище, гдѣ подъ срубомъ былъ «воткнуть болванъ, изображающій лицо и тѣло человѣческое. Подлѣ него повѣшено копійное древко, что служитъ обыкновеннымъ знакомъ усопшихъ степныхъ рыца-

рей». Въ день всеобщаго поминовенія толпами собираются туда киргизы, приносятъ на могилѣ «моленіе и жертву, отдираютъ по небольшому лоскутку отъ своей одежды и вѣшаютъ оныя на вѣтви выросшаго тамъ дерева, гдѣ также кладутъ клочки волосъ своихъ въ знакъ народнаго соболѣзнованія о немъ». Къ этому интересному свидѣтельству можно добавить сообщеніе того же путешественника, что въ огороженномъ передъ ханской гробницей мѣстѣ, въ день поминокъ, убиваютъ жертвенный скотъ. Обычай хоронить умершаго киргиза съ предметами обихода, убивать на его могилѣ лошадь, и кости этой жертвы сжигать на могилѣ, засвидѣтельствовано болѣе поздними писателями (напр. Левшинымъ). Въ настоящее время при принесеніи присяги въ важныхъ случаяхъ присяжники должны обойти вокругъ могилы своихъ предковъ.

Естественно, что предки посылаютъ почтительнымъ потомкамъ благословеніе и благосостояніе, и потомки стараются, чтобы это благословеніе не падало на чужихъ: отсюда типичная для родоваго-семейнаго культа исключительность. Къ участию въ немъ допускаются только члены рода, семьи, однимъ словомъ, только лица, объединенныя сознаниемъ общаго происхожденія. Отсюда, напр., иногда запрещеніе участвовать въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ женщинамъ: онѣ берутся обык-

ленькой; въ теченіе луннаго года она переживаетъ младенческой и юношеской возрасты, послѣ чего получаетъ уже способность пользоваться тѣмъ имуществомъ, которое оставшіеся въ живыхъ положили въ могилу (вещи, платье, олени и проч.). До этого душа беспомощна и нуждается въ заботѣ оставшихся въ живыхъ родственниковъ, которые и кормятъ ее ежедневно въ лицѣ куклы, въ которой пребываетъ душа умершаго. Есть свѣдѣнія, что и на Кавказѣ, равно и у вотяковъ и др., нѣкогда на могилахъ родственниковъ совершались человѣческія жертвоприношенія. Магометанство, распространившееся за послѣднее время среди киргизовъ, стерло въ значительной степени слѣды родового культа. Но еще не въ столь отдаленное время киргизы—магометане по имени, въ дѣйствительности же язычники—сохраняли много слѣдовъ родовой религіи. Если даже въ настоящее время культъ домашняго очага, дорого стоящія поминки не вышли изъ употребленія, то не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія культъ предковъ былъ еще въ немалой силѣ. Рычковъ, наприм., описывая въ своемъ видѣль киргизское кладбище, замѣчаетъ, что въ немъ былъ «воткнуто въ землю» чуждое лицо и тѣло челоука, и что оно было пошено копійное знаменемъ, а въ концѣ

члены рода проявляютъ свою солидарность и въ сферѣ права. Нѣсколько примѣровъ изъ быта народностей, среди которыхъ живы еще слѣды родового устройства, послужатъ подтвержденіемъ высказаннаго. Мы снова обращаемся къ Кавказу, этому живому хранилищу древнихъ нормъ первобытнаго права ¹⁾).

Родовой бытъ носить среди горцевъ еще всѣ признаки вполне жизненнаго явленія. Рѣдко гдѣ можно наблюдать его разнообразнѣйшія проявленія въ такой полнотѣ и подробности, въ такой чистотѣ и разцвѣтѣ,—пишетъ М. М. Ковалевскій,—какъ въ Кавказскихъ тѣснинахъ. Связь этой общественной организаціи съ религіозными представленіями, вліяніе, оказываемое ею на умственный складъ, на право, обычаи, привычки и экономическій строй—все это выступаетъ съ такой очевидностью, что историку родовыхъ порядковъ... не представляется... болѣе надежнаго пути къ провѣркѣ устанавливаемыхъ имъ гипотезъ,

1) Насколько обильны свѣдѣнія, которыя доставляетъ изслѣдователю Кавказъ—эта „гора языковъ“ древнихъ писателей—служатъ доказательствомъ, наприим. труды Леонтовича, издавшаго нормы обычнаго права (адата), собранныя среди горцевъ послѣ покоренія Кавказа русскими и М. М. Ковалевскаго, давшаго научное освѣщеніе этимъ нормамъ и въ значительной степени пополнившаго личными изслѣдованіями данныя о древнемъ правѣ населенія („Соврем. обычай и др. законъ“, „Законъ и обычай на Кавказѣ“).

какъ сопоставленіе съ данными съ кавказской этнографіи».

Крѣпостью родовыхъ отношеній и родового культа объясняется прежде всего господство обычая кровной мести. Связанные родствомъ и культомъ члены группы находятся между собой въ обязательствѣ взаимной защиты. Кровная месть до послѣдняго времени носила на Кавказѣ религиозный характеръ: родственникъ покрылъ бы себя вѣчнымъ позоромъ, если онъ оставитъ убійство сородича безъ отмщенія. Отказъ отъ участія въ кровной мести въ Дагестанѣ равносильнъ формальному разрыву со всей родней, съ выходомъ изъ рода. Даже въ настоящее время, когда среди многихъ кавказскихъ племенъ все больше и больше начинаетъ господствовать замѣна кровной мести системой выкупа за кровь «воззрѣніе на месть, какъ на нѣчто необходимое для блаженства предковъ въ загробной жизни, наглядно выступаетъ въ обычаяхъ оповѣщать покойника о постигшей убійцу карѣ». Осетинъ, отомстивъ убійствомъ за смерть родственника, «спѣшитъ на его могилу, прикладываетъ къ ней свои губы и произноситъ: «будь спокоенъ, я отомстилъ за твою смерть». Въ болѣе отдаленное время черкесы, чеченцы и осетины часто практиковали умерщвленіе кровныхъ враговъ на самой могилѣ убитыхъ лицъ, а въ ближайшее къ намъ

время кабардинцы, черкесы и чеченцы отсѣкали ухо у убійцы и зрывали его въ могилу убитаго: убіеніе челоуѣка замѣнилось здѣсь обрядомъ, и принесеніе въ жертву убитому виновника смерти послѣдняго перешло, какъ это часто встрѣчается въ исторіи жертвоприношеній у разныхъ племенъ, въ приношеніе «части вмѣсто цѣлаго», — что считается достаточнымъ для успокоенія души убитаго.

Вполнѣ понятно, что при исключительности, которая характеризуетъ родовую группу, кровной мести и другимъ возмездіямъ подвергаются только чужеродцы. Преступленія внутри рода не приводятъ къ кровной мести, что находитъ себѣ объясненіе отчасти въ мотивахъ эгоистическаго матеріальнаго характера, отчасти въ тѣсной связи, которая объединяетъ членовъ родовой группы даже тогда, когда она распалась на семейныя общины. Стремленіе группы къ численному увеличенію заставляетъ, какъ это было указано выше, охотно принимать путемъ усыновленія даже убійць-чужеродцевъ: всякое количественное ослабленіе родовой группы является не желательнымъ. Вотъ почему, напр., осетины и сванеты довольствуются нерѣдко только прекращеніемъ общенія съ отце-и братоубійцей. Лишь въ рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ группа изъ боязни передъ членомъ своимъ, котораго она считаетъ опаснымъ, прибѣгаетъ къ изгна-

нію его; это наказаніе считается однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ; кавказскій абрекъ одинъ изъ самыхъ несчастныхъ людей: „не имѣя семьи, отлученный отъ общенія со своими близкими, онъ обреченъ на вѣчное скитальчество. Тысяча опасностей представляется ему на пути: грабежъ и убійство, которыхъ онъ можетъ сдѣлаться жертвой, остаются безъ отищенія, такъ какъ у абрека нѣтъ родственниковъ и мстителей“.

Въ большинствѣ случаевъ члены рода стараются нанести виновному сородичу извѣстный матеріальный ущербъ, но такъ, чтобы интересы группы не пострадали: родственники или разоряютъ жилище виновнаго, или конфискуютъ движимую собственность его. Стремленіе къ безопасности, заставляющее группу въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгать къ изгнанію члена рода, вынуждаетъ ее и строго относиться къ воровству въ предѣлахъ рододовой группы. Среди членовъ каждой семейной-родовой общины, когда почти все имущество считается общимъ достояніемъ хозяйственной группы, естественно не можетъ быть рѣчи о воровствѣ. Но когда родовая группа разбилась уже на семейныя общины, имущество каждой изъ этихъ послѣднихъ не захватываетъ имущества всего рода. Поэтому необходимость порядка внутри родовой организациі заставляеть выработать строгія пра-

вила взысканія за воровство внутри группы: отвѣтственность при этомъ падаетъ часто не на одного виновнаго, а на всю семейную группу, къ которой онъ принадлежитъ. Діаметрально противоположное отношеніе мы встрѣчаемъ въ вопросѣ о воровствѣ у чужеродцевъ: то, что считается позоромъ въ отношеніи родственниковъ, является доблестью въ отношеніи къ чужеродцамъ. Воровство у послѣднихъ считается на Кавказѣ не только не позорнымъ, оно, напротивъ того, представляетъ даже своего рода доблесть. „Молодая дѣвушка не охотно отдаетъ свою руку человѣку, въ прошломъ котораго нельзя указать двухъ-трехъ случаевъ смѣлыхъ набѣговъ, окончившихся уводомъ скота и лошадей.“ У ингушей дѣвушки слагаютъ пѣсни въ честь наиболѣе смѣлыхъ воровъ, угоняющихъ скоть у чужеродцевъ и пр.

Члены родовой группы помимо стремленія къ самозащитѣ и къ усилению своей группы тѣсно связаны и экономическими интересами. Не останавливаясь на нормахъ семейнаго права, порядка наследованія и проч. мы отмѣтимъ лишь характеръ, опредѣляющій пользование земельной собственностью. Среди нормъ права кавказскихъ народностей не трудно найти слѣды архаичнаго, родового порядка вещей. Земля въ настоящее время въ большинствѣ обществъ горцевъ считается общей

собственностью. Дѣйствительно современное общество не всегда состоитъ изъ членовъ одного и того-же рода: стремленіе къ усиленію группы, необходимому для успѣшной борьбы за существованіе, дало преобладаніе территоріальному-общинному принципу надъ родовымъ. Но воспоминаніе о бывшемъ нѣкогда, въ недалекомъ прошломъ, родовомъ владѣніи землей сохранилось въ томъ, что и теперь еще, напр., у осетинъ встрѣчаются аулы, „занятыя семьями, родственными другъ другу, носящими одинаковое фамильное названіе, владѣющими землею на общинномъ началѣ и ведущими не рѣдко совмѣстное хозяйство.“ Даже послѣ перехода родовой общины въ сельскую, когда въ одномъ аулѣ живутъ представители разныхъ фамилій, воспоминаніе о болѣе древнемъ порядкѣ вещей сказывается прежде всего въ томъ, что въ собственности каждой семьи принадлежитъ только: 1) усадебная земля и 2) пахатные участки какъ раздѣланные общими силами членовъ той или иной семейной группы. Не говоря уже о лѣсахъ и пастбищахъ, которыя находятся въ общемъ владѣніи, даже покосы составляютъ часто общую собственность. Даже тамъ, гдѣ, какъ, напр., у горныхъ чеченцевъ и ингушей, покосные участки дѣлятся между семьями иногда каждый годъ, иногда-же только черезъ каждыя 10—15 лѣтъ, гдѣ пахатные участки

находятся въ индивидуальномъ обладаніи семейныхъ общинъ, намъ пришлось натолкнуться на обычай, служащій воспоминаніемъ бывшей нѣкогда совмѣстной обработки земли и косьбы: передъ началомъ пахоты и сѣнокоса одноаульцы собираются вмѣстѣ, причемъ каждый приноситъ, сколько можетъ, припасовъ и барановъ. Барановъ рѣжутъ всѣ вмѣстѣ, послѣ чего начинается пиръ, сопровождаемый пѣснями и плясками: неисполненіе этого обычая, какъ мнѣ сообщали чеченцы и ингуши, вредить успѣшному окончанію сельскихъ работъ. Тоже мы встрѣчаемъ и среди осетинъ, безразлично состоитъ ли ауль изъ однихъ кровныхъ родственниковъ, или онъ перешелъ уже въ сельскую общину. „Никто изъ осетинъ не смѣетъ произвольно начать покоса, замѣчаетъ М. М. Ковалевскій, пока не настанетъ іюль мѣсяць и всѣ жители деревни или околodka не соберутся на праздникъ, называемый *атенекъ*, на которомъ послѣ долгаго совѣщанія старики рѣшаютъ, пришла ли пора косить или нѣтъ. Определенные сроки существуютъ и для пахоты.“ Эти правила, извѣстныя подъ нѣмецкимъ названіемъ *Flurzwang* и опредѣляющія не только сроки для производства сельскихъ работъ, но иногда и опредѣленный сѣвооборотъ, находятъ аналогію въ подобныхъ же обычаяхъ при общинной формѣ хозяйства, какъ среди русской крестьянской

общины, такъ и въ болѣе отдаленное время въ германскомъ правѣ и въ Англии. По справедливому мнѣнію М. М. Ковалевскаго мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ дѣло съ фактомъ перенесенія на сельскую общину той экономической регламентаціи, которая впервые возникла въ средѣ родовыхъ сообществъ. Такой переносъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, продолжаетъ цитируемый авторъ, что намъ извѣстно объ унаслѣдованіи сельской общиной многихъ сторонъ юридическаго быта рода: о переходѣ, напр., права предпочтительной покупки сосѣдей, родового выкупа, въ сельскій выкупъ, родового наслѣдованія въ наслѣдованіе сосѣдей. У мордвы бывшій нѣкогда до распадѣнія родовой организаціи, родственникъ-однодеревенецъ передалъ свои права *шабру*—однодеревенцу-сосѣду; бывшій родственникъ у вотяковъ уступилъ свои права сосѣду-большаку и проч.

Родовая группа, владѣя общей территоріей, старается устранить отъ пользованія ею чужеродцевъ; вотъ почему въ случаѣ необходимости для члена рода отчудить свое недвижимое или движимое имущество члены его рода имѣютъ право прежде другихъ приобрести его. Этотъ взглядъ является прямымъ послѣдствіемъ болѣе древняго взгляда на родовое имущество, какъ на принадлежащее всему роду; отдѣльныя семьи, обрабатывая

участки на родовой землѣ, имѣютъ право пользования на послѣднюю, собственникомъ же ея считается родъ. Движимая собственность должна въ извѣстныхъ случаяхъ также перейти къ послѣднему. Отсюда, напр., норма осетинскаго обычнаго права, согласно которой родъ въ полномъ своемъ составѣ является наследникомъ вымороченнаго имущества, норма, которую мы встрѣчаемъ, между прочимъ, и у гиляковъ, и у якутовъ; В. Л. Сѣрошевскій сообщаетъ, напр., случай, когда послѣ умершаго якута за недостаткомъ родственниковъ по мужской линіи „наслѣдовали сородичи, совершенно посторонніе люди, между тѣмъ какъ родная сестра умершаго, вышедшая замужъ въ другой родъ, не получила ничего“. Этотъ архаичный взглядъ находитъ себѣ выраженіе и въ правѣ первой покупки: у сванетовъ, напр., имущество семьи можетъ быть продано чужеродцамъ лишь послѣ отказа родственниковъ воспользоваться своимъ правомъ первымъ купить продаваемое имущество.

Картину родового строя, которую раскрываетъ намъ изученіе Кавказа, мы встрѣтимъ съ тѣми же чертами у многихъ осѣдлыхъ, кочевыхъ и полукочевыхъ народностей Россіи, принадлежащихъ къ финской, монгольской и тюркской группамъ. Родовой бытъ у многихъ изъ нихъ сохраняется еще съ полной жизненностью; часть этихъ племенъ однако вслѣд-

стве условий жизни, воздействия посторонних элементов и пр. видоизменила больше первобытные отношения, так что не только среди каждого племени, но подчас даже в пределах одной национальной группы мы можем встретить значительные колебания. Не останавливаясь на общей картине родового строя у каждой из указанных народностей, мы ограничимся изложением некоторых, наиболее характерных фактов, у немногих из них — фактов, которые могут отчасти подтвердить, отчасти дополнить сведения, полученные от изучения быта кавказских народностей.

Мы уже говорили о следах родовой религии у киргизов: в их общественном устройстве следы родовой организации сохраняются с значительной жизненностью. Работа г. Гродекова, собравшего нормы права киргизов служит лучшей иллюстрацией сказанного. Все многочисленные роды киргизов Большой, Средней и Малой орды, за исключением очень немногих, которые приселились впоследствии (напр., местами каракалпакки) производят себя от мифического родоначальника Алаша-хана, почему боевой клич всех трех орды есть *Алашъ*. Кроме того солидарность всех членов одного рода выражается прежде всего в том, что каждый род имеет свой собственный боевой

кличь (*уртнэ*), причем уранъ состоитъ въ названіи предка въ 7—10 колѣнѣ. Въ настоящее время впрочемъ, нѣкоторые роды замѣнили въ уранѣ названіе предка другими именами. „Между киргизами распространень списокъ 92 узбекскихъ родовъ... Вн списокѣ... сказано, что когда 92 брата (родоначальники родовъ) разбогатѣли, то скоть ихъ сталъ смѣшиваться. Чтобы отмѣчать принадлежность скотинѣ, братья, по совѣщанію между собою, изобрѣли 92 знака, тамги.“ Приведенное преданіе старается объяснить происхожденіе тамгъ, родовыхъ знаковъ у киргизовъ: каждый родъ имѣетъ свою, ему одному присущую, родовую тамгу. Члены одного и того же рода имѣли общее имущество и отмѣчали свой скоть и другіе предметы собственности каждый родъ особымъ знакомъ. Тамга является такимъ образомъ первоначально родовымъ знакомъ, родовымъ клеймомъ; даже въ настоящее время при имущественномъ раздѣленіи внутри рода по семьямъ—тамга-гербъ служитъ вѣрнымъ признакомъ принадлежности имущества тому или иному роду. Древность тамгъ доказывается тѣмъ, что нѣкоторые названія родовъ происходятъ отъ названій рисунковъ тамгъ: напр. киргизскій родъ Средней орды—Таракты имѣетъ въ качествѣ тамги-гребень (*тлрак*), отъ котораго и родъ получилъ свое названіе. Родовыя клейма съ

упадкимъ родового строя переходятъ въ семейныя, такъ какъ собственникомъ имущества вмѣсто родовой группы становится семейная община. Въ этомъ значеніи клейма сохраняются еще съ полной жизненностью не только у инородцевъ (вотяки, мордва, лопари, кавказскія народности), но и русскихъ почти повсемѣстно.

Киргизскіе роды не считаются равными. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою генеалогію, вслѣдствіе чего соблюдается старшинство по родамъ: есть роды старѣйшіе и младшіе. Отношенія, возникающія отсюда, не лишены интереса для характеристики родового устройства. Старшинство между ордами и родами идетъ по прямой линіи: самый послѣдній родъ Большой орды имѣетъ преимущество передъ самымъ старшимъ родомъ Средней орды, младшій родъ послѣдней—преимущество передъ старшимъ родомъ Малой орды. Основаніемъ этого служить представленіе, что предокъ даннаго рода старше. Такъ, напр., родъ Джалаиръ считается въ настоящее время старшимъ въ Большой ордѣ. На пиряхъ, при подачѣ кушанья, всегда ставится вопросъ: есть-ли на лицо старшій изъ родовъ Джалаиръ? для того, чтобы представителю этого рода подать кушанье первому. На свадьбѣ пѣніе начинаютъ представители рода Джалаиръ и, только за отсутствіемъ послѣднихъ, это

право переходить къ представителямъ слѣдующаго по старшинству рода. Въ средѣ Букеевскихъ киргизовъ, представители которыхъ состоятъ преимущественно изъ членовъ родовъ Малой орды, есть и представители рода Большой орды: до послѣдняго времени этимъ послѣднимъ оказывался всевозможный почетъ на пирахъ, давались подарки и проч. Далѣе въ предѣлахъ каждаго рода имѣется старшій родичъ (*аксакаль*), который въ прежнее время игралъ роль родоуправителя. Въ настоящее время къ нему другіе родичи ѣздятъ на поклонъ, отвозятъ подарки и пр. Званіе аксакала принадлежало старѣйшему родичу, вслѣдствіе чего оно переходило не отъ отца къ сыну, а на старшаго дядю.

Въ настоящее время новое административное дѣленіе въ значительной степени подточило прежнюю организацію киргизовъ. Съ замиреніемъ ихъ прекратилась и родовая кровная месть, недавно еще широко распространенная,—измѣнились и земельныя отношенія. Но слѣды прежняго порядка вещей еще не утрачены и въ современномъ бытѣ киргизовъ. Еще въ очень недавнее время каждый родъ представлялъ строго экзогамную организацію: никто не могъ взять себѣ въ жены женщину изъ *своего* рода.

Личность киргиза и въ настоящее время находитъ себѣ защиту только у своего рода.

„За поступки ея отвѣчаетъ родъ. Очистительная присяга налагается не на оговоренную личность, а на другое лицо изъ ея рода. Взысканіе платитъ и получаетъ не лицо, а родъ“ — таковы общія положенія киргизскаго обычнаго права, свидѣтельствующія, что личность поглощается родовой группой. Солидарность членовъ родовой группы выясняется и въ вопросѣ о взносѣ платы за кровь (*хуна*). При неуплатѣ хуна убивается не непременно убійца, а любой челоуѣкъ изъ его рода. Въ настоящее время съ развитіемъ благоустройства и суда киргизы избѣгаютъ кровной мести и стараются замѣнить ее системой выкуповъ за кровь. Въ различныхъ мѣстностяхъ правила, опредѣляющія выкупъ, неодинаковы, и подробное изученіе ихъ можетъ начертать изслѣдователю картину постепеннаго упадка кровной мести и замѣны ея системой выкупа. Такъ, напр., въ однѣхъ мѣстностяхъ (Казалинск. у.) и теперь еще за кровь стараются отплатить кровью же, причемъ однако родственниковъ убитаго стараются успокоить и не допускать ихъ до кровополитія. Въ другихъ мѣстахъ платитъ и получаетъ *хунъ* не лицо, а родъ; наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда родовая организація подверглась уже измѣненіямъ, обязанность платитъ выкупъ за кровь падаетъ на семью убійцы: отца, брата и дядю. Въ прежнее время, при

несостоятельности членовъ семьи, ихъ убивали. При полученіи и уплатѣ хуна родомъ всѣ члены рода участвуютъ во взносѣ или полученіи равными долями. Если родъ убійцы разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ жительства, къ родственникамъ посылаютъ за взносомъ требованія. Обычай не допускаетъ отказа родственниковъ, хотя-бы и дальнихъ, отъ взноса хуна; въ случаѣ отказа кого-нибудь изъ родственниковъ этотъ послѣдній лишается права получать свою долю хуна и родъ его кромѣ того не будетъ участвовать во взносѣ платы въ случаѣ, если отказавшійся совершить убійство.

Солидарность узъ родовой группы сказывается у киргизовъ и въ отношеніи пользованія землей. Хотя земля считается вообще общей собственностью, но до послѣдняго времени каждый родъ имѣлъ и отчасти имѣетъ и теперь еще опредѣленные мѣста кочевки. Племенная, національная территорія была раздѣлена по родамъ. До настоящаго времени азіатскіе киргизы,—пишетъ г. Гродековъ, кочуютъ обществами одного рода, допуская въ свои аулы изъ другихъ родовъ лишь родственниковъ по женской линіи или бѣдняковъ, нанимающихся въ работники. Пути кочевковъ отмѣчены для каждаго рода, который имѣетъ опредѣленные мѣста для лѣтняго и осенняго пребыванія. При устройствѣ зимовокъ

члены рода группировались вмѣстѣ и проводили зиму сообща. Отчасти кочевой бытъ, отчасти военная жизнь киргизовъ содѣйствовали поддержанію до послѣдняго времени родовой организаціи ихъ. Недавно еще воинственные киргизы, не далѣе конца прошлаго и начала текущаго столѣтія, выступали въ бой родами, причемъ каждый родъ имѣлъ не только собственный боевой крикъ (уранъ), но и общій значекъ и даже опредѣленнаго цвѣта шапки. Объединенные территоріей, общественнымъ устройствомъ и проч. киргизы живо чувствуютъ свою связь съ родовой группой: отсюда дѣлается понятнымъ рядъ пословицъ, циркулирующихъ въ устахъ киргизовъ: „лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ царемъ въ чужомъ народѣ“, говоритъ киргизъ, указывая на тѣсную связь, соединяющую его съ родомъ; „кто не знаетъ именъ своихъ семи предковъ, тотъ отступникъ“, „глупецъ забудетъ, гдѣ онъ родился“ гласятъ другія киргизскія пословицы, и, какъ-бы напоминая, что только въ предѣлахъ своей родовой группы человѣкъ можетъ считать себя въ безопасности, пословица предостерегаетъ: „не ходи, — говорится въ ней, на охоту съ человѣкомъ изъ чужого рода: подъ бокомъ онъ помѣшаетъ тебѣ выстрѣлить“.

Почти съ тождественными чертами выступаетъ и родовая организація у монголовъ.

Н. О. Леонтовичъ (Др. монголо-калмыцкій уставъ взысканій) сообщаетъ, что монголы до настоящаго времени ведутъ свою родословную съ такой точностью, что несмотря на ихъ размноженіе и случайное перемѣщеніе въ другіе роды, они никогда не теряютъ своего ясу (рода). Монголы, какъ и киргизы, производятъ себя отъ общаго родоначальника *Бюрте-чино* (т. е. „Синяго волка“) предка Чингисхана. Западные монголы (элюты) дѣлятся на 4 племени, по именамъ 4-хъ братьевъ-родоначальниковъ, восточные—на 5 племенъ. Такъ какъ у каждаго изъ племенъ было свое знамя, то западные монголы называли себя „четыре-цвѣтными“, а восточные поэтому-же „пяти-цвѣтными“; весь-же монгольскій народъ называетъ себя „девятицвѣтными“. Каждая группа монголовъ, такимъ образомъ, объединялась въ единое цѣлое во время войны и каждая имѣла особый цвѣтной значекъ, откуда и произошло и само наименованіе „девятицвѣтныхъ“.

Порядки родового старшинства наблюдаются калмыками не только въ общественной, но и въ будничной, семейной жизни, даже при распредѣленіи кибитокъ при стоянкахъ: первую линію, ближайшую къ главной отцовской кибиткѣ, занимаютъ обыкновенно кибитки ближайшихъ родичей, вторую—дальнихъ родственниковъ, и т. д. по степенямъ родового мѣстничества. Населеніе калмыковъ дѣлится

на *хатоны*, *аймаки*, *отоки* и *улусы*, и въ дѣленіи этомъ не трудно усмотрѣть явные слѣды родового устройства.

Приводимъ со словъ г. Леонтовича опредѣленія каждой изъ этихъ группъ. Отдѣльныя семьи живутъ въ отдѣльныхъ кибиткахъ. *Хотонъ*—союзъ нѣсколькихъ родственныхъ между собой семей, кочующихъ вмѣстѣ на одномъ стойбищѣ и происходящихъ одна отъ другой путемъ нарастанія отдѣльныхъ поколѣній родичей. Хотонъ современныхъ калмыковъ имѣетъ личный составъ, опредѣляемый ближайшими (4-мя—5-ю) степенями кровного родства (отъ прадѣда и до внука включительно); онъ представляетъ совокупность близкихъ родственниковъ другъ другу семействъ, живущихъ нераздѣльно, въ общемъ хозяйствѣ; хотонъ находится подъ управленіемъ отца, старосты или старѣйшины; онъ соотвѣтствуетъ семейной общинѣ. Нѣсколько хотоновъ, близкородственныхъ семействъ образуютъ *аймакъ*; населеніе аймака кочуетъ нераздѣльно въ данной мѣстности, но на болѣе обширной территоріи. Нѣсколько аймаковъ, имѣющихъ одного общаго родоначальника, образуютъ, такъ называемый, *отокъ*. Если хотонъ и аймакъ представляютъ дѣленіе родовой группы, вызванное экономическими условіями, обстоятельствами кочевого быта, то отокъ представляетъ скорѣе военно-административное дѣле-

ніе рода (отоки-«знамена»); отокъ—небольшія родовыя орды, какими родъ-улусъ обыкновенно перекочевываль съ мѣста на мѣсто, выходилъ противъ врага и проч. Въ настоящее время у калмыковъ старыя отоки замѣнены «родами» (анги); наименованіе отока удержалось лишь за землей, занимаемой кочевьями одного рода, отдѣльно отъ чужеродцевъ. Наконецъ, нѣсколько родственныхъ отоконъ и аймаковъ образовывали *улусъ*, опредѣленную форму родовыхъ союзовъ. Совокупность улусовъ, составлявшихъ каждый отдѣльную кочевую орду, управлявшуюся своимъ родовымъ вождемъ-*нойномъ*, образовывала племя (тангачи), находившееся подъ управленіемъ племеннаго *тайши*. Племя въ свою очередь, какъ указано выше, производило себя отъ общаго родоначальника.

Таковъ строго проведенный родовой принципъ дѣленія калмыковъ. Сознаніе своего родственнаго и хозяйственнаго единенія приводитъ къ тому, что у астраханскихъ калмыковъ, по словамъ г. Житецкаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строго соблюдается обычай, что въ составъ хотона посторонняя кибитка принимается только послѣ того, какъ хозяинъ ея даетъ согласіе подчиниться обычаямъ хотона, чѣмъ онъ какъ бы дѣлается родственникомъ.

Калмыцкіе, какъ и киргизскіе, родовые со-

юзы объединены определенными родовыми знаками (тамгами); отдельные отоки, аймаки и проч. имели особые тамги, служащие до настоящего времени калмыкамъ вместо печатей и для отмѣчанія скота.

Болѣе или менѣе ясно выраженные слѣды родового устройства мы встрѣтимъ почти у всѣхъ народностей Россіи: у лопарей, среди которыхъ еще живы родовыя преданія и земельныя угодья до настоящего времени продолжаютъ дѣлиться по родамъ; у самоѣдовъ, твердо помнящихъ, къ какому роду они принадлежатъ; у нихъ родъ, какъ и всюду, гдѣ родовое устройство еще живо, представляетъ строго экзогамную организацію; у остяковъ, вогуловъ, башкиръ, бурятовъ, алтайскихъ тюрокъ и пр. Обычное право якутовъ до настоящего времени проникнуто нормами, которыя могли зародиться только на почвѣ агнатическаго рода: родовыя земельныя участки, родовыя клейма, солидарность родственниковъ при процессѣ, охоты, устраиваемыя родичами, родовыя пиршества, все это мы находимъ и у нихъ, какъ и среди другихъ инородцевъ Россіи, у которыхъ родовой строй еще поддерживается. У якутовъ, такъ же какъ и у киргизовъ и лопарей, подмѣчено даже антропологическое различіе отдельныхъ родовыхъ группъ. На примѣрѣ якутовъ можно наглядно изучить постепенное распаденіе родовой орга-

низации и переходъ къ господству большой семьи: въ этомъ отношеніи детальное изученіе современнаго быта якутовъ даетъ лишнее доказательство, что въ большой семьѣ слѣдуетъ видѣть лишь обломокъ нѣкогда болѣе обширной родовой группы. Многіе обычаи, зародившіеся очевидно при господствѣ родового строя у якутовъ, не вышли изъ употребленія въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большая семья уже подточила цѣльность рода и отодвинула послѣдній на второй планъ. Совмѣстная жизнь членовъ родовой группы естественно приводитъ къ широкой взаимопомощи, граничащей подчасъ съ имущественной общностью. Обычай якутовъ, по словамъ В. Л. Сѣрошевскаго, предписываетъ, напр., лицу, зарѣзавшему животное для хозяйственныхъ цѣлей, дѣлиться мясомъ съ живущими вмѣстѣ съ нимъ въ селеніи родичами; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ селеніе состоитъ не изъ однихъ родственниковъ, этотъ обычай перешелъ въ право сосѣдей на извѣстныя части убитаго животнаго, которыя они имѣютъ право требовать отъ хозяина послѣдняго.

Въ сказаніяхъ и преданіяхъ якутовъ до нашихъ дней сохраняются воспоминанія о враждѣ родовъ, о кровавой мести, о выкупѣ, вносимомъ родомъ убитаго. Случаи возникновенія родовой вражды и теперь еще встрѣчаются

между якутами, и вражда часто переходит изъ поколѣнія въ поколѣніе. Солидарность членовъ рода проявляется и въ томъ, что они охотно скрываютъ виновнаго сочлена. Привлеченіе родичей къ присягѣ, такъ называемое, соприсяжничество, мы видимъ у якутовъ съ той-же жизненностью, какъ и на Кавказѣ. Родовыя пиршества, такъ называемыя, *ыстахи*, которыя въ прежнее время сопровождались конскими бѣгами, борьбой мѣстныхъ силачей, стрѣльбой изъ лука и проч., не вышли и въ настоящее время изъ употребленія у якутовъ даже въ мѣстностяхъ, гдѣ родовой строй уступилъ уже мѣсто большой семьѣ.

Въ заключеніе характеристики нормъ родового строя мы укажемъ со словъ г. Штернберга на родовое устройство гиляковъ (Этн. Об. 17). Родъ (халь) гиляковъ представляетъ замкнутую, экзогамную организацію. Во главѣ его стоитъ старѣйшина, власть котораго по наслѣдству переходитъ отъ старшаго къ старшему въ родѣ. Роды могутъ быть очень многочисленны; сородичи связаны между собой общими жертвоприношеніями и празднествами, изъ которыхъ особенное значеніе имѣеть «праздникъ медвѣдя», устраиваемый родомъ; праздникъ сопровождается цѣлымъ ритуаломъ, до извѣстной степени связаннымъ съ домашнимъ культомъ. Огонь въ печи, въ которой варится мясо медвѣдя, разводится не иначе,

какъ родовымъ огнивомъ. Когда родъ раздѣляется и часть его выселяется, старшій въ родѣ ломаетъ огниво пополамъ и передаетъ половину старѣйшему изъ отъѣзжающихъ. Переселенцы этимъ огнивомъ «зажгутъ на новомъ очагѣ огонь на праздникъ медвѣдя; оно же будетъ передаваться изъ рода въ родъ для той-же цѣли. Отсюда выраженіе «ломать огонь» стало означать разселеніе рода». Этотъ обычай уносить съ собой часть «домашняго» огня находить себѣ, какъ извѣстно, многочисленныя аналогіи среди русскихъ крестьянъ и инородцевъ при семейныхъ раздѣлахъ, а именно въ обычаѣ переносить уголья, золу изъ прежняго родительскаго очага. Обычай этотъ стоитъ такимъ образомъ въ тѣсной связи съ семейно-родовымъ культомъ.

Кровная месть до настоящаго времени въ силѣ среди гиляковъ; родъ убитаго мститъ роду убійцы и, при удовлетвореніи мести, не щадятся даже новорожденныя дѣти; кровная месть приводила въ недавнемъ еще прошломъ къ войнамъ между гиляцкими родами. Впрочемъ и у нихъ часто кровная месть замѣняется выкупомъ, вносимымъ родомъ убійцы. Родъ вообще отвѣтственъ за долги сородичей; если въ случаѣ несостоятельности послѣдняго и его ближайшихъ родныхъ, родъ обязанъ принять на себя долгъ, то родъ является и наслѣдникомъ вымороченнаго имущества, какъ

мы это видѣли и у другихъ инородцевъ. Объединенный культъ, круговой порукой, обязанностью взаимной защиты, общностью территории (такъ какъ и у гиляковъ земля принадлежитъ роду, а отдѣльныя семьи имѣютъ лишь отведенные участки на родовой землѣ)—сородичи у гиляковъ объединены и общимъ кладбищемъ, недоступнымъ для чужеродцевъ.

Не останавливаясь дальше на нормахъ родового устройства у русскихъ инородцевъ, отмѣтимъ, что во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ господство родового строя не исключаетъ одновременнаго существованія семейныхъ общинъ, которыя относятся къ роду, какъ часть къ цѣлому. Такимъ образомъ уже а priori, даже если бы въ древнихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ бывшаго нѣкогда родового устройства, если бы мы даже не знали объ обязанности кровной мести, налагаемой на родственниковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства предписаніемъ Русской Правды, не знали ничего о тѣсныхъ узахъ, соединяющихъ нашего крестьянина съ его родней, съ его родомъ-племенемъ, — узахъ, запечатлѣвшихся и въ народномъ творествѣ -- мы имѣли бы право признать, что большая семья русскаго крестьянина съ ея рѣзко выраженнымъ патриархальнымъ характеромъ не болѣе, какъ остатокъ родового строя нѣкогда пережитаго

русскими славянами. Только изъ родового строя можно объяснить нѣкоторые обычаи, которые и до настоящаго времени сохраняются въ болѣе глухихъ уголкахъ Великороссіи. Въ настоящее время, когда сельская община великоруссовъ давно уже смѣнила собой родовую, когда деревня состоитъ изъ неродственныхъ семействъ и только мѣстами названія селеній съ патронимическимъ окончаніемъ на «чи» напоминаютъ, что нѣкогда селеніе было занято исключительно родственниками—территоріальныя интересы, связующіе членовъ общины, замѣнили собой узы кровныя и объединеніе населенія происходитъ уже не на почвѣ родственной, а исключительно общественной. Происхожденіе общественныхъ пиршествъ, которыя сохранились до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно на сѣверѣ, можетъ быть объяснено лишь какъ пережитокъ періода, когда родовой строй былъ еще живъ, когда эти празднества объединяли только родственниковъ, населявшихъ данную деревню. Въ Олонецкой губерніи, напр., каждая болѣе или менѣе значительная деревня имѣетъ *своего* святого, память котораго она и чтить: это—святой, во имя котораго построена въ деревнѣ часовня; иногда культъ святого замѣняется почитаніемъ священнаго дня: такъ одна деревня напр. празднуетъ Ильинскую пятницу,

а другая, рядомъ съ нею, не признаетъ этотъ праздникъ и почитаетъ Петровскую пятницу. Мѣстами въ Архангельской губерніи для такихъ празднествъ покупаютъ сообща быка, откармливаютъ его на общественныхъ лугахъ и затѣмъ, въ праздникъ, его закалываютъ и сообща съѣдаютъ. Этотъ обычай укоренился настолько, что каждый бѣднякъ считаетъ необходимымъ внести хоть сколько-нибудь въ складчину. Къ общественному пиру часто приступаютъ не раньше, чѣмъ духовенство отслужитъ молебенъ и окропитъ святой водой «жертвы», какъ сами крестьяне называютъ заколотога быка или барана: христіанство лишь освятило языческое празднество, однообщественники замѣнили сородичей, и мѣстный святой, спеціальный покровитель деревни, сталъ на мѣсто языческаго родового божества.

Если нормы родового быта среди русскаго крестьянства сохранились, такъ сказать, въ обломкахъ, то мы ихъ находимъ еще въ полной силѣ среди южныхъ славянъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черногоріи и Герцеговины. Краткій очеркъ родового устройства ихъ необходимъ для уясненія прошлаго быта русской народности—въ частности и описанныхъ общественныхъ пиршествъ. Южные славяне въ Черногоріи и Герцеговинѣ живутъ въ настоящее время въ семейныхъ общинахъ, производящихъ себя каждая отъ

общаго предка. Нѣсколько семейныхъ общинъ, имѣющихъ въ свою очередь общаго предка, образуютъ, такъ называемыя, *братства*, объединенныя кромѣ сознанія родственныхъ узъ и общностью владѣнія землей и религіознымъ культомъ. Совокупность нѣсколькихъ братствъ, производящихъ себя отъ общаго родоначальника, образуетъ *племя*. Последнее оказывается, такимъ образомъ, развившимся родомъ, семейная община—результатомъ распаденія послѣдняго; слѣдовательно, наиболѣе типичныя черты для родовой организаціи слѣдуетъ искать въ промежуточной, между названными, формѣ—въ братствахъ.

Братства объединены выборнымъ главою (главарь, *starešina*, князь, воевода). Главы отдѣльныхъ семействъ собираются для обсуждения дѣлъ, касающихся церковнаго управленія, семейныхъ споровъ, семейныхъ дѣлежъ и проч., а въ прежнее время эти собранія рѣшали вопросы о походахъ, военныхъ дѣйствіяхъ и т. п. Остальные члены братствъ, хотя и присутствуютъ на собраніяхъ, но не участвуютъ въ обсужденіи дѣлъ: лишь крикомъ выражаютъ они свое согласіе или несогласіе съ рѣшеніемъ домохозяевъ. Члены братствъ занимаютъ иногда нѣсколько деревень; когда случается, что то или иное селеніе занято представителями разныхъ братствъ, то это не нарушаетъ единства

братствъ: братственники знаютъ, къ какому изъ нихъ они принадлежатъ, и земельные участки членовъ одного и того-же братства находятся обыкновенно рядомъ: сосѣдская связь служитъ лишь укрѣпленіемъ родственной. Во время войны всѣ братственники объединялись и выступали въ сраженіе вмѣстѣ.

Члены этихъ родовыхъ союзовъ связаны между собой прежде всего обязанностью кровной мести, которая примѣняется еще въ Черногоріи, Герцеговинѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Въ заключеніи мира между родами участвуютъ всѣ члены братства; никто не имѣетъ права заключить миръ съ родомъ кровника самъ по себѣ. Въ уплатѣ виры, если семья убійцы не въ силахъ внести ея, принимаетъ участіе все братство. Кромѣ того, члены этихъ послѣднихъ поддерживаютъ другъ друга въ тяжелое время: сгоритъ-ли домъ у братственника, его родъ даетъ ему деньги на постройку новаго помѣщенія и на обзаведеніе хозяйствомъ; если кто по бѣдности не можетъ взять свадебныхъ расходовъ на семейный счетъ, братство спѣшитъ женить его на свои деньги.

До послѣдняго времени южно-славянскія братства были строго экзогамны: исключенія—результатъ новѣйшаго времени.

Братство владѣетъ общимъ имуществомъ: земля, дѣйствительно, подѣлена между отдѣль-

ными семейными общинами, но церковь, кладбище, мельница, пастбища находятся въ общемъ владѣніи. Право предпочтительной покупки, которое мы встрѣтили въ другихъ родовыхъ организаціяхъ, еще въ полной силѣ среди братственниковъ. Мало того, если изъ членовъ братствъ нѣтъ никого, кто могъ-бы или желалъ купить участокъ, то это еще не значитъ, чтобы чужеродецъ могъ приобрѣсти его: право покупки переходитъ къ членамъ другихъ братствъ, принадлежащихъ къ одному племени.

Братственники ревниво оберегаютъ честь братства: у каждаго изъ послѣднихъ есть своя родовая честь, своя генеалогія, свои родовыя сказанія; при бракахъ особенно обращается вниманіе на то, чтобы невѣста принадлежала къ братству, породниться съ которымъ не роняло бы родовой чести.

Слѣды родового культа сохранились въ празднествахъ: каждое братство имѣетъ своего особаго святого, спеціально покровительствующаго ему. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ братства уже распались, воспоминанія объ общемъ покровителѣ-святомъ служатъ связью между отдѣльными семьями, т. е. родовая организація въ послѣднемъ случаѣ переходитъ, какъ это мы видѣли и у вотяковъ, въ религіозную корпорацію. Христіанскій святой замѣнилъ собою языческое боже-

ство благодаря воздѣйствию христіанства. Это родовое празднество, извѣстное обыкновенно подь сербскимъ названіемъ *крестно имя*, обязательно для сородичей. Въ этотъ день, по воззрѣніямъ южныхъ славянъ, святой посѣщаетъ братство, гдѣ ему празднуютъ. Само торжество носить всѣ черты религіознаго пира, гдѣ всѣ дѣйствія подчинены опредѣленному ритуалу, причемъ языческіе обряды переплетаются съ христіанскими. Весьма интересно, что совершающіе служеніе и затѣмъ присутствующіе на пирѣ священнослужители, должны быть непременно членами того же братства, т. е. того родового союза, который празднуетъ своего святого. Въ послѣднемъ обычаѣ мы видимъ сохраненіе древняго взгляда, по которому въ родовомъ культѣ могутъ принимать участіе только сородичи.

Въ то время какъ братства представляютъ весьма ясно выраженную родовую организацію, племя—результатъ развитія и размноженія численнаго состава рода,—является почти государственнымъ организмомъ. Въ предѣлахъ племени до послѣдняго времени сохранились ясныя слѣды родового строя: оно состояло почти исключительно изъ родственныхъ другъ другу братствъ, имѣло общую племенную территорію; изъ права пользованія лѣсомъ, водой и т. д. исключались чужаки. Выборный воевода стоялъ во главѣ племени. Но не-

обходимость усиленія приводила къ принятію въ составъ племени и постороннихъ, чужихъ по крови братствъ; ослабленіе родственныхъ узъ допускало браки между членами одного племени, что строго было запрещено внутри отдѣльныхъ братствъ и т. п.

Не останавливаясь на племенномъ устройствѣ южныхъ славянъ мы укажемъ еще на составныя части братствъ, на семейныя общины, извѣстныя подъ общимъ названіемъ задруги. Задруга представляетъ нѣсколько типовъ, которые отчасти очень близки къ великорусской и инородческой большой семьѣ, отчасти въ значительной степени уклоняются отъ типа патріархальной организаціи и почти переходятъ въ артель, объединенную не столько кровными узами (такъ какъ въ составъ ея входятъ и чужіе) сколько единствомъ хозяйственныхъ, экономическихъ интересовъ.

Параллельное изученіе различныхъ формъ задруги приводитъ къ заключенію, что 2-й типъ ея оказывается болѣе позднимъ, результатомъ развитія изъ 1-го типа. Наиболѣе первобытная форма задруги сохранилась у южныхъ славянъ, именно тамъ, гдѣ родовая организація болѣе жизненна. Если въ настоящее время въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ извѣстна задруга, отдѣльные члены ея имѣютъ право на личную собственность, за-

работанную личнымъ трудомъ, то въ задругахъ, хранящихъ слѣды бѣльшей первобытности (Черногорія, Герцеговина), членъ задруги лишь даровой работникъ на пользу общины: въ прежнее время отдѣльные лица не имѣли права имѣть недвижимую собственность, и всѣ ихъ заработки поступали въ семейную казну. Въ настоящее время часть имущества задруги—наслѣдіе отъ прежнихъ поколѣній (дѣдина, старина)—неотчуждаема безъ общаго согласія; часть, заработанная лицами на сторонѣ, находится въ полномъ ихъ распоряженіи и составляетъ объектъ собственности заработавшихъ. Задруга управляется выборнымъ главой (домачиномъ), власть котораго ограничивается семейнымъ совѣтомъ, имѣющимъ право смѣнить его. Домачинъ распоряжается работами мужчинъ, его жена (домачиха)—работами женщинъ. Члены задруги, численность которыхъ достигаетъ иногда нѣсколькихъ десятковъ человекъ, обязаны исполнять приказанія главъ хозяйства, и личные интересы лица отходятъ на второй планъ; внося часто весь свой трудъ на пользу семейной общины, членъ задруги лишень инициативы: онъ получаетъ столъ и одежду, объ изготовленіи которыхъ заботится женское населеніе. Положеніе женщины въ задругѣ приниженное, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она завоевала себѣ право голоса на семейныхъ совѣтахъ. Облеченный

нѣкогда патріархальной властью домашинъ (и домачиха) въ настоящее время имѣеть значеніе лишь распорядителей хозяйственной жизнью семейной общины. Онъ скорѣе староста обширной хозяйственной артели, чѣмъ домовладыка: домашинъ не имѣеть личного имущества; въ мѣстностяхъ-же, гдѣ такое разрѣшается, ему и его женѣ не дается никакихъ привилегій. Семейное же имущество онъ не можетъ ни продать, ни вымѣнять безъ согласія семейнаго совѣта, который мѣстами состоитъ изъ всѣхъ взрослыхъ, въ другихъ— только изъ женатыхъ членовъ задруги.

Задруга тамъ, гдѣ патріархальныя черты ея уже утрачены, гдѣ экономическіе интересы выступили на 1-й планъ представляетъ типъ организаціи, которую мѣстами принимаетъ и русская большая семья, въ которой выборный большакъ ограничивается также семейнымъ совѣтомъ, гдѣ наследственное имущество семьи рѣзко отдѣлено отъ индивидуальнаго, гдѣ принимаются постороннія семьи для достиженія съ бѣльшимъ успѣхомъ благосостоянія группы. Эти типы развиваются изъ формъ патріархальной семьи и представляютъ интересный видъ группъ, которыя въ цѣляхъ борьбы за существованіе объединяются преимущественно экономическими узами, замѣнившими постепенно узы кровныя и вытекающія изъ нихъ отношенія.

Суммируя признаки родового устройства описанных народностей мы видимъ, что въ основаніи его лежитъ всегда сознаніе происхожденія отъ одного общаго родоначальника. Сознающіе свое общее происхожденіе родственники связаны между собой цѣлымъ рядомъ узъ, налагающихъ особый отпечатокъ, характерный для родового устройства: родовой культъ въ которомъ имѣютъ право участвовать только сородичи, обязанность взаимной защиты и помощи, обладаніе и пользованіе общей территоріей все это признаки, выступающіе въ родовомъ строѣ на почвѣ сознанія своего кровнаго родства. Это же сознаніе находитъ себѣ выраженіе въ институтахъ первобытнаго права, въ солидарности родственниковъ на судѣ, въ правѣ предпочтительной покупки и пр. Повторяемъ, что характернымъ для родового устройства слѣдуетъ признать, что религія и право основаны прежде всего на сознаніи кровнаго родства, что они нормируются изъ условій, возникающихъ изъ интересовъ всѣхъ родственниковъ и что при коллизіи интересовъ меньшихъ группъ съ интересомъ рода, этотъ послѣдній поглощаетъ первая.

Экономическіе интересы объединяютъ членовъ родовой группы; отсюда и право предпочтительной покупки и запрещеніе чужеродцамъ селиться на равныхъ правахъ на родовой землѣ и проч. Но вполнѣ объединяющимъ

звеномъ для родовой группы экономическіе интересы могутъ быть только въ случаяхъ совмѣстной жизни сородичей. Такія родовыя общины, живущія въ совмѣстномъ хозяйствѣ, извѣстны, напр. среди нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, на Малайскомъ архипелагѣ и проч. Естественно однако, что подобное совмѣстное веденіе хозяйства всѣми сородичами возможно лишь какъ исключеніе, именно при сравнительно небольшомъ количествѣ членовъ родовой общины. Экономическія условія заставляютъ членовъ группы дѣлиться на отдѣльныя хозяйства, и это дѣленіе, вначалѣ мало вліяющее на нормы жизни рода, постепенно оказывается источникомъ упадка родового быта: родовой культъ, нормы обычнаго права, поскольку они касаются обязанностей самозащиты, назначеніе главы рода, личныхъ отношеній членовъ рода и т. д. остаются вначалѣ совершенно неизмѣненными: родовой бытъ переживаетъ родовую общину въ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдняя встрѣчалась. Различіе экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ членовъ рода, заставляетъ ихъ дробиться на меньшія хозяйственныя организаціи и приводитъ къ возникновенію семейныхъ общинъ, въ которыхъ члены, объединенные общностью происхожденія отъ близкаго предка и тѣсно связанные экономическими интересами, организуются по примѣ-

ру внутреннихъ распоряжковъ родовой группы: семейныя общины представляютъ, такъ сказать, подгруппы большей объединяющей ихъ родовой организаціи; онѣ, сохраняя тѣсную связь съ послѣдней, въ хозяйственномъ отношеніи оказываются однако самостоятельными; онѣ свободно располагаютъ своимъ движимымъ имуществомъ; что-же касается недвижимаго, то право на него семейной общины ограничивается интересами общей родовой группы.

Численное увеличеніе родовой группы, появленіе новыхъ экномическихъ условій, новыхъ формъ хозяйственнаго быта, территориальная разбросанность отдѣльныхъ хозяйствъ и проч. лишь медленнымъ путемъ приводитъ къ упадку родового быта, къ ослабленію узъ, соеиняющихъ родственниковъ. Гдѣ не встрѣчается условій особенно поддерживающихъ родовое устройство, это послѣднее начинаетъ постепенно падать и семейная община все больше дифференцируется въ совершенно самостоятельную единицу. Изъ условій, поддерживающихъ въ жизни родовой строй, особенную видную роль слѣдуетъ отнести чувству самосохраненія: тамъ, гдѣ постоянныя войны заставляли группу отстаивать свое существованіе, родовая организація сохраняется съ особенной крѣпостью; этимъ слѣдуетъ

объяснить, что именно на Кавказѣ, у киргизовъ, калмыковъ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ мы встрѣчаемъ ее до послѣдняго времени: съ замиреніемъ киргизовъ, съ уничтоженіемъ военныхъ походовъ калмыковъ, съ прекращеніемъ необходимости съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою національность у южныхъ славянъ—родовой строй началъ быстро разлагаться, и наиболѣе жизненные остатки его мы видимъ у тѣхъ частей этихъ народовъ, которые позже другихъ перешли къ мирной жизни: напр. у азіатскихъ киргизовъ и калмыковъ больше, чѣмъ у ихъ европейскихъ собратьевъ и т. д.

Родовой культъ съ постепенной утратой среди сородичей общей связи переходитъ въ семейный: онъ сосредоточивается почти исключительно въ предѣлахъ семейной общины и только въ опредѣленные дни сородичи объединяются въ общемъ родовомъ празднествѣ, которое иногда переходитъ въ общественное. Часто, съ утратой воспоминанія объ общности происхожденія, религіозныя узы продолжаютъ связывать членовъ рода въ силу традиціи, и родъ переходитъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ вотяковъ въ религіозную корпорацію. Сосредоточиванье культа въ предѣлахъ семейной общины приводитъ къ почитанію лишь ближайшихъ предковъ, а главный родоначальникъ переходитъ иногда въ пле-

менное божество, въ патрона извѣстной территории.

Въ сферѣ права разложеніе родового быта не менѣ замѣтно: права и обязанности, прежде общія для всѣхъ сородичей, сосредоточиваются въ кругѣ членовъ одной семейной общины. Живущіе часто подъ одной кровлей ближайшіе родственники тѣсно связаны между собой. Отсюда появленіе нормъ наследственнаго права, согласно которымъ къ наследованію привлекаются лишь члены одной семейной общины. Сородичи предъявляютъ свои права, основанныя на сознаніи общности крови только въ тѣхъ случаяхъ, когда естественныхъ, ближайшихъ наследниковъ семейнаго имущества нѣтъ. Обязанность кровной мести, прежде распространявшаяся на всю родовую группу сосредоточивается въ предѣлахъ ближайшихъ родственниковъ: появляются болѣе точныя правила, кому изъ родственниковъ слѣдуетъ мстить за убійство того или иного лица.

Отдаленность родственниковъ, живущихъ въ различныхъ семейныхъ общинахъ, ослабленіе памяти объ общемъ происхожденіи, приводитъ, далѣе, сначала къ смягченію господствующей при родовомъ строѣ экзогаміи, а затѣмъ постепенно къ уничтоженію послѣдней. Родовая группа въ подавляющемъ количествѣ случаевъ экзогамна: эндогамія встрѣ-

чается среди нѣкоторыхъ группъ, но въ этихъ случаяхъ, какъ было указано, она объясняется особыми условіями: расовой гордостью, обереганіемъ чистоты крови и пр.— понятія, которыя свойственно и низко стоящимъ въ культурномъ уровнѣ народностямъ. Браки начинають считаться запрещенными лишь въ болѣе узкомъ кругѣ родни, такъ какъ боязнь кровосмѣшенія, — обыкновенный источникъ экзогаміи, — съ утратой кровныхъ узъ между родственниками все меньше беспокоитъ нецивилизованнаго чловѣка.

Но какъ ни отдалилась семейная община отъ родового строя, какъ ни слабы будутъ связи, соединяющія ея съ сородичами — въ организациі ея мы увидимъ массу чертъ, повторяющихъ иногда до мелкихъ подробностей родовую организацию. Какъ и въ послѣдней во главѣ семейной общины стоитъ обыкновенно старѣйшій (дѣдъ, отецъ, старшій дядя); управленіе ею переходитъ по наслѣдству отъ старшаго къ старшему, — принципъ, который въ цѣляхъ практическихъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что глава иногда избирается изъ числа лицъ болѣе способныхъ. Аналогію къ этому мы находимъ и въ родовыхъ организацияхъ, когда тѣ-же цѣли матеріальнаго благостоянія заставляютъ родъ избирать себѣ главу, какъ это можно встрѣтить напр. у южныхъ славянъ. Объемъ власти главы семьи не

терпитъ—въ началѣ, по крайней мѣрѣ, измѣненій сравнительно съ властью родового старѣйшины. Но какъ и послѣдній ограничивается сначала фактически, а впоследствии и юридически собраніемъ родичей, такъ и глава семьи долженъ считаться съ семейнымъ совѣтомъ, который иногда съ развитіемъ семейной общины ограничиваетъ въ значительной степени власть большака.

Большія семьи русскихъ и инородцевъ, когда нѣсколько поколѣній родственниковъ живутъ совмѣстно подъ управленіемъ одного большака, представляютъ яркіе примѣры подобныхъ семейныхъ общинъ. Ясно сохраняющійся родовой бытъ среди русскихъ инородцевъ, на Кавказѣ, у киргизовъ, калмыковъ, гиляковъ и проч. позволяетъ одновременно судить о стадіи развитія, предшествовавшей семейной общинѣ и уяснить себѣ тотъ фонъ, изъ котораго послѣдняя выдѣлилась въ самостоятельную, сначала только хозяйственную, а затѣмъ въ правовую и общественную единицу.

II.

Формы, предшествующія отцовскому роду.

Мы видѣли, что индивидуальная семья, какъ самостоятельное цѣлое, выдѣляется изъ такъ называемой большой семьи, и что этой послѣдней въ свою очередь предшествуетъ родовая организація, основанная на счетѣ родства по мужской линіи, т. н. агнатическій или отцовскій родъ. Сложная форма, въ которой выступаетъ агнатическій родъ, заставляетъ предполагать уже *à priori*, что онъ не можетъ считаться за первоначальную стадію развитія человѣчества: для того, чтобы группа могла выработать представленія о прочныхъ кровныхъ узахъ, соединяющихъ лицъ, производящихъ себя отъ одного общаго предка, чтобы могли возникнуть и развиться нормы обычнаго права, о которыхъ мы говорили въ предшествующей главѣ, долженъ былъ потребоваться значительный промежутокъ времени. Агнатическому роду, однимъ словомъ, должны были предшествовать другія формы. Если это такъ, то мы въ правѣ ожидать, что эти послѣднія оставили свои

слѣды въ современномъ бытѣ народностей въ обрядахъ, обычаяхъ, и т. п., противорѣчащихъ общимъ принципамъ агнатическаго рода.

Изслѣдованіе быта дикарей, равно и пережитковъ архаическаго строя у болѣе культурныхъ народностей, за послѣднія десятилѣтія установило, что во *многихъ случаяхъ* народности прежде чѣмъ установить счетъ родства по мужской линіи, что привело къ появленію агнатическаго рода, вели счетъ родственныхъ отношеній по женской, *материнской линіи*. Это въ свою очередь въ извѣстныхъ случаяхъ давало возможность появиться и развиться родовой организаціи, въ которой кровныя узы, соединявшія ребенка съ отцомъ и потомка съ мужскими предками его по отцу, не принимались въ расчетъ, когда, наоборотъ, при опредѣленіи кровной связи имѣлись въ виду лишь узы по женской линіи; однимъ словомъ, нѣкоторыя народности пережили стадію, т. н. *материнскаго (когнатическаго) рода*, прежде чѣмъ у нихъ развился отцовскій родъ. Въ ограниченномъ числѣ случаевъ материнскій родъ могъ приводить къ преобладающему значенію матери въ группѣ, т. е. къ *матріархату*. Между простымъ счетомъ родства по женской линіи, материнскимъ родомъ, какъ самостоятельной хозяйственной и общественной организаціей, и матріархатомъ существуетъ большая разница:

общее между двумя послѣдними лишь то, что они возникаютъ на почвѣ счета родства по женской линіи. Слѣды этого порядка вещей сохранились въ достаточной степени среди обычаевъ и обрядовъ русскихъ инородцевъ. Для характеристики нормъ, возникающихъ изъ материнскаго родства, мы приведемъ относящіяся сюда нѣкоторые факты, сохранившіяся въ качествѣ переживаній. Даже у мордвы, въ значительной степени орусѣлой, можно найти нѣкоторые слѣды, хотя и очень блѣдные, бывшаго нѣкогда счета родства по женской линіи. И. Н. Смирновъ („Мордва“) совершенно основательно обращаетъ вниманіе, напр., на то, что мордва-мокша всегда отдаетъ предпочтеніе духамъ-матерямъ передъ духами-отцами: имена юрт-авы, куд-авы, вирь-авы (духи матери)—замѣчаетъ г. Смирновъ, — мы слышимъ на каждомъ шагу; между тѣмъ какъ юрт-атя, куд-атя, вирь-атя (т. е. духи отца) и т. д. упоминаются рядомъ съ авами (матерями) лишь въ наиболѣе полныхъ молитвенныхъ формулахъ. Очевидно воспоминаніе, что духи-матери пользовались нѣкогда бѣльшимъ почетомъ, чѣмъ духи-отцы, сохранилось до настоящаго времени у мокши, которая переживаетъ въ настоящее время уже процессъ разложенія большой семьи на индивидуальныя семьи. Большее поклоненіе духамъ-матерямъ, нахо-

дящееся въ связи съ культомъ предковъ, по-видимому, можно объяснить лишь тѣмъ, что нѣкогда родоначальницамъ воздавались и особыя почести, что онѣ считались звеномъ, связующимъ потомковъ въ общую родовую организацію.

То, что о мордвѣ можно сказать только предположительно, находить себѣ подтвержденіе въ бытѣ другой финской народности—вотяковъ. Эти послѣдніе сохранили до нашихъ дней родовыя прозвища, причемъ часть ихъ происходитъ отъ женщинъ, т. е. отъ *родоначальницъ*. Слѣдовательно, вотяки сохранили воспоминаніе о родахъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного женскаго предка. Если мы вспомнимъ, что родъ у вотяковъ находится подъ покровительствомъ духа-предка (*воршуда*), носящаго то-же имя, какъ и родъ, то окажется, что у вотяковъ наряду съ агнатическимъ родомъ, ведущимъ свое происхожденіе отъ одного родоначальника, мы встрѣчаемъ живое воспоминаніе о родѣ когнатическомъ, объединенномъ кровными узами, связующими членовъ его съ общимъ предкомъ-женщиной ¹⁾.

¹⁾ Не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу существованія нѣкогда у вотяковъ материнскаго рода можно почерпнуть и изъ номенклатуры родственниковъ: для обозначенія родства по матери вотяки имѣютъ особый терминъ

Зная характерныя черты родового агнатическаго устройства, нетрудно представить себѣ нормы, которыя должны были возникнуть въ родовой организаціи, основанной на счетѣ родства по женской линіи: мы должны встрѣтить въ ней ту-же исключительность при отправленіи культа, какъ и въ агнатическомъ родѣ; какъ и въ послѣднемъ мы встрѣтимъ солидарность группы родственниковъ во взаимной защитѣ на судѣ, въ обладаніи территоріей и проч., увидимъ ту-же экзогамію и т. д. Однимъ словомъ всѣ черты, характерныя для агнатическаго рода, должны быть перенесены и на материнскій родъ, по

чуж (чуж-муртъ—отецъ матери или братъ ея, *чуж-анай*—сестра матери и проч.). Слово *чуж* не имѣеть у вотяковъ самостоятельнаго значенія и употребляется ими въ качествѣ приставки въ терминологіи родства. И. Н. Смирновъ, объединившій свѣдѣнія, о бытѣ вотяковъ въ своей монографіи „Вотяки“, пытаясь уяснить смыслъ этого слова, обратился къ родственнымъ съ вятскимъ языкомъ—зырянскому и пермяцкому и нашелъ корень *чуж*—въ пермяцкомъ, означающій *рожденіе, родить*. Мы имѣемъ такимъ образомъ,—пишетъ изслѣдователь,—слово общаго пермяцко-вотяцкаго достоянія, исчезнувшее у вотяковъ. Пермяцкій языкъ даетъ намъ возможность уяснить не только предивать—чуж, но и абстрактный терминъ для обозначенія родства. Для этого понятія вотяки употребляютъ выраженіе—*чужи-выжи*; слово это въ настоящее время обозначаетъ совокупность родственниковъ по матери и отцу и состоитъ изъ архаическаго *чужи*, означающаго родство по матери, и *выжи* (вуж—корень), означающихъ родство по отцу. Слож-

сколько конечно эти черты касаются общих нормъ. Въ такомъ видѣ являются изслѣдователю основанныя на счетѣ по женской линіи родственныя организаціи у дикарей (напр. на Малайскомъ архипелагѣ, у нѣкоторыхъ народностей Африки, у значительнаго количества краснокожихъ племенъ Сѣв. Америки и проч.). Естественно, что съ замѣной материнскаго рода отцовскимъ, именно эти нормы должны были быстрѣе всего изгладиться изъ народной памяти и обычая и что въ частности среди русскихъ инородцевъ мы не въ правѣ ожидать жизненности указанныхъ нормъ. Но такъ какъ устройство материнскаго рода въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своихъ представляетъ рѣзкія отличія отъ такового-же при отцовскомъ родѣ, то нѣкоторыя нормы, исключительно возможныя при существованіи перваго, дол-

ный терминъ, которымъ располагаютъ современные вотяки, даетъ возможность выдѣлить названіе, обозначающее совокупность людей, связанныхъ актомъ рожденія отъ одной извѣстной матери,—чыжы. Это различіе терминовъ указываетъ на то, что вотякамъ нѣкогда было извѣстно только родство по матери, и они придавали ему преимущественное значеніе. Когда появилась необходимость опредѣлять отношенія по отцу, вотяки присоединили къ старому термину новый, описательный (выжи). Въ моментъ, когда складывался послѣдній терминъ, вотяки ставили отношенія по матери выше, чѣмъ отношенія по отцу, вслѣдствіе чего въ сложномъ словѣ первое мѣсто заняло то, которое означало родство по матери, второе родство—по отцу.

жны сохранятся и долго послѣ господства второго.

Родственная группа, при господствѣ счета родства по женской линіи, представляетъ замкнутый союзъ, состоящій изъ всѣхъ лицъ мужскаго и женскаго пола, ведущихъ происхожденіе отъ общей прародительницы: въ силу физическаго превосходства мужчины надъ женщиной власть и управление находится обыкновенно въ рукахъ мужчинъ. Но въ то время какъ въ агнатической группѣ власть переходитъ къ старшему члену рода по *мужской* линіи—въ когнатическомъ родѣ она передается старшему мужчинѣ по *женской* линіи: таковъ порядокъ перехода власти, напр., у нѣкоторыхъ народностей Малайскаго архипелага Америки, Африки и пр. При дѣленіи родовой агнатической общины на меньшія (семейныя общины) власть переходитъ къ отцу или старшему дядѣ по отцу—въ группѣ, основанной на материнствѣ, она естественно должна переходить къ старшему мужчинѣ, именно къ брату женщины, къ старшему дядѣ по материнской линіи. Мужъ часто входитъ въ составъ такой организаци; но въ этихъ случаяхъ онъ оказывается чужеродцемъ, и какъ таковой исключается и отъ родового семейнаго культа и отъ права на имущество, принадлежащаго членамъ когнатической группы: юридическое безправіе женщины въ имущественномъ отно-

шеніи, которое мы видимъ въ агнатическомъ строѣ, гдѣ женщина является чужеродкой по отношенію къ группѣ мужа,—при материнскомъ родѣ, переносится на мужа-чужеродца. Отсюда цѣлый рядъ нормъ: именно преобладающее значеніе брата въ отношеніи къ сестрѣ, дяди съ материнской стороны въ отношеніи къ дѣтямъ и юридическое безправіе отца при опредѣленіи судьбы своихъ дѣтей, слѣдствіемъ чего оказывается выдающаяся роль матери, какъ болѣе тѣсно связанной съ дѣтьми, въ обрядахъ, обычаяхъ и т. п.

Воспоминаніе объ этихъ нормахъ сохранилось въ бытѣ русскихъ инородцевъ въ довольно значительномъ количествѣ. При переходѣ мужа въ родовую хозяйственную группу жены, онъ теряетъ свою самостоятельность; мужъ является чужакомъ и какъ таковой не выдѣляется изъ числа неполноправныхъ членовъ группы. Отсюда смѣшеніе названій *зять* и *пасынокъ*; именно это смѣшеніе мы встрѣчаемъ у мордвы и у пермяковъ, причемъ у послѣднихъ зять, вошедшій въ домъ своей жены (т. н. приѣмный зять), совершенно утрачиваетъ самостоятельность. Приѣмъ зятя въ домъ и теперѣ явленіе нерѣдкое у пермяковъ. Повсюду, гдѣ въ крестьянской семьѣ, (русской или инородческой) зять переходитъ жить къ тестю, положеніе зятя незавидно: онъ представляетъ экономически-

зависимый элементъ въ семьѣ, лишень самостоятельности и проч.; причиной этого является экономическое неравенство зятя и тестя, такъ какъ только богатый крестьянинъ обыкновенно принимаетъ въ свою семью чужого ему человѣка, и только бѣднякъ, не имѣющій порядочнаго хозяйства, согласится идти жить чужой домъ. Но въ то время, какъ среди хотя-бы русскихъ крестьянъ зять сохраняетъ личныя права на жену и дѣтей, получаетъ часть въ семейномъ имуществѣ, — однимъ словомъ оказывается болѣе или менѣе полноправнымъ членомъ семьи, лишь нѣсколько болѣе ограниченнымъ въ имущественныхъ правахъ сравнительно съ сыновьями тестя, — у пермяковъ онъ становится въ положеніе, которое можетъ быть объяснено только изъ условій бывшаго господства когнатической группы: онъ теряетъ, напр. у пермяковъ Вятской губ., связь съ своимъ родомъ, свое фамильное имя и принимаетъ имя тестя. Его дѣти входятъ въ составъ рода тестя и носятъ поэтому фамильное имя послѣдняго. «По отношеніи, къ своимъ дѣтямъ онъ значить ровно столько, сколько любовникъ незамужней женщины, такъ какъ и тамъ дѣти величаются по отцу матери». Зять у пермяковъ, какъ и у мордвы, означается тѣмъ-же терминомъ, какъ и пасынокъ.

Выдающаяся роль братьевъ (дяди по мате-

ри) въ отношеніи къ женщинѣ, матери въ отношеніи къ дѣтямъ, оставила свои слѣды въ обрядахъ волжско-камскихъ финновъ. У мордвы-эрзи, Бугульминскаго уѣзда, прощаніе невѣсты съ родственниками обставлено такъ, какъ будто братья насильственно принуждаютъ ее къ браку: „братья вносятъ ее въ избу и выносятъ ее,—замѣчаетъ И. Н. Смирновъ,—невѣста-же держать руки скрещенными на груди въ знакъ того, что она подчиняется только силѣ. Въ причитаніяхъ эрзи Саратовской губ. сквозить мысль, что братъ былъ кормильцемъ невѣсты въ пору ея дѣвчества“. Въ пермяцкомъ свадебномъ обрядѣ нѣкоторыхъ мѣстностей невѣста передъ свадьбой приноситъ прежде всего благодарность „милому брату за то, что вспоилъ, вскормилъ ее и не далъ никому въ обиду“; благодарность за то-же родителямъ приносится послѣ благодарности брату. Въ другихъ мѣстностяхъ среди пермяковъ именно братъ запираетъ ворота передъ поѣзжанами, пріѣхавшими за невѣстой и символически защищаетъ ее отъ похитителей, т. е. исполняетъ роль, которая при аналогичныхъ обрядахъ чаще всего выпадаетъ главѣ семьи, именно отцу. У вотяковъ Сарапульскаго уѣзда лицо, пріѣхавшее сватать невѣсту, прежде всего даритъ деньги матери; къ матери-же невѣсты обращаются за позволеніемъ выпить въ знакъ заключенія

сватовства не только члены семьи и однодеревенцы, но даже отецъ. Указанная преобладающая роль матери, выступающая въ обрядахъ, сохраняющихся въ качествѣ переживанія, тѣмъ интереснѣе, что она совершенно не гармонируетъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ женщины въ вотяцкой семьѣ: утративъ свои права въ дѣйствительной жизни, женщина сохраняетъ ихъ въ обрядахъ, исполняемыхъ въ силу традиціи, но возникновеніе которыхъ слѣдуетъ отнести къ отдаленной древности, къ другому порядку родственной, семейной и общественной организаціи.

Остяки сохранили живое воспоминаніе о значеніи брата жены въ отношеніи къ мужу ея: остякъ никогда не рѣшится браниться и не сдѣлаетъ никакой непристойности въ присутствіи брата своей жены. Это почтительное отношеніе къ брату жены можетъ быть объяснено лишь какъ воспоминаніе о періодѣ, когда братъ жены занималъ выдающееся мѣсто въ хозяйственной—родовой группѣ, къ которой принадлежала сестра и въ которой мужъ не игралъ, какъ чужеродецъ, роли.

Обращаясь отъ финскихъ народностей къ Кавказу, мы въ правѣ ожидать, что населеніе его, сохранившее до нашихъ дней вообще массу воспоминаній о древнемъ бытѣ, можетъ дать и нѣкоторыя указанія на господствовавшее у нихъ нѣкогда родство по женской линіи.

Въ одномъ изъ кабардинскихъ сказаній, напр., весьма рельефно проведенъ взглядъ о большей близости дѣтей къ матери, чѣмъ къ отцу, именно въ формулѣ: „отцы—не братья, матери—сестры родныя“. Какъ у кабардинцевъ, такъ и среди другихъ народностей Кавказа, до уничтоженія существовавшего у нихъ въ прежнее время сословнаго устройства, сохранился взглядъ, согласно которому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ напр., несвободной съ свободнымъ и наоборотъ, принадлежать къ сословію матери. Обычай, опредѣляющій состояніе дѣтей, согласно состоянію матери можетъ объясняться только взглядомъ на близость узъ, соединяющихъ ребенка съ матерью, въ ущербъ близости отца—что въ свою очередь представляетъ при примѣненіи этого взглядъ въ указанныхъ случаяхъ воспоминаніе о періодѣ, когда ребенокъ вообще причислялся къ соціальной группѣ, къ которой принадлежала его мать. Отсутствіемъ нѣкогда сознанія связи, соединяющей отца съ сыномъ, слѣдуетъ считать и обычай, распространенный среди кавказскихъ племенъ, согласно которому дѣти, до ихъ совершеннолѣтія, не должны признавать своихъ отцовъ, по крайней мѣрѣ публично, и обязаны избѣгать встрѣчи съ ними; въ свою очередь и отецъ публично старается не замѣчать своихъ дѣтей, не разговаривать съ ними, не оказывать имъ зна-

ковъ вниманія и нѣжности. Наоборотъ, ребенокъ тѣсно связанъ съ матерью: то, что въ настоящее время перешло въ обычай у кавказскихъ народностей, что сдѣлалось иногда простымъ требованіемъ этикета, — предполагаетъ долгое господство фактическихъ отношеній, когда отецъ былъ индифферентенъ къ узамъ, соединяющимъ его съ дѣтьми.

Значеніе брата при опредѣленіи судьбы сестры сохранилось среди ингушей не только въ свадебномъ обрядѣ, но и въ дѣйствительной жизни. По словамъ г. Дубровина стоило только брату во время пирушки выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, желающимъ взять ее въ жены, и принять отъ него подарокъ и сестра считалась засватанной. Роль, которую играетъ дядя по матери въ отношеніи къ племянникамъ при материнскомъ родѣ, находитъ себѣ ясное отраженіе въ слѣдующемъ обычаѣ на Кавказѣ: «племянникъ имѣетъ право требовать отъ дяди по матери положеннаго ему обычаемъ подарка, извѣстнаго подъ названіемъ *барчъ* и состоящаго обыкновенно изъ лошади». Дядя же по матери обыкновенно назначается опекуномъ своихъ племянниковъ въ случаѣ смерти ихъ отца.

Когнатическая группа, какъ и агнатическая связана обязанностью взаимной защиты: на членовъ группы падаетъ обязанность мстить за кровь, они же и получаютъ право получать

плату за кровь. Слѣды этого порядка сохранились въ обычномъ правѣ, напр., нѣкоторыхъ картвельскихъ народностей Кавказа: у хевсуръ въ случаѣ женоубійства, платежъ за кровь убитой поступаетъ исключительно въ пользу ея брата. За убійство племянника его дядя съ материнской стороны въ правѣ рассчитывать на полученіе выкупа, но онъ обыкновенно долгое время не соглашается на примиреніе съ убійцей. «Въ случаѣ примиренія, пишетъ М. М. Ковалевскій, — родственники убійцы дѣлали въ пользу материнскаго дяди такой же платежъ, какъ и въ пользу всѣхъ родственниковъ вмѣстѣ взятыхъ».

Въ значительно меньшей степени мы находимъ слѣды, бывшаго счета родства по женской линіи у тюрковъ, представившихъ много данныхъ для изученія агнатическаго рода. У якутовъ, напр., сохранилось воспоминаніе, что нѣкоторыя родовыя группы имѣютъ родоначальницами женщинъ. Другимъ явленіемъ подтверждающимъ это предположеніе, можетъ служить то, что у якутовъ существуетъ, по словамъ г. Сѣрошевскаго („Якуты“) до настоящаго времени организація, называемая *іе-уса*, что точно значитъ *материнскій родъ*; *іе-уса* считаетъ въ настоящее время родство по мужской линіи и охватываетъ всѣ его степени до 9-го колѣна, за которымъ слѣдуютъ т. н. *сыганъ* — такъ сказать, чужіе, о которыхъ якут-

ская пословица заявляетъ: „если бы въ воду упаль (сыгань), не обезпокоился-бы я—таковы мы родственники.“ Такъ какъ сыгань составляетъ также границы отцовскаго рода—*ага-уса*, такъ какъ въ *ага-уса* и въ *іе-уса* родство высчитывается по мужской линіи и такъ какъ наконецъ изъ обѣихъ исключаются дѣвушки, вышедшія замужъ, то въ теории обѣ группы сливаются. Въ дѣйствительности однако понятіе обѣ отцовскомъ родѣ шире: онъ включаетъ въ себѣ обыкновенно нѣсколько *іе-уса*, т. е. материнскихъ родовъ.

Оригинальное дѣленіе якутовъ на отцовскій и материнскій родъ требуетъ нѣкотораго поясненія. Г. Сѣрошевскій, впервые, насколько намъ извѣстно, описавшій его, склоненъ объяснять происхождение *іе-уса* изъ господствовавшаго въ прежнее время у якутовъ многоженства: потомки отдѣльныхъ женъ составляли и особыя группы, производившія себя однако отъ общаго родоначальника. Предположеніе г. Сѣрошевскаго имѣетъ за себя много вѣроятія. Аналогичный фактъ мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ другихъ народностей, напр. среди кафровъ: мужчина имѣетъ нѣсколько женъ, изъ которыхъ каждая живетъ особнякомъ, своимъ хозяйствомъ; мужъ по очереди навѣщаетъ своихъ женъ и понятно, что потомство послѣднихъ, составляя обособленную группу не только по происхожденію, но и по хозяй-

ственнымъ интересамъ, отличаетъ себя отъ другихъ счетомъ родства отъ одной матери. Эти факты дали, между прочимъ, основаніе нѣмецкому ученому г. Штарке предполагать, что многоженство вообще слѣдуетъ признать серьезнымъ источникомъ возникновенія счета родства по женской линіи. Но въ многоженствѣ мы имѣемъ въ дѣйствительности лишь факторъ, поддерживающій материнскій счетъ родства, а не причину, порождающую его. Лишь на почвѣ уже существующаго обычая опредѣлять родство по женской линіи можетъ возникнуть материнскій родъ или какъ организація самостоятельная или какъ подгруппа въ отношеніи къ отцовскому роду. Поэтому, соглашаясь съ г. Сѣрошевскимъ относительно его мнѣнія о происхожденіи іе-уса у якутовъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не видѣть въ немъ доказательства бывшаго нѣкогда у якутовъ господства счета родства по женской линіи, такъ какъ, если-бы онъ не существовалъ у нихъ въ прежнее время, многоженство не могло-бы повести къ появленію материнскаго рода. Если послѣдній у якутовъ не развился въ самостоятельную организацію, какъ это повидимому имѣло мѣсто у финновъ и на Кавказѣ, то этому препятствовали особыя условія, о которыхъ намъ придется сказать ниже.

У киргизовъ родъ матери въ настоящее время почти не играетъ никакой роли, но

значеніе его выступаетъ весьма рельефно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда отцовскій родъ или прекращается или не заботится о своихъ сочленахъ. Дѣти пользуются защитой рода матери (*туркун*), когда родъ отца или бездѣйствуетъ, или отсутствуетъ, гласить норма обычнаго права киргизовъ. Случается, напр., что по смерти отца изъ рода хотя-бы Чукемей, пишетъ г. Гродековъ, ребенокъ воспитывается у материнской родни, положимъ, рода Джапасъ, и среди нихъ называетъ себя Джапасомъ, во избѣжаніе холодности отношеній. Если у умершаго отца нѣтъ родни, дѣти идутъ къ роду матери, причемъ «сынъ имѣетъ волю идти или нѣтъ, ибо онъ можетъ заняться и ремесломъ, но дочь должна идти: ее потребуютъ по суду». Такимъ образомъ несмотря на господство агнатическаго строя у киргизовъ, на постановленія, по которымъ юридически никто не можетъ принадлежать къ роду матери и даже незаконнорожденные отыскиваютъ того отъ кого они произошли и считаются въ его родовой группѣ,—въ указанныхъ постановленіяхъ нетрудно усмотрѣть остатки періода, когда счетъ родства по матери игралъ у киргизовъ ббольшую роль, чѣмъ въ настоящее время.

Воспоминанія счета родства по женской линіи у русскихъ инородцевъ сохранились только въ болѣе или менѣе ясно выражен-

ныхъ пережиткахъ: чѣмъ выше культурный уровень народности, тѣмъ этихъ пережитковъ будетъ менѣе; вслѣдствіе этого неудивительно, что среди славянскаго населенія Россіи мы ихъ почти не встрѣчаемъ. Въ настоящее время можетъ считаться доказаннымъ, что народности индоевропейской семьи пережили нѣкогда стадію материнскаго родства: у осетинъ, германцевъ, кельтовъ, индусовъ, у римлянъ и грековъ найдены ясныя слѣды этой системы: это одно заставляеть предполагать, что и славяне не остались изолированными въ этомъ отношеніи. Но фактъ, что сборники писаннаго права славянъ дошли до насъ отъ сравнительно поздняго времени, когда родовое агнатическое устройство приходило уже въ упадокъ, вѣроятно слѣдуетъ считать причиной, что слѣдовъ материнскаго родства не сохранилось въ нихъ. Тѣмъ болѣе цѣнны нѣкоторые обряды, свидѣтельствующіе о бывшемъ счетѣ родства по женской линіи,—обряды, которые безсознательно дожили въ крестьянскомъ обиходѣ до нашихъ дней. Въ великорусскомъ свадебномъ ритуалѣ ясно выступаетъ роль брата невесты: послѣднюю выкупають для жениха у брата, которому дается подарокъ. Въ малороссійскомъ свадебномъ обрядѣ обращаетъ на себя вниманіе фактъ, что плату за невесту, при совершеніи фиктивной покупки, получаетъ только мать: она, слѣдовательно,

продаетъ свою дочь. Что указанная черта ни случайная, что она свидѣтельствуесть о строѣ родственной группы, въ которой роль матери при рѣшеніи судьбы дѣтей отодвигала на второй планъ роль отца, доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ большинствѣ мѣстностей Великороссіе плату получаетъ и совершаетъ актъ продажи дочери не мать, а отецъ. Далѣе мѣстами мать, а не отецъ защищаетъ дѣвушку при фиктивномъ нападеніи на нее поѣзжанъ жениха. Въ малороссійскомъ свадебномъ обрядѣ защитникомъ оказывается часто и братъ невѣсты. Какъ и у великороссовъ, роль брата часто принимаетъ на себя посторонній; у первыхъ нерѣдко мальчикъ. Наглядно защита со стороны брата выясняется въ слѣдующемъ обрядѣ великороссовъ и малороссовъ: когда женихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Донской области, напр. пріѣзжаетъ за невѣстой, эту послѣднюю окружаютъ ея братья. Они имѣютъ въ рукахъ „державу“ („костыль“) — плетку, обшитую золотомъ и украшенную серебряными бляшками, или же пистолеть и шашку. Братья не пускаютъ жениха пока дружка не выкупитъ мѣста. Начинается торгъ, дружка постепенно набавляетъ цѣну пока наконецъ братъ, получивъ „золото,“ не передастъ державу дружкѣ и не сойдетъ съ мѣста. Дѣвушки пеняютъ брату за продажу сестры и поютъ:

„Ахъ, татаринъ, братецъ татаринъ,
Продаль дѣвицу за талеръ“ и пр.

Въ Малороссіи мы видимъ почти тождественный обрядъ: когда женихъ съ боярами приходитъ въ домъ невѣсты, родной братъ послѣдней или лицо, исполняющее эту роль, становится на лавку съ топоромъ въ рукѣ и не допускаетъ бояръ къ дѣвушкамъ, приговаривая: „Ахъ, вы разбойники, вы хотите дѣвушекъ красть“. Дѣвушки ободряютъ брата пѣснями; дружки стараются подкупить его деньгами, и братъ послѣ торга уступаетъ. Не лишень интереса, отмѣченный г. Охримовичемъ обычай у малоруссовъ, согласно которому, „если свадебнымъ старостой бываетъ родственникъ новобрачнаго лица (жениха или невѣсты), то обыкновенно дядя, зять, женатый братъ или какой нибудь другой родственникъ; но никогда и нигдѣ не бываетъ старостой отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и вообще предокъ новобрачнаго.“ Обычай, устраняющій отца и дѣда отъ исполненія почетныхъ обязанностей старосты при свадьбѣ, можетъ быть объясненъ лишь какъ воспоминаніе о до-агнатической родовой организаціи, въ которой отецъ брачущагося лица не игралъ никакой роли.

При обзорѣ данныхъ, касающихся счета родства по женской линіи у русскихъ и инородцевъ, не можетъ не броситься въ глаза, что эти пережитки далеко не одинаково жизненны

у разныхъ группъ: до извѣстной степени эта неравномѣрность можетъ быть объяснена различіемъ культурнаго уровня народностей и большей полнотой свѣдѣній, которыми располагаетъ наука относительно однихъ племенъ сравнительно съ другими. Но этимъ едва-ли исчерпываются причины разнохарактерности данныхъ. Хотя счетъ родства по женской линіи можетъ считаться, если быть можетъ и не общимъ для всего человѣчества, то бывшимъ во всякомъ случаѣ крайне и почти повсемѣстно распространеннымъ—развитіе материнскаго рода въ *самостоятельную* организацію, появленіе матриархата обязано особымъ условіямъ жизни группы и потому не можетъ считаться общей стадіей человѣческаго развитія. Мы имѣемъ право предполагать существованіе матриархата при господствѣ материнскаго рода лишь у тѣхъ народностей, у которыхъ въ обрядахъ сохранилось воспоминаніе о преобладающемъ значеніи матери надъ отцомъ (вотяки, русскіе); у другихъ народностей, гдѣ въ качествѣ пережитковъ сохранилась выдающаяся роль брата и дяди по матери, значеніе группы жены въ отношеніи къ приемному зятю (пермяки, ингуши, мордва) мы имѣемъ право говорить о господствѣ нѣкогда у этихъ народностей материнскаго рода, но для установленія предположенія, что имъ былъ извѣстенъ и матриархатъ мы не имѣемъ достаточныхъ основаній.

Наконецъ относительно якутовъ и киргизовъ можно, на основаніи имѣющихся данныхъ, утверждать, что нѣкогда имъ былъ извѣстенъ счетъ родства по женской линіи, но развился ли онъ въ *самостоятельную* родовую организацію или нѣтъ мы не имѣемъ доказательствъ.

Данныя, добытыя изученіемъ русскихъ и инородцевъ, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, подтверждаютъ положенія высказываемыя новѣйшими изслѣдователями, что въ развитіи нормъ, вытекающихъ изъ счета родства по женской линіи, далеко не всѣ народности прошли одинаковый путь: однѣ при благопріятныхъ условіяхъ могли развиться до матриархата, другія—остановиться на когнатической хозяйственной группѣ, поглощавшей въ одинаковой степени какъ личность мужа-чужеродца, такъ и женщины-матери, третьи наконецъ могли быстро перейти отъ счета родства по женской линіи къ агнатическому роду, не давъ первому возможности развиться въ самостоятельную организацію. Мы не думаемъ также, чтобы фактъ большей жизненности слѣдовъ счета родства по женской линіи среди земледѣльческихъ народностей Россіи сравнительно съ кочевыми могъ объясняться случайностью. Это различіе, которое въ Россіи можетъ быть прослѣжено только на основаніи переживаній, можно наблюдать въ дѣйствительности среди многихъ некультурныхъ

народностей: счетъ родства по женской линіи развивается въ самостоятельную организацію, основанную на материнскомъ родствѣ, и переходитъ иногда въ матриархатъ именно преимущественно у земледѣльческихъ народностей, въ меньшей степени при развитомъ охотничьемъ и рыболовческомъ бытѣ; у кочевыхъ племень мы встрѣчаемъ, наоборотъ, обыкновенно господство агнатическаго рода, и счетъ родства по женской линіи сохраняется или въ качествѣ переживанія, воспоминанія о стадіи, предшествовавшей кочевому хозяйству (напр., у народности Гереро въ Африкѣ) или примѣняется въ жизни для опредѣленія происхожденія лицъ отъ разныхъ женъ (кафры), какъ это повидимому имѣло мѣсто и у якутовъ. Это различіе можетъ быть объяснено только разнохарактерностью экономического строя группы. Земледѣліемъ, на низшихъ ступеняхъ развитія занимаются обыкновенно исключительно женщины; мужчины продолжаютъ вести долгое время еще прежній охотничій образъ жизни. Центръ тяжести въ хозяйствѣ падаетъ такимъ образомъ въ земледѣльческой группѣ преимущественно на женщинъ, что заставляетъ группу дорожить ими, какъ рабочей силой. Земледѣльческая группа живетъ осѣдло и, въ заботѣ объ успѣшности борьбы за существованіе, неохотно отчуждаетъ въ другую группу жен-

щину, — элементъ важный для преуспѣянія группы. Счетъ родства по женской линіи, даже если онъ не успѣлъ развиться въ прочныя организаціи при предшествующемъ охотничьемъ или рыболовческомъ бытѣ, находить, въ случаѣ переходѣ народности отъ послѣдняго непосредственно къ земледѣлю, удобную почву для развитія: группа когнатовъ живетъ совмѣстно, ведетъ общее хозяйство и развивается въ самостоятельныя родовыя организаціи, объединенныя не только общностью происхожденія, но и экономическими интересами. Личность женщины въ большинствѣ подобныхъ группъ чрезвычайно подавлена: она находится въ распоряженіи своихъ когнатовъ-мужчинъ, которые могутъ располагать ею по произволу. Лишь въ немногихъ мѣстностяхъ хозяйственное преобладаніе женщины приводитъ къ эмансипаціи ея личности и этимъ даетъ толчокъ къ развитію матриархата. Женщина находится въ личной и имущественной зависимости отъ группы; мало того, она и въ когнатической группѣ весьма часто стоитъ еще въ личной зависимости отъ мужа, безразлично—живетъ ли онъ въ группѣ своей жены или посѣщаетъ ее время отъ времени, въ особенности, если онъ внесъ за нее покупную плату. Взносъ послѣдней тѣмъ или другимъ путемъ обыкновенно усиливаетъ власть мужа надъ личностью

жены и дѣтей и уменьшаетъ права группы на личность купленной женщины.

Нуждающаяся въ рабочихъ рукахъ женщинъ группа уступаетъ мужчинѣ жену только за дорогую плату. При господствѣ общаго хозяйства, когда группа поглощаетъ индивида, при невозможности накопленія личнаго имущества—большинство мужчинъ не имѣетъ возможности купить себѣ жену сразу. Вслѣдствіе этого мужчина обыкновенно вынужденъ приселяться къ хозяйственной родовой группѣ жены и работать извѣстное количество времени прежде чѣмъ приобрѣсти полныя права надъ личностью жены и дѣтей ¹⁾. Но даже въ случаяхъ покупки жены, группа послѣдней стремилась къ удержанію у себя новой пары. Дѣти, воспитываясь въ домѣ родственниковъ по матери, составляютъ съ ними обособленную группу, объединенную экономическими и общественными интересами. Кто былъ ихъ отцомъ было совершенно безразлично: отецъ—чужеродецъ, по отношенію къ которому даже дѣти не имѣли права наслѣдованія, такъ какъ группа отца, ревниво оберегая свои хозяйственные интересы, устраняетъ отъ наслѣдо-

1) Переходъ мужа въ группу жены могъ встрѣчаться и при охотничьемъ бытѣ, что быть можетъ давало преимущественный толчокъ къ развитію на этой стадіи экономической культуры материнскаго рода, какъ самостоятельной хозяйственной единицы и иногда даже матриархата.

ванія дѣтей изъ чуждой группы. Равнодушіе дикаря къ вычисленію родственныхъ узъ съ своими потомками, разъ онъ имѣеть фактическія права надъ личностью жены и малолѣтнихъ дѣтей, должно было содѣйствовать поддержанію когнатическаго родового устройства. Въ случаяхъ когда личность женщины эмансипировалась отъ группы, естественно, что она, занимая болѣе свободное положеніе среди своихъ родственниковъ, занимала его и въ отношеніи къ мужу-чужеродцу: судьба дѣтей, опредѣлявшаяся прежде когнатами, переходитъ въ руки матери, и устанавливается матриархатъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ случаяхъ, когда охотничій народъ съ неразвившимся въ родовую самостоятельную организацию счетомъ родства по женской линіи переходитъ къ скотоводческому хозяйству. Приплодь отъ скота даетъ возможность дробленія имущества среди меньшихъ группъ; мужчинѣ облегчается покупка жены. Кромѣ того условія кочевой жизни, требующей постоянныхъ переходовъ, заставляють группы, при недостаткѣ корма для скота; дробиться на меньшіе (иногда индивидуальныя) союзы. Центръ тяжести въ хозяйственномъ бытѣ лежитъ на мужчинѣ, такъ какъ скотоводство, возникшее изъ охоты, является у всѣхъ низшихъ расъ спеціальностью мужчинъ, отъ ко-

торой женщина иногда даже отстраняется. Отсюда понятно, что группа охотно разстается съ дѣвушкой, разъ мужчина внесетъ за нее извѣстную плату, что мужъ, кочуя совмѣстно съ женой и дѣтьми у *своей* группы, отдѣляетъ ихъ отъ родни жены, и дѣти чувствуютъ сильнѣе экономическую и общественную связь съ группой отца, чѣмъ съ группой его жены, матери. Скотоводческій-кочевой бытъ такимъ образомъ не благопріятствуетъ развитію счета родства по женской линіи въ материнскій родъ, какъ самостоятельной организаціи; напротивъ того, при физическомъ преобладаніи мужчины надъ женщиной, при господствѣ надъ послѣдней родственниковъ мужа, при общности интересовъ дѣтей съ отцовской группой, счетъ родства по женской линіи долженъ уступить счету родства по мужской и, неразвившись въ группу самостоятельную, перейти въ агнатическую родовую организацію. Естественно, что при переходѣ отъ скотоводческо-кочевого быта къ земледѣльческому народность выступаетъ со всѣми типичными чертами агнатическаго рода. Этотъ процессъ особенно удобно наблюдать въ Россіи, гдѣ въ настоящее время совершается переходъ во многихъ мѣстахъ обитанія киргизовъ и якутовъ отъ кочевого къ земледѣльческому быту.

Такъ какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, что нѣкоторыя народности Россіи пе-

решили къ агнатическому роду не ранѣе, какъ по прохожденіи стадіи материнскаго рода, какъ самостоятельной организаціи и даже матриархата, то естественно возникаетъ вопросъ, каковы были причины замѣны материнскаго рода отцовскимъ. Наиболѣе вѣроятнымъ будетъ искать причины этого перехода въ цѣломъ рядѣ условій, которыя могли быть различны у разныхъ народовъ: еще при господствѣ охотничьяго быта могли наступать условія, когда группа должна была раздѣляться на меньшіе союзы, и физическое превосходство отца, въ связи съ общностью экономическихъ интересовъ, объединяющихъ лицъ, живущихъ съ нимъ, должно было приводить къ упадку материнскаго рода. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда *земледѣльческая* группа съ развитіемъ материнской родовой организаціи переходила въ агнатическую, вѣроятной главной (хотя и не исключительной) причиной слѣдуетъ на основаніи данныхъ о некультурныхъ племенахъ считать слѣдующую: по мѣрѣ развитія имущественнаго индивидуализма, стремленіе мужа освободиться отъ безправнаго положенія среди группы жены должно было получить значительное развитіе. Желаніе быть вполне полноправнымъ, не зависѣть отъ родни своей жены, не жить безправнымъ работникомъ или, по крайней мѣрѣ, не ходить на свиданіе съ своей женой изъ своей группы

(если мужъ продолжаетъ жить у себя)—должно было сказываться весьма рано, тѣмъ болѣе, что права надъ женой и дѣтьми мужъ пріобрѣталъ службой въ группѣ жены или покупкой. Вотъ почему стремленіе увести жену къ себѣ, въ свою группу, начинаетъ проявляться впервые среди наиболѣе сильныхъ, вліятельныхъ, богатыхъ лицъ, какъ это доказалъ на основаніи многочисленныхъ примѣровъ нѣмецкій этнографъ Гроссе. При уводѣ жены въ группу мужа, дѣти продолжаютъ нѣкоторое время еще причисляться къ роду матери; сила традиціи долго еще позволяетъ родственникамъ жены распространять свою власть на дѣтей, вмѣшиваться въ дѣла супруговъ, такъ или иначе ограждать женщину своей группы и ея дѣтей отъ посягательствъ уведшаго ее мужчины-чужеродца. Быть можетъ стремленіе массы подражать болѣе вліятельнымъ лицамъ—стремленіе одинаково характерное для дикарей, какъ и для цивилизованныхъ народовъ—сдѣлало обычай увода женъ къ себѣ господствующимъ, и случаи перехода мужа въ домъ жены становились рѣже. Какъ-бы то ни было, но именно возможность не жить въ домѣ жены должна была нанести первый сильный ударъ когнатическому роду, такъ какъ фактическая связь между ребенкомъ и родственниками его по матери ослаблялась отсутствіемъ объединявшихъ ихъ раньше эко-

номическихъ интересовъ. Группа, состоявшая прежде исключительно изъ когнатовъ съ допусканіемъ къ сожителству чужеродцевъ-мужчинъ превращается постепенно въ агнатическую съ женами-чужеродками. Патріархальная власть отца, прежде ограничиваемая родственниками жены, выступаетъ въ новой группѣ въ полной силѣ. Естественно, что такой переходъ могъ совершаться лишь крайне медленно, что онъ предполагаетъ существенныя измѣненія въ экономическомъ строѣ группы, когда, съ усовершенствованіемъ способовъ обработки земли, появляется накопленіе богатства, которое и даетъ возможность пріобрѣтать и уводить къ себѣ своихъ женъ. Численное размноженіе группы, невозможность жить въ одномъ помѣщеніи приводитъ къ тому, что новыя хозяйства устраиваются отдѣльно, и это раздѣленіе въ свою очередь содѣйствуетъ окончательному закрѣпленію агнатическаго родства и даетъ толчокъ къ развитію отдѣльныхъ родовыхъ организацій.

Такимъ образомъ, переходъ отъ счета родства по женской линіи къ счету родства по мужской, отъ материнскаго рода къ отцовскому могъ совершаться на разныхъ ступеняхъ экономическаго развитія; вездѣ однако главной причиной слѣдуетъ повидимому считать фактъ увода женщины въ чуждую ей

группу, слѣдствіемъ чего оказалось прекращеніе связи ея и ея дѣтей съ когнатами, и на первый планъ выступали интересы, соединяющіе лицъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника.

Если новѣйшія изслѣдованія доказали, что ни матриархатъ, ни материнскій родъ въ качествѣ самостоятельной хозяйственной и общественной организаціи нельзя считать общими стадіями развитія человѣчества, то счетъ родства по женской линіи въ настоящемъ или въ прошломъ отмѣченъ у такой массы народностей, что его можно признать почти всеобщимъ: исключенія изъ этого общаго правила настолько немногочисленны, что могутъ свидѣтельствовать развѣ только противъ мнѣнія объ *обязательности* прохожденія *всѣми* народностями этой стадіи развитія — не болѣе. Счетъ родства по женской линіи оказывается и первичнымъ при опредѣленіи кровныхъ узъ. Происхожденіе его слѣдуетъ искать вѣроятнѣе всего въ бѣльшей наглядности узъ, связующихъ ребенка съ матерью (при рожденіи и во время кормленія), чѣмъ связи съ отцомъ. Такимъ образомъ необходимо представить себѣ моментъ возникновенія понятія о кровныхъ узяхъ, что предполагаетъ существованіе періода, когда человѣчество не имѣло еще представленія о близости крови, о родствѣ. Мы приходимъ къ вопросу о пер-

вичной, доступной изученію, ступени общественнаго развитія человѣчества — вопросу, которому изслѣдователи давали различное рѣшеніе и бывшему вслѣдствіе этого предметомъ ожесточенныхъ споровъ, не прекратившихся и до настоящаго времени.

Въ какой-же мѣрѣ данныя этнографіи Россіи могутъ содѣйствовать выясненію этого вопроса? Для рѣшенія этого мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе. Среди разнорѣчивыхъ мнѣній, высказывавшихся различными писателями по вопросу о первобытной стадіи развитія человѣчества, особеннаго вниманія заслуживаетъ взглядъ Кунова (*Die Verwandtschaftsorganisationen d. Australneger*), подробно изучившаго нормы жизни и систему родства среди разныхъ австралійскихъ народностей. Кунову удалось намѣтить среди кажущагося однообразнаго быта австралійцевъ цѣлый рядъ культурныхъ звеньевъ и доказать, что установленія, которыя въ глазахъ европейца кажутся первобытными, — оказываются результатомъ долгаго развитія австралійскихъ племенъ. Наболѣе древней стадіей общественнаго развитія австралійцевъ, которую слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ считать и наболѣе первобытной изъ всѣхъ организацій, которыя изслѣдователямъ удавалось открыть у разныхъ народностей, оказывается состояніе, когда члены группы объединены

только территоріей и не имѣютъ еще представлений о кровныхъ узяхъ. Такая группа раздѣлена на три класса по возрасту: 1) дѣтей, 2) женатыхъ, не имѣющихъ еще достигшихъ брачнаго возраста дѣтей и 3) лицъ, имѣющихъ дѣтей уже достигшихъ брачнаго возраста, т. е. на дѣдовъ, сыновей и внуковъ. На основаніи толкованія номенклатуры лицъ, входящихъ въ эти группы, Куновъ пришелъ къ выводу, что первоначально указанное дѣленіе группировало въ классы лицъ, не достигшихъ еще брачнаго возраста, лицъ, достигшихъ его и стариковъ. Въ настоящее время еще брачныя связи между лицами, принадлежащими къ каждому изъ трехъ классовъ, разрѣшены; каждый мужчина беретъ себѣ женщину *своего* класса по возрасту и сожительствуетъ съ нею болѣе или менѣе продолжительный срокъ, длительность котораго зависитъ отъ желанія супруговъ. Дѣти причисляются къ территоріальной группѣ. Слѣдовательно, на основаніи данныхъ, добытыхъ Куновымъ, можно утверждать, что австралійцы пережили стадію развитія, когда родственныхъ узъ не существовало, когда группа была объединена общностью территоріи и вытекавшими отсюда общими интересами, когда она естественно распадалась на три класса по возрасту, причемъ состоявшія въ сожительствѣ лица жили въ болѣе

или менѣе продолжительныхъ индивидуальныхъ союзахъ юридически не связанные ни между собой, ни съ своими дѣтьми. Въ виду малолюдства въ подобныхъ территориальныхъ группахъ, отецъ ребенка всегда былъ извѣстенъ, т. е. былъ извѣстенъ мужчина, обладавшій женщиной во время рожденія ребенка. Вслѣдствіе отсутствія пониманія кровныхъ узъ, отсутствія представленія о бракѣ, какъ правовомъ институтѣ—власть отца надъ дѣтьми и мужчины надъ женщиной опредѣлялась исключительно физическимъ превосходствомъ мужчины. Это послѣднее положеніе, равно и дѣленіе первобытной группы на индивидуальные, болѣе или менѣе продолжительные союзы, находитъ себѣ подтвержденіе въ бытѣ другихъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, народностей (огнеземельцы, минкопи, аэта, кубу и пр.).

Мнѣніе Кунова, выставленное имъ для австралійцевъ,—именно что первоначально группа не знала понятій о родствѣ, что единственнымъ дѣленіемъ ея было естественное дѣленіе по возрасту, входящихъ въ составъ ея лицъ, получаетъ блестящее подтвержденіе благодаря изученію родственной номенклатуры русскихъ инородцевъ: это изученіе было предпринято для волжскихъ финновъ г. Смирновымъ, для якутовъ г. Сѣрошевскимъ, для гиляковъ—г. Штернбергомъ. Приводимъ относящіеся сюда

Факты. Вотяки напр. имѣютъ для обозначенія словъ отецъ (*аи*) и мать (*муми*) тѣ-же слова, которыя означаютъ самецъ и самка вообще: сынъ обозначается тѣмъ же словомъ, какъ и мальчикъ вообще. Родственная номенклатура вотяковъ такимъ образомъ различаетъ не кровныя узы, а возрастъ членовъ семьи или группы. Для понятій братъ и сестра также нѣтъ специальныхъ названій; выраженіе *нюня* и *агай* „означаютъ вообще мужчину *старше* меня—будетъ-ли это по русской терминологіи племянникъ, старшій братъ, дядя или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже отецъ“; слово *вын* означаетъ мужчину *моложе* меня (младшій братъ, младшій племянникъ); *апий* и *акай*—женщину *старше* меня (старшая сестра, старшая тетка, старшая племянница) *сузэр*—женщину *моложе* меня. Однимъ словомъ, въ номенклатурѣ родственниковъ у современныхъ вотяковъ сохранилось живое воспоминаніе о времени, когда по словамъ г. Смирнова, лицо, пытающееся опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ мужчинамъ и женщинамъ, видитъ только различіе въ возрастѣ и не выдѣляетъ изъ среды ихъ такихъ, съ которыми чувствовало-бы себя связаннымъ ближайшимъ образомъ въ силу происхожденія отъ однихъ родителей, мало того,—не въ состояніи даже выдѣлить изъ числа мужчинъ старше себя такого, котораго могло-бы назвать

родителемъ: оно видитъ вокругъ себя группу самцовъ, мужчинъ, способныхъ къ дѣторожденію (*аи*) и среди этихъ самцовъ нѣсколько старѣйшихъ (*пѳрес аи*), названіе, которое дается одинаково какъ дѣду, такъ и дядѣ старше отца.

Система родственной номенклатуры у черемисовъ и мордвы, отчасти у остяковъ и зырянъ, открываетъ ту-же картину давно пережитой ими эпохи, когда группы дѣлились только на основаніи возраста и когда представленія о кровномъ родствѣ совершенно не были выработаны.

Совершенно тожественное явленіе мы видимъ у якутовъ: понятія братъ и сестра передаются ими русскими словами; названія-же *убэй*, *ини*, *эджій* и *балысъ* изъ которыхъ первое употребляется въ настоящее время для старшаго брата, второе—для младшаго брата, третье для старшей сестры и четвертое для младшей сестры, по замѣчанію г. Сѣрошевскаго, означали просто старшіе и младшіе сородичи: это доказывается тѣмъ, что слово *убэй* можно перевести и старшій братъ, старшій дядя, старшій племянникъ; слово *эджій*—значить одинаково и старшая сестра, тетка и племянница; тоже и относительно словъ *ини* и *балысъ*. Названный изслѣдователь быта якутовъ справедливо обращаетъ вниманіе на то, что однозначущія, но болѣе древнія,

по показаніямъ якутовъ, слова какъ *бий*, употреблявшіяся вмѣсто слова *убэй*, *агасъ*—вмѣсто *эджей* уже прямо слѣдуетъ переводить: старшій мужчина, старшая женщина. Родственная номенклатура якутовъ рисуется такимъ образомъ ту-же стадію, какъ и номенклатура финскихъ народностей, когда группа подраздѣляла своихъ членовъ лишь на старшихъ и младшихъ—періодъ незнанія кровныхъ узъ.

Бытъ гиляковъ сохранилъ не менѣ ясныя слѣды указаннаго порядка вещей. Гиляки называютъ отцомъ (*ытк*) не только свѣго, общественно-признаннаго отца,—пишетъ г. Штернбергъ, но и всѣхъ братьевъ своего отца, не только родныхъ, т. е. I-й степени родства, но и всѣхъ самыхъ отдаленныхъ степеней, а женъ этихъ братьевъ своего отца онъ зоветъ, какъ и свою родную мать—матерями (*ымк*). Равнымъ образомъ гилякъ зоветъ матерью (*ымк*) всѣхъ сестеръ своей матери, а ихъ мужей—отцами (*ытк*). Дѣти братьевъ, равно и дѣти сестеръ, всѣхъ степеней родства, зовутъ другъ друга *руер*. Отцы отцовъ въ совокупности называются *ите*. Такимъ образомъ, несмотря на развитіе агнатическаго рода у гиляковъ, наложившаго много новыхъ чертъ и на ихъ родственную номенклатуру, первоначальное дѣленіе гиляковъ можно представить себѣ не иначе какъ дѣленіе по воз-

расту: старшіе отцы и матери, и младшіе братья и сестры. Если къ этому присоеди- нить, что и теперь еще гилякъ имѣеть су- пружескія права на женъ своихъ братьевъ *всѣхъ степеней* родства и на сестеръ своей жены, сдѣлается вполнѣ очевиднымъ, что хо- тя современный бытъ гиляковъ и отошелъ далеко отъ первоначальной стадіи развитія, эта послѣдняя оставила не только въ род- ственной номенклатурѣ, но и въ нормахъ жизни неоспоримые слѣды порядка, откры- таго Куновымъ у наименѣ развитыхъ въ об- щественномъ отношеніи народностей Австра- лии. Данныя, добытыя изученіемъ русскихъ инородцевъ позволяютъ такимъ образомъ рас- пространить выводы нѣмецкаго изслѣдовате- ли еще на цѣлый рядъ народностей и под- крѣпить въ значительной степени гипотезу, которая высказана имъ относительно австра- лійцевъ.

Періодъ, когда группа, живущая на одной территории и объединенная интересами, вы- текающими изъ совмѣстнаго обладанія пос- лѣдней, не имѣеть еще понятій о родствен- ныхъ узакъ, представляетъ низшую доступ- ную изученію стадію человѣческаго развитія. Единственнымъ дѣленіемъ внутри группы— дѣленіе ея членовъ по возрасту. Лишь раз- витіе представленій о родствѣ и вытекающее отсюда опасеніе кровосмѣсительныхъ бра-

ковъ приводитъ къ установленію запретительныхъ обычаевъ о бракѣ: число лицъ—родственникововъ, между которыми браки запрещены—постепенно расширяется, пока наконецъ всѣмъ лицамъ, считающимъ себя происходящими отъ одной родоначальницы, не воспрещается вступать въ бракъ, и группа не становится экзогамной. Но если родственныя узы оказываются первичной причиной, препятствующей свободѣ выбора себѣ женъ, то, такъ какъ родственныя узы являются результатомъ развитія челоѣчества,—періодъ отсутствія ихъ долженъ отличаться свободой общенія лицъ разнаго пола. Эту стадію отсутствія понятій о родствѣ, юридической неограниченности свободы общенія—можно назвать стадіей беспорядочнаго сожителства: кровосмѣсительные, съ нашей точки зрѣнія, браки оказываются характерной чертой этой эпохи. Бракъ—это слово для указаннаго состоянія можно понимать лишь въ зоологическомъ смыслѣ—не влечетъ за собой юридическихъ послѣдствій ни для супруговъ, ни для дѣтей; о прочности узъ естественно не можетъ быть и рѣчи: сожителство продолжается лишь столько, сколько этого пожелаютъ супруги. Положеніе женщины, физически болѣе слабой, и на этой стадіи незавидно: она находится въ фактической власти мужа и служитъ ему преимущественно рабочей силой, помо-

гающей вести борьбу за существование. Но именно это значение женщины на низшей стадии культуры въ связи съ обычнымъ численнымъ недостаткомъ женщинъ объясняетъ почему союзы при всей своей неустойчивости оказываются нерѣдко довольно продолжительными, хотя случаи нарушенія супружеской вѣрности—явленіе болѣе или менѣе обычное.

Свобода общеній, нерегулированность отношений сохраняется съ поразительной стойкостью, какъ живое воспоминаніе начальнаго періода человѣческаго развитія, и на значительно высшихъ ступеняхъ культуры: перемены въ экономическомъ строѣ, развитіе родственныхъ отношений, перемены въ социальномъ бытѣ группы—не въ силахъ долгое время стереть воспоминаній о стадіи, когда кровосмѣсительное сожительство было явленіемъ обычнымъ. Дѣйствительно прежнія формы быта съ постепеннымъ культурнымъ ростомъ народа, съ развитіемъ нравственныхъ началъ—все больше выходятъ изъ употребленія, ограничиваются въ своемъ примѣненіи: во времени — періодомъ до вступленія въ бракъ женщины и длительностью извѣстныхъ празднествъ; въ отношеніи къ лицамъ—тѣмъ, что къ сожитію допускается все меньшее количество лицъ. Что эта свобода не является результатомъ „порчи нравовъ“, что въ ней слѣдуетъ видѣть дѣйствительно остатокъ

ушедшаго въ далекое прошлое быта, доказываетъ уже тѣмъ, что она, при существованіи вообще строгихъ правилъ нравственности, не только допускается, но даже иногда становится обязательной. Отсюда существованіе многихъ обычаевъ, по своей безнравственности возмущающихъ чувство культурнаго человѣка,—обычаевъ, отъ которыхъ долгое время отворачивались съ презрѣніемъ, пока научное значеніе ихъ не было понято изслѣдователями: наука не знаетъ, ни приличнаго, ни неприличнаго; все, что можетъ содѣйствовать открытію истины, должно быть предметомъ ея серьезнаго изученія.

Россія сохранила не мало обычаевъ и обрядовъ, отражающихъ первичную стадію развитія человѣчества: нѣсколько примѣровъ достаточно, чтобы выяснитъ это положеніе. Дѣвушки у многихъ инородцевъ и отчасти среди русскихъ крестьянъ пользуются безграничной свободой въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами; „Парень дѣвушку не любитъ—Богъ не любитъ,“ гласитъ, напр., вотяцкая пословица. Родители-вотяки игнорируютъ поведеніе своихъ дочерей; женихъ не заботится о дѣвственности невѣсты, напротивъ, иногда даже женихи бываютъ недовольны за сохраненіе ея. Въ 15—16 лѣтъ лишь немногія вотячки не имѣютъ любовниковъ. Если результатомъ внѣ-брачныхъ узъ является ребенокъ, дѣвушка не теряетъ,

а напротивъ выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи: женихи охотно сватаютъ ее, такъ какъ она дала доказательство своей способности къ дѣторожденію. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вотяки тѣмъ дороже цѣнили дѣвушку, чѣмъ болѣе у нее было незаконныхъ дѣтей, въ особенности если эти послѣднія были мальчики. Родители не охотно выдавали ее замужъ и говорили сватамъ: „Она у насъ хорошая работница и работниковъ въ домъ достаточно дала и безъ мужа.“ Аналогичный взглядъ отмѣченъ и у черемисовъ и у мордвы. Кромѣ того черемисъ-язычникъ, не стѣсненный религіозными правилами, считаетъ вполне возможнымъ бракъ даже на родной сестрѣ. Рожденіе дѣвушкой ребенка отъ внѣ-брачнаго сожителства встрѣчается въ семьѣ вполне равнодушно. Если прибавить, что у мордвы родство не служитъ препятствіемъ для установленія кратковременныхъ внѣ-брачныхъ отношеній, что не только двоюродные, но даже родные братья и сестры иногда вступаютъ въ связь другъ съ другомъ, что народныя преданія сохранили воспоминанія о дозволенности браковъ между братьями и сестрами, станетъ вполне очевидна жизненность слѣдовъ беспорядочнаго сожителства у мордвы. И. Н. Смирновъ приводитъ слѣдующій интересный рассказъ изъ жизни мордвы Симбирской губ., служащій

иллюстраціей къ высказанному: „Въ одномъ семействѣ была очень красивая дѣвушка, смиренная, работающая. Родителямъ жалко было съ ней разстаться, отдать въ чужую семью замужъ; они отослали ее погостить къ родственникамъ, а когда она возвратилась, приняли ее какъ *чужую* и принудили съ этого времени считать родного брата—мужемъ“.

На Кавказѣ, у якутовъ, у бурятъ, у калмыковъ и пр. мы встрѣчаемъ то-же снисходительное отношеніе къ внѣбрачнымъ связямъ дѣвушекъ. Дѣвушка у бурятъ, замѣчаетъ г. Кулаковъ, въ большинствѣ случаевъ сходится съ мужчиной раньше вступленія въ бракъ, что нисколько не вызываетъ протеста со стороны родни ея: если она до брака имѣетъ ребенка, ее тѣмъ охотнѣе берутъ въ жены, такъ какъ она уже доказала свою способность къ дѣторожденію. На бурятскихъ вечеркахъ допускается свободное общеніе, особенно со стороны незамужнихъ женщинъ. „Бурятскіе вечерки это оригинальныя „ночи любви“. Въ сторонѣ отъ улуса разводятся костры, вокругъ которыхъ молодежь обоого пола пляшетъ свой однообразный танецъ „надань“, нѣчто вродѣ хоровода. Время отъ времени отъ хороводовъ этихъ отдѣляются пары и скрываются въ сторонѣ, во мракѣ ночи. Спустя немного времени онѣ возвращаются къ общему кружку, а еще черезъ нѣсколько времени

снова скрываются въ ночномъ мракѣ, причѣмъ пары далеко не всегда уходятъ въ одномъ и томъ-же составѣ, а комбинируются очень разнообразно.“ Въ настоящее время среди русскаго крестьянскаго населенія обыкновенно считается позоромъ для дѣвушки, если она до замужества находилась въ связи съ кѣмъ-нибудь. Существуетъ цѣлый рядъ свадебныхъ обычаевъ, имѣющихъ цѣлью освидѣтельствовать невинность молодой; если результатъ экспертизы оказывается не въ пользу новобрачной, и она и ея семья подвергаются осмѣянію. Въ кажущемся странномъ противорѣчьи съ указаннымъ взглядомъ стоитъ фактъ или непосредственнаго разрѣшенія или по крайней мѣрѣ, терпимости къ внѣбрачнымъ отношеніямъ молодежи въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Противорѣчіе это объясняется прежде всего медленностью, съ которой прежніе взгляды уступаютъ мѣсто новымъ, причѣмъ первые иногда находятъ себѣ поддержку и въ утилитарныхъ соображеніяхъ. Такъ, напр., въ Архангельской губ., гдѣ въ общемъ существуетъ строгій взглядъ на нравственность дѣвушекъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внѣбрачныя отношенія продолжаютъ быть частымъ явленіемъ: пословамъ г. Ефименко въ Лямцѣ (Онежск. у.), напр., дѣвушками очень дорожатъ, и женихъ не легко высватываетъ себѣ невѣсту; онѣ выдаются замужъ иногда

25 лѣтъ, что развиваетъ распутство. Когда священникъ дѣлаетъ замѣчаніе по этому поводу, крестьяне обыкновенно говорятъ: „что же намъ дѣлать, бачка? такъ искони у насъ ведется: дѣвка родить, сама и возится съ ребенкомъ“. Если священникъ посовѣтуетъ выдавать дочерей въ болѣе молодые годы, онъ получаетъ обыкновенно отвѣтъ: „эка, парень, корми, да воспитывай дочь свою, да поскорѣе и отдавай въ работницы чужому человѣку, а родителямъ-то своимъ она когда заработаетъ за воспитаніе?“ Впрочемъ и женихи мало обращаютъ вниманія на нравственность дѣвушки до замужества. Послѣ посидѣлокъ, бесѣдъ, вечеринокъ и прочихъ разнообразныхъ сборищъ деревенской молодежи осенью и зимой, присутствующіе на нихъ парни и дѣвушки ложатся спать попарно; свобода отношеній мѣстами господствуетъ полная, и дѣвушка, по замѣчанію Е. И. Якушкина, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна выслушивать горячіе упреки отъ своей матери. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири незаконно-рожденный ребенокъ у дочери-дѣвушки нисколько не безчеститъ ни ея, ни родителей, и ребенокъ воспитывается на правахъ законнаго.

Свобода внѣбрачныхъ отношеній, которую можно встрѣтить во многихъ мѣстностяхъ среди русскаго крестьянства, переходитъ, по

мѣръ стѣсненія ея подѣ влияніемъ новыхъ условій, въ обрядѣ, не грозящій дѣвушкамъ тяжелыми послѣдствіями. Въ Полтавской губ., равно и во многихъ мѣстахъ Малороссіи, молодежь послѣ вечерницъ ложится спать попарно, но при этомъ вполнѣ отсутствуетъ развратъ. Въ Кубанской области молодежь подѣ праздники и въ праздники собирается на улицахъ, за станицею, и по наступленіи ночи отправляется спать парами, по взаимному согласію и симпатіямъ. Но влюбленные пары рѣдко переходятъ границы выработанныхъ обычаемъ отношений. Въ случаѣ нарушенія, общество не рѣдко заставляетъ молодого человѣка прикрыть свой грѣхъ бракомъ.

Свадебные обряды сохраняютъ много слѣдовъ безпорядочнаго сожитія, проявляемаго или символически, или фактически. Въ Ставропольской губ., напр., въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ дѣвушекъ и паробковъ, всѣ ложатся спать— женихъ съ невѣстою, а паробки съ прочими дѣвицами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи правами мужа пользуется символически ктонибудь изъ спутниковъ жениха.

По мѣръ вытѣсненія прежнихъ формъ быта, свобода общенія, выходя изъ сферы жизни, находитъ себѣ примѣненіе въ культѣ. Отсюда вытекаютъ отношенія извѣстныя подѣ названіемъ *религіознаго гетеризма*. Этотъ послѣдній

не есть *ограниченіе*, налагаемое *религіей* на отношенія прежде свободныя. Напротивъ того, формы быта, утратившія возможность существовать въ обыденной жизни, находятъ себѣ пріютъ подъ сѣнью языческихъ храмовъ, въ тѣни священныхъ рощъ и продолжаютъ существовать въ угоду богамъ. Языческій культъ чрезвычайно консервативенъ: практиковавшаяся въ жизни, въ моментъ возникновенія культа, свобода отношеній между полами не можетъ быть измѣнена въ культѣ при появленіи новыхъ основъ жизни. Совершенно такъ же, какъ нѣкогда общеупотребительный каменный ножъ—почти единственное рѣзущее орудіе дикаря, давно уже вышедшій изъ употребленія, продолжаетъ долго служить непремѣннымъ орудіемъ при жертвоприношеніяхъ, такъ и обряды и обычаи, нѣкогда всеобщіе, сохраняются только въ культѣ. Чтобы жертва была пріятна богамъ, чтобы они приняли ее благосклонно—необходимо, чтобы она была принесена именно такъ, какъ это установилось въ моментъ появленія обряда; отсюда—употребленіе непремѣнно каменныхъ ножей: у евреевъ древности—при обрѣзаніи, у древнихъ египтянъ при приготовленіи муміи. Отсюда-же и сохраненіе разнузданнаго, съ нашей точки зрѣнія, характера языческихъ пиршествъ и празднествъ. Дикари съ неразвитымъ еще культомъ сопровождаютъ всякое

пиршество разгуломъ и беспорядочнымъ общеніемъ: возбужденные плясками, они предаются свальному грѣху всякій разъ, когда удачная охота, побѣда надъ врагами, доставляетъ имъ въ изобиліи сытную пищу. Съ улучшеніемъ экономическаго быта подобныя празднества устраиваются по традиціи въ опредѣленные сроки, прикрѣпленные обыкновенно къ религіозному культу, исполненіе котораго часто сопровождается обильнымъ пиршествомъ. Благодаря консерватизму культа, характеръ празднествъ продолжаетъ долго сохраняться и у болѣе цивилизованныхъ народностей.

Религіозный гетеризмъ и свобода общенія, допускаемая въ извѣстные праздничные дни, оставили свои слѣды въ бытѣ русской народности, поскольку послѣдняя сохранила воспоминанія объ языческихъ празднествахъ. Каково-бы ни было происхожденіе этихъ празднествъ въ Россіи, они должны были найти готовую почву для того, чтобы продержаться мѣстами до новѣйшаго времени, несмотря на воздѣйствіе власти и церкви. Празднества были приурочены, однако, къ христіанскому календарю.

Наибольшую извѣстностью пользуется т. н. Иванъ-Купало, Ярилинъ день. Разгуль и свобода общенія были полные: празднество заключалось похоронами Ярилы. Въ Костромѣ еще въ половинѣ текущаго столѣтія горожа-

не сходились, по свидѣтельству Афанасьева, на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклой, изображавшею Ярилу съ весьма большихъ размѣровъ принадлежностями мужскаго пола. Затѣмъ, отправлялись за городъ, старикъ несъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывая нараспѣвъ похоронныя жалобницы и жестаи выражая скорбь и отчаяніе. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и тотчасъ-же начинали игры и пляски. Въ Малороссіи куклу Ярилы, приготовленную съ тѣми-же особенностями, какъ и въ Костромѣ, клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: „померь, онъ померь“. Мужчины подымали и трясли куклу, какъ-бы стараясь разбудить усопшаго Ярилу; обрядъ кончался похоронами. Разнузданный характеръ празднованія Иванова дня сохранился и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ Донской Области до настоящаго времени въ окрестностяхъ Луганской станицы съ Троицына дня дѣвушки шьютъ куклу Маринку, тихонько отъ всѣхъ. Потомъ идутъ съ молодыми казаками въ лѣсъ и вѣшаютъ-куклу на дерево. Всѣ начинаютъ пѣть и плясать; при этомъ допускается свобода общенія. Въ настоящее время этотъ обычай воспрещает-

ся стариками, но несмотря на это, молодежь продолжает его соблюдать, хотя празднество совершается въ тайнѣ, такъ что даже не всѣ знаютъ, гдѣ будетъ происходить сборище. Въ Енисейской губ. мѣстами, когда снѣгъ начинаетъ таять, скоть отгоняютъ отъ деревни, дѣвушки и замужнія направляются туда доить коровъ; при этомъ устраиваются свиданія съ парнями, причемъ *своего* парня имѣетъ не только каждая дѣвушка, но и замужнія женщины. Сцены на масляницѣ, какъ и при пастьбѣ скота, въ этихъ деревняхъ напоминаютъ, по словамъ изслѣдователя, известное мѣсто Начальной лѣтописи о радимицахъ, вятичахъ и сѣверянахъ. Лѣтописецъ, говоря, что „радимичи, вятичи, и сѣверь одинъ обычай имаху... брацы же не бываху въ нихъ, но игрища между селы. Схобрахуся на игрища и ту умыкаху жену собѣ, съ нею же кто совѣщащеса“, сохранилъ намъ свидѣтельство объ этихъ игрищахъ, на которыхъ допускалась свобода общенія, какъ и теперь еще въ дни, совпадающіе съ нѣкоторыми древне-языческими празднествами.

На Кавказѣ у абхазцевъ религіозный гетеризмъ практиковался еще въ недавнее время. Въ комнатѣ, гдѣ стоитъ покойникъ собираются мужчины и женщины, которые послѣ пѣсенъ, по словамъ г. Дубровина, ночью предавались свальному грѣху. Очевидно, что ре-

лигіозный гетеризмъ въ данномъ случаѣ приурочился къ культу умершихъ. Религіозный гетеризмъ при похоронахъ отмѣченъ въ прежнее время и у чеченцевъ.

Положеніе женщины на низшей стадіи развитія чрезвычайно приниженное. Съ тѣхъ поръ какъ этнографическія изслѣдованія доказали, что идиллической картинѣ свободнаго состоянія женщинъ на низкомъ уровнѣ культуры нѣтъ мѣста въ дѣйствительной жизни, нѣкоторые институты первобытнаго права получили новое освѣщеніе. Происхожденіе полиандріи (многомужества), левирата, нійоги, гостепріимнаго гетеризма и пр. должно было получить иное объясненіе, чѣмъ это дѣлалось раньше. Когда предполагалось, что въ первичной стадіи человѣчества всѣ женщины группы были женами всѣхъ мужчинъ этой-же группы, что отецъ не могъ быть опредѣленъ — казалось вполне естественнымъ объяснять названные обычаи изъ вымиранія безпорядочнаго сожительства: послѣднее ограничивалось въ томъ отношеніи, что кругъ лицъ, допускаемыхъ къ сожитію съ извѣстной женщиной (или женщинами) постепенно суживался: отсюда возникновеніе полиандріи, когда только опредѣленныя лица группы могли считаться мужьями извѣстной группы женщинъ или одной женщины. Дальнѣйшее ограниченіе заключалось въ томъ, что женщина лишь послѣ

смерти мужа становилась собственностью родственниковъ мужа, преимущественно одного изъ братьевъ его—что приводило къ возникновенію левирата; развитіе религіозныхъ представленій заставляло, путемъ отдачи вдовы брату покойнаго, въ случаѣ отсутствія у послѣдняго дѣтей, стремиться къ возстановленію потомства послѣднему и т. д. Въ настоящее время, когда изученіе быта дикарейъ даетъ возможность предположить, что мужчины въ первобытной территоріальной группѣ, незнакомой съ понятіемъ о кровныхъ узахъ, не жили, однако, въ мимолетныхъ связяхъ со всѣми женщинами группы, что группа дѣлилась, наоборотъ, на индивидуальныя союзы лицъ разнаго пола, что эти союзы при всей нерегулированности брачныхъ отношеній имѣли бѣльшую или меньшую продолжительность, вслѣдствіе чего отецъ всегда былъ извѣстенъ,—указанные обычаи должны быть истолкованы иначе. Они появляются въ зародышевомъ состояніи, въ качествѣ чисто фактическихъ отношеній на низшей стадіи развитія и имѣютъ своимъ источникомъ приниженное положеніе женщины въ отношеніи къ группѣ или къ обладающему ею мужчинѣ. Такъ какъ приниженное положеніе женщины продолжаетъ быть характернымъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ развитія матриархата, и при родовомъ устройствѣ, то естественно, что институты, зародившіяся

еще на стадіи безпорядочнаго сожителства, продолжаютъ господствовать и на высшихъ ступеняхъ культуры: экономическія соображенія группы, религіозныя представленія и проч. даютъ имъ часто даже болѣе опредѣленный характеръ, сравнительно съ низшей стадіей. Дѣйствительно мужчина и на низшей культурной ступени смотритъ на женщину, съ которой онъ въ данный моментъ сожителствуетъ, какъ на свою собственность: онъ можетъ ее прогнать отъ себя, промѣнять на другую, подарить своему собрату по классу, проституировать ее и пр. При численномъ недостаткѣ женщинъ, часто встрѣчающемся на низшей стадіи, при имущественной общности, вызываемой и поддерживаемой экономическими условіями, группа мужчинъ нерѣдко сообща обладаетъ одной женщиной. Старшіе братья по классу, уже успѣвшіе добыть себѣ тѣмъ или другимъ путемъ женъ, охотно допускаютъ къ сожителству съ ними младшихъ братьевъ по классу подъ условіемъ такого же разрѣшенія со стороны послѣднихъ по приобрѣтеніи ими женщинъ. Отсюда развивается и особый видъ сожителства, такъ сказать групповаго брака, извѣстнаго въ литературѣ подъ названіемъ *pinakua*, такъ какъ на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ онъ встрѣчается—лица, участвующія въ немъ называются *pinakua* (товарищи) или подъ австралійскимъ

названіемъ *pirauru*, гдѣ полюбные товарищи называются этимъ именемъ. Вполнѣ естественно, что съ развитіемъ представленій о родствѣ, съ хозяйственнымъ обособленіемъ лицъ связанныхъ кровными узами къ сожитію съ женщиной допускаются только родственники, въ послѣдствіи лишь члены одной и той-же хозяйственной единицы: только родственники имѣютъ право на женщину, добытую сородичемъ.

Хотя полиандрію и нельзя считать формой, которую пережили непременно всѣ народности, она оказывается тѣмъ не менѣе крайне распространенной и оставила ясныя слѣды въ бытѣ нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Такъ напр., среди сахалинскихъ гиляковъ до настоящаго времени существуетъ обычай, согласно которому каждый гилякъ имѣетъ супружескія права на женъ своихъ братьевъ всѣхъ степеней родства и на сестеръ своей жены. Въ послѣднее время появилось ограниченіе въ томъ отношеніи, что старшій братъ лишень этого права относительно женъ младшихъ братьевъ. Видъ полиандріи, извѣстный подъ именемъ *ripaluia* сохраняется такимъ образомъ у гиляковъ, причемъ подобно тому какъ на Сандвичевыхъ островахъ мужа и жены подобной брачной группы называютъ другъ друга товарищами *ripaluia*—такъ и у гиляковъ эта категорія лицъ называетъ другъ

друга *навх*, т. е. компаньонъ, половинщикъ, товарищъ, другъ.

У алеутовъ, пишетъ о. И. Веніаминовъ, жеңщинѣ дозволялось имѣть двухъ мужей, изъ коихъ одинъ былъ главнымъ, а другой его помощникомъ, или какъ называютъ его русскіе,—половинщикомъ. Такая женщина не только не считалась развратною, но еще славилась, какъ бойкая и расторопная, потому что она должна была обоихъ мужей своихъ обшивать и содержать въ исправности всѣ ихъ рыболовныя снасти. Половинщикъ, вполнѣ пользуясь правомъ мужа, дождень былъ наравнѣ съ первымъ мужемъ промышлять и вообще стараться о содержаніи жены и семейства, но онъ не былъ полнымъ хозяиномъ въ домѣ.

Среди другихъ, болѣе развитыхъ въ культурномъ отношеніи, инородцевъ Россіи, мы видимъ воспоминаніе о полиандріи прежде всего у бурятовъ и якутовъ. У первыхъ, по словамъ г. Кроля, на купленную жену могли предъявлять права всѣ братья мужа и даже отецъ его; братьямъ мужа женщина не могла отказывать въ своихъ ласкахъ на томъ основаніи, что они „единая кровь“ съ ея мужемъ. Г. Сѣрошевскій сообщаетъ слѣдующее интересное преданіе якутовъ: въ старину, если сестра старшая или младшая выходила замужъ за чужеродца, „братья никогда не

отпускали ее дѣвушкой, и, только выпавшись съ ней, отдавали ее постороннимъ“. Даже въ настоящее время, по словамъ того-же автора, общественное мнѣніе якутовъ допускаетъ вполнѣ сожителство братьевъ съ одной женой, и хотя подобнаго рода явленія и не часты, но равнодушное отношеніе къ нимъ якутовъ доказываетъ, что это считается вполнѣ дозволеннымъ.

Наконецъ, свѣдѣнія о полиандріи у волжско-камскихъ инородцевъ собраны г. Смирновымъ въ его извѣстныхъ монографіяхъ. У вотяковъ г. Верещагинымъ было записано слѣдующее преданіе въ Завьяловской волости (Сарапульск. у.). Русскій, по имени Завьяль, и вотяцкіе богатыри Кайванъ и Ондра-батырь жили вмѣстѣ. Разъ Завьяль ходилъ по берегу рѣки и увидѣлъ на противоположной сторонѣ женщину. По просьбѣ богатырей женщина соглашается переправиться къ нимъ, и богатыри, послѣ обсужденія вопроса, кому должна принадлежать женщина, рѣшили, что она должна быть женой всѣмъ троимъ. Аналогичныя преданія были записаны и въ другихъ мѣстностяхъ обитанія вотяковъ. Далѣе въ свадебныхъ обычаяхъ вотяковъ сохранился слѣдующій своеобразный обычай: „Когда поѣзжане, отправившіеся за невѣстой, остаются ночевать въ домѣ ея отца, старшій изъ нихъ спитъ на не-

вѣстиной кровати. Постель эта остается въ распоряженіи поѣзжанъ и тогда, когда невѣста привезена въ домъ жениха: на ней спятъ младшіе поѣзжане.⁴ Этотъ обычай можетъ быть объясненъ только какъ символика права всѣхъ мужчинъ семейной группы на вступающую въ нее женщину, т. е. института семейной полиандріи.

Полиандрія, которую у вотяковъ возможно возстановить только на основаніи преданій и свадебныхъ обычаевъ, можно встрѣтить еще въ дѣйствительной жизни у родственнхъ имъ пермяковъ. Пермячки въ большинствѣ случаевъ признаютъ родство и свойство препятствіями для вступленія въ бракъ. Одновременно съ этимъ взглядомъ на свойство, навѣяннхъ плохо усвоеннхъ христіанствомъ, встрѣчаются, однако, случаи сожительства холостого брата съ женой старшаго; кромѣ того случаи, когда два брата живутъ въ внѣбрачныхъ отношеніяхъ съ двумя родными сестрами, не составляютъ, по словамъ г. Смирнова, рѣдкости. Равнодушное отношеніе къ этимъ явленіямъ со стороны пермяковъ служитъ доказательствомъ, что ни христіанство, ни русское вліяніе, которому въ значительной степени поддаются русьющие съ каждымъ годомъ все больше пермяки, не въ силахъ до настоящаго времени уничтожить воспоминанія о полиандріи, въ прежнее время

очевидно не представлявшей рѣдкости въ ихъ бытѣ.

Воспоминанія о полиандріи сохранились у черемисъ прежде всего въ свадебныхъ обрядахъ, а именно въ обрядовой роли, которую играетъ т. н. *куму-венэ* т. е. „большой зять“. Онъ пользуется всѣми правами жениха и носить одно съ нимъ имя — „зять“, причемъ приставка *куму* — „большой“ отмѣчаетъ важное, первенствующее значеніе его роли. Онъ всюду во время церемоніала является впереди жениха, первый получаетъ угощеніе, первый садится за столъ, вводитъ невѣсту въ домъ и „засвидѣтельствовавши символически свои жениховскія права на нее, уступаетъ ее настоящему жениху въ послѣдній моментъ брачнаго обряда“. Въ роли *куму-венэ* нельзя не видѣть воспоминанія о полиандріи, когда невѣста приобрѣталась не для одного члена семьи, а для всѣхъ членовъ послѣдней, причемъ права на невѣсту опредѣлялись возрастомъ лицъ семейной группы. Описанный обрядъ черемисовъ находитъ себѣ прекрасную иллюстрацію въ дѣйствительной жизни черемисовъ, живущихъ въ болѣе отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ мѣстностяхъ, гдѣ старые, традиціонные взгляды еще уцѣлѣли; г. Еруслановъ сообщаетъ, что среди уфимскихъ черемисовъ половое сожителство мужа съ младшими родственницами жены, и невѣстки — съ младшими

родственниками мужа не считается предосудительнымъ. Считается также вполне дозволеннымъ, если невѣстка обращается къ младшему деверю, съ названіемъ *пѣрыж-мари* (т. е. задній, слѣдующій мужъ), признавая его вторымъ, младшимъ мужемъ, или просто называя его *пѣрыж*, выражая этимъ словомъ желаніе дать право на себя. Зять также можетъ называть младшую свояченицу *нудо*, указывая этимъ словомъ на свободу полового общенія.

Естественно, что ярко выраженныхъ слѣдовъ полиандріи мы не въ правѣ ожидать среди славянскаго населенія Россіи. Мнѣніе, которое высказывалось въ русской этнографической литературѣ, что свидѣтельствомъ существованія полиандріи въ древней Россіи служитъ постановленіе церковнаго Устава Ярослава, гласящее: „оже два брата будутъ съ единою женою, епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный“, не кажется намъ убѣдительнымъ. Приведенное постановленіе имѣетъ въ виду преступленіе противъ нравственности; оно можетъ быть принимаемо лишь за мѣру, направленную противъ проступка, который, хотя и могъ встрѣчаться, но уже считался и общественнымъ мнѣніемъ за преступное дѣяніе, такъ какъ доказательствъ противоположнаго взгляда на сожителство двухъ братьевъ съ одной женщиной въ древнемъ русскомъ обществѣ мы не имѣемъ. Тѣмъ

большій интересъ представляютъ слѣды полиандріи, сохранившіеся въ свадебныхъ обрядахъ. Г. Охримовичъ въ своемъ объясненіи малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, сохраняющихъ слѣды похищенія и покупки невѣсты, совершенно справедливо замѣчаетъ, что роль *дружки* (брата жениха и проводника боярь) указываетъ на слѣды полиандріи: добываетъ невѣсту, ведетъ борьбу съ ея братомъ и покупаетъ невѣсту обыкновенно не женихъ, а дружка; кромѣ того въ продолженіе всего дня, въ который совершенъ обрядъ покупки невѣсты, дружка водить послѣднюю на хусткѣ, привязанной къ ея рукамъ. Роль дружка въ этихъ обрядахъ соотвѣтствуетъ роли „большого зятя“ у черемисъ. Свадебныя пѣсни Малороссіи сохранили, далѣе, указанія на то, что невѣста составляетъ общую собственность боярь, пользующихся супружескими правами на нее. Какъ извѣстно, бояре, поѣзжане и проч.—какъ-бы ни называлась свита жениха въ свадебныхъ обрядахъ, воспроизводящихъ похищеніе невѣсты,—замѣнили собой сочленовъ по группѣ (родовой, семейной или территоріальной), помогавшихъ жениху произвести похищеніе или покупку невѣсты въ періодъ, когда бракъ путемъ похищенія или купли практиковался въ дѣйствительности и не обратился еще въ символическій обрядъ.

Тѣ-же причины, которыя привели къ возникновенію и поддержанію до сравнительно высокихъ ступеней культуры института полиандріи вызвали къ жизни и поддерживали долгое время обычаи *левирата* и *нйюги*. Подъ *левиратомъ* разумѣтся обычай, по которому вдова должна выходить замужъ за своего деверя т. е. за брата мужа. Развитіе религиозныхъ представлений приводитъ иногда къ тому, что ребенокъ, рожденный вдовою и деверемъ ея считается сыномъ умершаго (древніе евреи, индусы). *Нйюгой*—называется обычай, по которому мужъ обыкновенно въ случаяхъ, если его бракъ бездѣтенъ—проституируетъ свою жену, причемъ дѣти отъ этого сожителства считаются дѣтьми мужа и, во всякомъ случаѣ, принадлежать послѣднему. Зародыши обоихъ обычаевъ мы встрѣчаемъ еще на низшихъ ступеняхъ культуры, при господствѣ территоріальныхъ группъ: желаніе имѣть дѣтей—характерная черта для дикаря; мотивами этого желанія оказываются на низшей стадіи развитія исключительно эгоистическія соображенія. Хотя дѣти юридически принадлежать территоріальной группѣ, но фактически, вслѣдствіе физическаго превосходства отца или обладающаго ихъ матерью мужчины—они зависятъ отъ него; дѣвочекъ отецъ охотно вымѣниваетъ на цѣнные для него предметы, а дѣти мужскаго пола до до-

стиженія ими совершеннолѣтія помогаютъ отцу въ охотѣ и рыбной ловлѣ. Проституированіе жены съ цѣлью имѣть дѣтей является вполне естественнымъ слѣдствіемъ сознанія пользы, которую дѣти приносятъ своему отцу. Взглядъ на женщину, какъ на собственность, дѣлаетъ этотъ обычай вполне законнымъ. Естественно также, что при имущественной общности у низшихъ группъ, вдова, пріобрѣтенная однимъ изъ членовъ группы, становится собственностью группы: на нее имѣеть супружескія права любой изъ членовъ класса, къ которому принадлежалъ ея мужъ. Съ развитіемъ родственныхъ отношеній левиратъ ограничивается кругомъ ближайшихъ родственниковъ, какъ это имѣеть мѣсто и въ полиандріи. Если вдова переходитъ часто къ младшему брату, то это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что при трудности добыванія себѣ женъ, младшіе братья не успѣвали обзавестись женами и имъ предоставлялось пользоваться вдовой умершаго брата, такъ какъ она была собственностью семейной родовой группы. Религіозный характеръ, освѣщавшій въ древности левиратъ у евреевъ, отъ которыхъ и самъ институтъ получилъ свое названіе, равно и у индусовъ, прикрѣпляется къ древнему обычаю лишь впоследствии и не можетъ считаться общимъ для всѣхъ народностей, у которыхъ встрѣчается левиратъ. Дан-

ныя этнографіи Россіи подтверждаютъ вполнѣ высказанный взглядъ.

Мы встрѣчаемся съ левиратомъ у бурятъ, гдѣ онъ повидимому не лишень былъ и религиознаго характера, именно цѣли, дать умершему потомка, который могъ-бы отправлять религиозный культъ, необходимый для загробнаго существованія предковъ. Вдова у бурятъ обязательно выходила замужъ за родныхъ мужа, братьевъ и даже, по словамъ г. Кроля, за отца его, особенно если у него не было другихъ дѣтей. У киргизовъ правила, касающіяся выхода замужъ вдовы, разработаны чрезвычайно детально. По общему правилу, вдова должна выходить замужъ безъ калыма за роднаго брата покойнаго или за ближайшаго родственника послѣдняго (за исключеніемъ отца). Впрочемъ, въ случаѣ ея желанія оставаться вдовой, никто не принуждаетъ ее ко вторичному браку. Безразлично имѣеть-ли она дѣтей или нѣтъ, она въ большинствѣ мѣстностей, въ случаѣ нежеланія вторичнаго брака, считается хозяйкой имущества покойнаго мужа. При развитіи у киргизовъ права первородства вполнѣ естественно, что по смерти средняго брата его жена переходитъ къ старшему, а не къ младшему брату покойнаго, хотя обыкновенно вдовы, замѣчаетъ г. Гродековъ, у котораго мы заимствуемъ свѣдѣнія о левиратѣ у киргизовъ, предпочитаютъ младшаго, заявля-

ютъ, что родительскія отношенія къ ней старшаго брата не могутъ быть измѣнены въ супружескія. Старшій братъ иногда уступаетъ вдову младшему и получаетъ за это отъ послѣдняго выкупъ. Иногда вдова выражаетъ желаніе выйти замужъ за сына старшаго брата, что встрѣчаетъ часто протестъ со стороны младшихъ братьевъ покойнаго: они соглашаются уступить вдову племянникамъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и за выкупъ. Такимъ образомъ среди киргизовъ мы видимъ комбинацію, при примѣненіи левирата, свободы выбора со стороны вдовы и принципа первородства; фактъ, что вдова можетъ выйти замужъ за племянника покойнаго мужа, доказываетъ, что нормы киргизскаго обычнаго права отразили воспоминаніе о періодѣ, когда всѣ ближайшіе родственники могли имѣть право на вдову умершаго члена.

Левиратъ распространенъ и среди язычниковъ самоѣдовъ: обыкновенно братъ женится на вдовѣ брата. „Отецъ также считаетъ себя обязаннымъ, особенно если онъ вдовецъ, жениться на вдовѣ покойнаго своего сына, т. е. своей снохѣ, и дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что за нее не нужно платить ей родителямъ, какъ это дѣлается при первомъ бракѣ. Братъ покойнаго также не платитъ за его жену, а напротивъ получаетъ ее приданое“. Что расчетъ де-

шеваго приобрѣтенія себѣ женъ лежитъ въ значительной степени въ основѣ при примѣненіи приведенныхъ обычаевъ сказывается у самоѣдовъ съ полной наглядностью. Среди остяковъ левирать былъ отмѣченъ Кастреномъ—свѣдѣнія, въ послѣдствіи подтвержденныя кн. Костровымъ. У гиляковъ левирать утратилъ свое значеніе въ томъ отношеніи, что при извѣстныхъ случаяхъ сожительство со вдовой запрещается: жена умершаго гиляка, пишетъ г. Штернбергъ, переходитъ, по рѣшенію рода, къ одному изъ руэровъ (братьевъ по классу) покойнаго, обыкновенно къ младшему; если она переходитъ къ руэру старше покойнаго, получившій вдову гилякъ обязанъ содержать ее, но не можетъ жить съ ней, какъ съ женой. Вдова гиляка, однако, никоимъ образомъ не можетъ переходить къ лицамъ восходящихъ и нисходящихъ линій родства съ покойнымъ. Такимъ образомъ, если примѣненіе левирата у гиляковъ и терпитъ въ настоящее время нѣкоторое ограниченіе, нормы обычнаго права гиляковъ, вытекающія изъ этого института, хранятъ въ себѣ черты глубокой старины и первобытности: родъ опредѣляетъ лицо, которое должно взять къ себѣ жену; онъ вмѣшивается въ отношенія ближайшихъ родственниковъ, что переноситъ насъ въ стadiю господства группы надъ меньшими группами, входящими въ ея составъ. Правило, по

которому вдова не можетъ переходить ни къ восходящимъ, ни къ нисходящимъ родственникамъ умершаго, вытекаетъ изъ воспоминаній о дѣленіи гиляковъ на три класса по возрасту, когда вступать въ бракъ между собой могли только «братья» и «сестры», принадлежавшіе къ одному и тому-же классу, т. е. служить отголоскомъ организаціи, которую мы застаемъ на стадіи безпорядочнаго сожительства.

Еще въ XV в. итальянскій путешественникъ по Кавказу упоминаетъ о левиратѣ у черкесовъ. Два вѣка спустя это извѣстіе подтверждаетъ извѣстный Адамъ Олеарій. Въ настоящее время еще у всѣхъ черкесскихъ племенъ принято, «чтобы жены, оставшіеся вдовами, выходили вторымъ и третьимъ бракомъ въ замужество за родныхъ и двоюродныхъ братьевъ умершихъ своихъ мужей,» если указанные родственники имѣются и если они пожелаютъ жениться; если-же таковыхъ не окажется, то на вдову получаютъ право племянники и другіе родственники. Лишь за отсутствіемъ послѣднихъ или при нежеланіи ихъ жениться, вдовѣ дается право выхода замужъ за чужеродца, причемъ послѣдній обязанъ выкупить ее у семьи и рода умершаго, т. е. внести за нее калымъ. У кабардинцевъ братъ можетъ взять въ жены вдову своего брата, но онъ долженъ внести за нее калымъ. У осетинъ левиратъ

имѣть обязательный характеръ: «по смерти мужа, читаемъ мы въ сборникѣ адата осетинъ, родной его братъ долженъ жениться на оставшейся вдовѣ, хотя-бы онъ и былъ женатъ; впрочемъ болѣе двухъ такихъ женъ имѣть не позволено. Если-же послѣ покойнаго осталось нѣсколько братьевъ и если каждый изъ нихъ желаетъ взять вдову, то споръ рѣшается собственнымъ ея выборомъ». У осетинъ Дигорскаго общества институтъ левирата распространяется и на случаи, если мужъ находится въ безвѣстной отлучкѣ. Если братъ не пожелаетъ жениться на женѣ своего умершаго или пропавшаго безъ вѣсти брата, она имѣетъ право удалиться къ своимъ родителямъ, но при этомъ обязана внести брату мужа выкупъ, именно пару быковъ.

Кромѣ указанныхъ народностей, населяющихъ Россію, левиратъ отмѣченъ и у тунгусовъ, чукчей, у астраханскихъ калмыковъ и др.

Въ большинствѣ приведенныхъ примѣровъ при примѣненіи левирата отсутствуетъ религіозный элементъ; мы можемъ предполагать послѣдній лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда женитьба на вдовѣ является *обязанностью* родственниковъ умершаго. Почти всюду левиратъ выступаетъ скорѣе, какъ *право* родственниковъ воспользоваться женщиной, тѣмъ или инымъ путемъ введенной въ группу, которая

неохотно отпускаетъ отъ себя разъ приобрѣтенную ею женщину. Этимъ, между прочимъ, объясняется, что напр., въ Дигорскомъ обществѣ осетинъ мы встрѣчаемъ упомянутое правило, согласно которому вдова обязана, даже если ея деверь не хочетъ жениться на ней, внести ему выкупъ для полученія права вернуться въ родную ей группу.

Во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчается левиратъ, практикуется и отдача своей жены другому въ цѣляхъ имѣть дѣтей (нйюга). Этотъ обычай стоитъ въ такой тѣсной связи съ обычаемъ проституирования женъ, что не всегда возможно отдѣлить одинъ отъ другого. Во всякомъ случаѣ оба вытекаютъ изъ того-же взгляда на женщину, какъ на собственность мужчины, причемъ дѣти всегда считаются принадлежащими мужу. Алеуты уступаютъ на время своихъ женъ другому, обычай, который можно встрѣтить и у осѣдлыхъ коряковъ и тунгусовъ. Еще отъ конца XVIII в. есть свѣдѣнія, что якуты практиковали переуступку женъ. Объ обычаяхъ проституирования женъ у древнихъ черемисовъ говоритъ писатель XVII в. Петръ Петрей. Въ какихъ-бы цѣляхъ не отдавалась въ указанныхъ примѣрахъ жена другому—дѣти считаются принадлежащими мужу. Описанный обычай до настоящаго времени практикуется на Кавказѣ: осетинъ нерѣдко ссужаетъ своихъ, если не главныхъ,

то второстепенныхъ или т. н. именныхъ женъ (нотулусъ) съ тѣмъ, чтобы дѣти, прижитыя такимъ образомъ (т. н. кавдасарды) считались дѣтьми мужа и поступали въ семью послѣдняго, увеличивая количество рабочихъ рукъ семейной группы. Въ Дигорскомъ обществѣ осетинъ, среди нормъ обычнаго права, мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: если кто либо имѣетъ жену, которая не родитъ, то онъ беретъ другую съ уплатою калыма, а бездѣтную отдаетъ холостому мужчинѣ, дѣти отъ котораго однако принадлежатъ первому мужу, потому что онъ заплатилъ калымъ; холостой же не вправѣ называть этихъ дѣтей своими. Въ приведенномъ постановленіи указывается, такимъ образомъ, и причина, почему дѣти принадлежатъ не фактическому отцу, а собственнику женщины, именно купившему (внесшему за нее калымъ) мужчинѣ. Въ виду того, что въ основѣ обычая проституированія женъ съ цѣлью-ли имѣть дѣтей (нйюга) или изъ другихъ соображеній лежитъ взглядъ на безправное положеніе пріобрѣтенной женщины, не должно казаться удивительнымъ, что случаи примѣненія его мы встрѣчаемъ среди русскаго крестьянскаго населенія до настоящаго времени. Кистяковскій *), напр., сообщаетъ слѣдующее интересное прошеніе, поданное мировому

*) Цит. по соч. Кулишера. Разводъ.

судьѣ одной изъ южно-русскихъ губерній: „Надѣюсь на ваше великодушіе и благое начальническое распоряженіе въ томъ, что не откажете моей чистосердечной просьбѣ и не оставите безъ вниманія моего прошенія. Крестьянинъ села Ж., Я. Д., въ прошломъ 1874 г. нянялъ меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, съ уплатою мнѣ 10 р. и такъ какъ въ настоящемъ 1875 г. родилось у его жены отъ меня дитя мужскаго пола, то я началъ требовать слѣдующія отъ него 10 р., но Я. Д. началъ еще смѣяться и ругать меня непристойными словами, а посему честь имѣю покорнѣйше просить вызвать въ камеру свою отвѣтника Я. Д. и свидѣтелей, знающихъ по этому дѣлу... и не оставить рѣшеніемъ о взысканіи слѣдующихъ 10 р.“ Кистяковскій, приводя это прошеніе, замѣчаетъ, что ему извѣстны еще два случая такого-же рода. Случай нійоги отмѣченъ былъ, напр., и у малороссовъ Славяно-сербскаго у., когда сходъ присудилъ ребенка не отцу, а мужу проституируемой послѣднимъ своему пріятелю женщины. Уступка жены на время другому, дѣйствительно не съ цѣлью имѣть дѣтей, а за деньги, встрѣчается среди старожиловъ Томской губ. и небезызвѣстна въ крестьянскомъ бытѣ населенія Европейской Россіи.

На этой-же почвѣ взгляда на женщину, какъ на объектъ собственности мужа или группы

его, развивается и *снохачество* и *гостеприимный гетеризмъ*. Допускаемое народнымъ кодексомъ нравственности сожителство свекра съ женой сына (снохой), чрезвычайно распространено. Этотъ обычай, который у большинства народностей, гдѣ онъ встрѣчается, считается не только дозволеннымъ, но и вполне естественнымъ, стоитъ въ тѣсной связи съ обыкновениемъ женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвушкахъ. Характерной чертой его слѣдуетъ считать, что рожденные отъ сожителства свекра со снохой дѣти признаются дѣтьми мужа ея, внуками свекра. Среди осетинъ, напр., отецъ часто женить иногда своего б-ти лѣтняго сына на взрослой дѣвушкѣ, живетъ съ ней, причемъ дѣти считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Среди многихъ другихъ инородцевъ Россіи (бурятовъ, якутовъ и пр.) господствуетъ или господствовалъ этотъ же обычай, въ настоящее время приходящій въ упадокъ, только благодаря тому, что браки малолѣтняго съ взрослой встрѣчаютъ самое энергичное сопротивление со стороны духовенства. Въ Улейскомъ Вѣдомствѣ, г. Кулалаковъ, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта бурятъ, (Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XXVI № 4—5), видѣлъ, напр., однажды, какъ изъ лавки здоровая женщина, лѣтъ 20, выводила за руку мальчика, который сопротивлялся женщинѣ: изъ любопытства мальчикъ хо-

тѣль остаться въ лавкѣ. «Я былъ очень удивленъ, продолжаетъ г. Кулаковъ, узнавъ, что эта парочка—молодче, недавно отпраздновавшіе свадьбу супруги. И я повѣрилъ разсказамъ стариковъ, что прежде браки заключались еще болѣе ненормальные, такъ что бывали случаи, что жены, отправляясь доить коровъ, на рукахъ носили своихъ мужей съ собою». Причину заключенія подобныхъ браковъ слѣдуетъ видѣть, по мнѣнію изслѣдователя, въ желаніи бурять имѣть работницу въ домѣ.

По словамъ изслѣдователя быта волжско-камскихъ финновъ И. Н. Смирнова, у вотяковъ еще въ прошломъ столѣтіи былъ распространенъ обычай женить сыновей еще въ дѣтскомъ возрастѣ на взрослыхъ дѣвицахъ. Духовное начальство запрещало эти браки, усматривая въ нихъ почву для разврата, но стойкость древняго обычая дала ему возможность сохраниться до нашихъ дней: и теперь еще встрѣчаются браки мальчиковъ со взрослыми дѣвушками, но такъ какъ вѣнчаніе при такихъ условіяхъ невозможно, то вотяки обыкновенно справляютъ свадьбу, увозятъ невѣсту въ домъ жениха—ребенка, а вѣнчаніе откладываютъ до момента достиженія малолѣтнимъ мужемъ брачнаго возраста. Результатомъ этого являлось незаконное сожитіе свекра со снохой. Мордва сохранила массу преданій и

пѣсень, рисующихъ аналогичный порядокъ вещей.

Въ мордовской пѣснѣ, напр., записанной въ Спасскомъ у. Тамбовской губ., выданная замужъ за малолѣтняго дѣвушка уходитъ отъ мужа и намѣревается его убить.

«Домой къ отцу она уходитъ,
 Домой къ отцу—ко матери,
 Родной матери она пеньять,
 Родному отцу жаловаться:
 «О матушка родимая!
 Зачѣмъ меня вы выдали—погубили,
 Вы выдали меня за молоденькаго,
 За молоденькаго—за небольшенькаго,
 За бессмысленнаго мальчишечку,
 Въ зыбкѣ качается тѣльце его,
 Грудь сосеть ротикъ его.
 Съ краю уложу—боюсь уроню,
 Сзади уложу—боюсь задавлю.»

Пѣснь кончается убійствомъ женой малолѣтняго супруга (М. Е. Евсеевъ: Мокшанскія пѣсни, № 4. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Ун. XIII № 6).

Въ XVIII в. аномальные браки этого рода представляли еще широко-распространенный обычай. Въ указахъ Правительствующаго Сената, адресованныхъ духовенству Пензенской епархіи въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, ука-

зывается, что мордва—новокрешены «малолѣтнихъ своихъ сыновей лѣтъ 8, 10 и до 12 женять и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ 20 и болѣе, съ которыми свекры впадаютъ во многое кровосмѣшеніе».

Не умножая подобныхъ примѣровъ изъ быта русскихъ инородцевъ, мы отмѣтимъ существованіе этого-же обычая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Донскіе казаки, напр., практиковали и, до извѣстной степени, практикуютъ и теперь ранніе браки. «Женили лѣтъ 12, 14, 15, причемъ невѣста была многими годами старше. Случалось, что жена коровъ доитъ рассказываютъ казаки, а ребенокъ-мужъ подлѣ нея заснетъ. Подоить коровъ она, возьметъ его на руки, да и снесетъ его въ курень: въ одной рукѣ у нея ведро съ молокомъ, а въ другой мужъ. А то бывало—ведетъ жена мужа за руку, а онъ бѣжитъ за ней въ прыжку... А когда мужъ выростетъ, то жена уже старухой станетъ, тогда онъ живетъ либо съ невѣсткой, либо съ сосѣдкой.» Сожитіе свекра со снохой распространено въ настоящее время, или было распространеннымъ въ недавнемъ прошломъ въ Воронежской, Курской, Тамбовской, Харьковской, Архангельской и др. губ., далѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ былъ даже случай публичнаго наказанія со стороны деревни сно-

хи, не желавшей подчиниться требованіямъ свекра ¹⁾.

Съ постепеннымъ вымираніемъ снохачества возникаетъ цѣлый рядъ обрядовъ, изъ которыхъ одни символически свидѣтельству ютъ о правахъ свекра на сноху,—другіе на правлены къ избѣганію со стороны снохи свекра. Въ свадебномъ ритуалѣ, напр., Архангельской губ., сохранился слѣдующій обрядъ. При возвращеніи молодыхъ изъ церкви послѣ вѣнчанія въ избу родителей новобрачнаго, отецъ послѣдняго старается поднять фату (платокъ), которымъ закрыта молодая; она не дается: ее хлопаютъ ковригой по лбу, обѣщаютъ денегъ и нарядовъ. Несмотря на это, она не соглашается поднять фату. «Ну вотъ-же, говоритъ свекръ, даю тебѣ сына своего;» послѣ этого молодая открываетъ фату. Аналогичные обряды можно встрѣтить и въ свадебномъ ритуалѣ другихъ губерній. Они могутъ быть объяснены только существовавшими въ прежнее время правами свекра на жену сына. Въ описанномъ обрядѣ Архан-

¹⁾ По просьбѣ свекра ее „вооружили метлой и повели по всему селу, заставляя мести подъ окнами каждаго дома, не исключая... и училища. Нѣкоторыя матери выбѣгали и просили предводителей этой процессіи избавить ихъ и дѣтей отъ такого зрѣлища, но это не мѣшало имъ исполнить приговоръ волостнаго суда въ точности—обойти все село“. (Е. И. Якушкинъ. Обычное Право, II, 175).

гельской губ. символически представляется желаніе свекра обладать молодой, для чего употребляются и символическіе побои (хлопанье по лбу) и символическій подкупъ: свекръ послѣ борьбы уступаетъ молодую женщину своему сыну.

У якутовъ въ старину сноха пряталась въ теченіе семи лѣтъ отъ свекра и другихъ родственниковъ мужа; и свекръ и девери въ свою очередь также старались не встрѣчаться съ невѣсткой: при встрѣчѣ послѣдняя закрывала лицо; сноха иногда умирала раньше, чѣмъ свекръ успѣвалъ увидѣть ея лицо, тогда только свекръ приходилъ взглянуть на нее, чтобы узнать: „какова была моего сына жена? хороша ли, красива-ли“? Въ настоящее время снохи у якутовъ избѣгаютъ показывать свекрамъ обнаженное тѣло, особенно ноги и непокрытые волосы; въ свою очередь обычай запрещаетъ и свекру показывать невѣсткѣ обнаженное тѣло выше локтя и ступни. Что эти обычаи не являются результатомъ скромности, доказывается тѣмъ, что даже молодыя якутки, по словамъ г. Сѣрошевскаго, постоянно сучать нитки на обнаженныхъ колѣняхъ, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ мужчинъ и не смущаются, если посторонній увидитъ ихъ, обнаженными до пояса. Здѣсь очевидно мы имѣемъ дѣло съ «половой предосторожностью» въ отношеніи къ свекру,

которая могла возникнуть, как реакція противъ существованія формы сожительства свекра съ женой сына. Аналогичные обычаи существуютъ у массы другихъ народностей, и фактъ, что запреты преимущественно касаются свекра, можетъ быть удовлетворительно объясненъ только господствовавшимъ нѣкогда снахачествомъ ¹⁾.

У киргизовъ, напр., хорошая невѣстка скрывается всю жизнь отъ свекра и всѣхъ восходящихъ родственниковъ его; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодая жена не показывается старшимъ родственникамъ мужа до 3-го колѣна, вплоть до появленія на свѣтъ перваго ребенка. Подобныя-же запрещенія мы встрѣчаемъ и у остяковъ, у качинскихъ татаръ и другихъ инородцевъ Россіи: всюду они выступаютъ съ поразительнымъ сходствомъ и, очевидно, всюду имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ возникновенія.

Въ настоящее время народная нравственность весьма часто осуждаетъ снохачество: вотяки и мордва относятся къ нему неодобрительно; то-же слѣдуетъ сказать и о многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, но одновременно съ этимъ не слѣдуетъ забывать, что древній

¹⁾ Въ случаяхъ, когда подобные обычаи распространяются и на деверей, въ нихъ слѣдуетъ видѣть реакцію противъ полиандріи.

обычай вымираетъ лишь медленно, что, напр., въ Донской Области на него продолжаютъ еще смотрѣть снисходительно, а въ Сибири иногда населеніе деревни принимаетъ даже сторону свекра.

Характерной чертой снохачества слѣдуетъ считать прежде всего, что оно развивается на почвѣ обычая женить малолѣтнихъ на взрослыхъ; другой характерной чертой его можно считать, что сожителство съ молодой разрѣшается только одному изъ членовъ семьи, именно свекру. Этой второй чертой оно отличается отъ полиандріи, при которой женщина принадлежитъ группѣ мужчинъ; при снохачествѣ она принадлежитъ фактически одному мужчинъ, такъ какъ мужъ ея еще не способенъ по малолѣтству къ исполненію супружескихъ обязанностей. Отъ нійоги—снохачество отличается тѣмъ, что въ то время, какъ нійога имѣетъ главной цѣлью получение потомства и къ ней прибѣгаетъ самъ мужъ,—при снохачествѣ сказывается лишь стремленіе обладать женщиной со стороны наиболѣе сильнаго человѣка въ семьѣ, воспользоваться слабостью мужа, не могущаго воспрепятствовать желанію отца. Эти черты рѣшительно препятствуютъ считать снохачество вырождающейся формой полиандріи или ставить ее въ связь съ нійогой. Общее между тремя обычаями только то, что они всѣ появляются на

основѣ взгляда на женщину, какъ на существо безправное, которымъ можно располагать *ad libitum*—взгляда, общаго всѣмъ некультурнымъ народамъ.

Въ русской этнографической литературѣ высказывался взглядъ, что когда снохачество, т. е. сожителство отца мужа съ женой послѣдняго, начинается въ народномъ понятіи принимать характеръ злоупотребленія, тогда отецъ, желающій пользоваться женой сына и въ то-же время опасующійся столкновенія съ послѣднимъ, для достиженія своихъ желаній прибѣгаетъ обыкновенно къ ранней женитьбѣ сына, чтобы жить, такимъ образомъ, безъ всякаго препятствія со снохой». Мы не думаемъ, что этими соображеніями могъ быть объясненъ широко распространенный обычай женитьбы малолѣтнихъ на взрослыхъ дѣвушкахъ. Въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ наоборотъ: женитьба малолѣтняго приводитъ къ снохачеству. Стремленіе-же женить малолѣтняго на взрослой въ достаточной степени объясняется экономическими причинами: необходимостью для группы имѣть работницъ и возможность получать ихъ наиболѣе удобнымъ способомъ посредствомъ браковъ, заставляеть группу женить и малолѣтнихъ членовъ своихъ. Что при такихъ условіяхъ фактически женою пользуется наиболѣе сильный чловѣкъ—отецъ—объясняется ролью, которую

онъ играетъ въ группѣ и той властью, которой онъ облеченъ въ силу хотя-бы простаго физическаго превосходства.

Для снохачества требуется, чтобы группа сложилась уже въ родственную организацію съ болѣе или менѣе полномвѣстнымъ владыкой, и чтобы экономическіе интересы специализировались въ предѣлахъ небольшихъ родственныхъ группъ; это является въ свою очередь результатомъ продолжительнаго развитія группы, вслѣдствіе чего снохачество слѣдуетъ считать явленіемъ позднимъ, но развившимся и поддерживаемымъ въ жизни, благодаря древнему взгляду на женщину, какъ на существо безправное.

Широко распространенный у массы некультурныхъ народностей *гостепріимный гетеризмъ*, т. е. обычай отдавать гостю свою жену, иногда и дочь, для сожительства на время пребыванія гостя въ домѣ, встрѣчается и въ Россіи. Онъ былъ отмѣченъ, напр., у коряковъ и у чукчей, причемъ у послѣднихъ онъ принималъ весьма широкіе размѣры: среди чукчей разрѣшалось лицу, возвратившемуся изъ дальняго пути, пользоваться всѣми женщинами юрты: обрадованные возвращеніемъ своего соплеменника чукчи широко предлагали своихъ женъ на выборъ путнику. Гостепріимный гетеризмъ практиковался и у алеутовъ и у тунгусовъ,

Путешественники XVI—XVII вв. встрѣтили

гостепріимный гетеризмъ среди лопарей: о немъ упоминаеть еще Герберштейнъ, свидѣтельство котораго можетъ быть отнесено, какъ къ скандинавскимъ такъ и къ русскимъ лопарямъ: „купцовъ и чужеземныхъ гостей, пишетъ онъ, лопари, уходя изъ дома, оставляють съ супругой. Когда они возвращаются и находятъ, что супруга ихъ вслѣдствіе сношенія съ гостемъ довольна и болѣе весела, чѣмъ обыкновенно, они даютъ ему подарокъ, если-же нѣтъ—изгоняють его съ позоромъ“. Реньяръ, бывший среди лопарей въ 1681 г., рассказываетъ про одного француза, который на предложеніе лопаря остаться послѣ пиршества съ его женой отвѣчалъ отказомъ: обиженный лопарь схватилъ француза и свою жену, бросилъ ихъ на постель, пишетъ Реньяръ, вышелъ изъ комнаты и заперъ дверь, упрасивая француза, ... чтобы тотъ обошелся съ его женой, какъ онъ обошелся-бы съ нею самъ.

У вотяковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, встрѣчается до настоящаго времени обычай, заставляющій хозяина предоставлять дорогому гостю свою жену или дочь.

Обычай гостепріимнаго гетеризма, по словамъ г. Гродекова, существуетъ и у киргизовъ, хотя и негласно. Въ одномъ изъ выпусковъ матеріаловъ для статистики Туркестанскаго края былъ упомянутъ обычай, по

которому гость до трехъ разъ кладеть руку на грудь спящей дѣвицы, и если она не оттолкнетъ ее,—это означаетъ ея согласіе.

Якуты сохранили воспоминаніе о гостепріимномъ гетеризмѣ, между прочимъ въ слѣдующемъ эпизодѣ въ сказкѣ „Ураныкань-старикъ“: одно изъ лицъ, фигурирующихъ въ сказкѣ, прибрель въ „стоящую серебряную юрту“, въ которой на передней кровати сидитъ дѣвица. Послѣ жирнаго угощенія настало время спать. „Куда вы кладете спать вашихъ гостей?“ спрашиваетъ гость. „Если не брезгуешь, ложись со мной“.... Эпизодъ чрезвычайно характерный, замѣчаетъ по этому поводу г. В. С. Е., сообщающій приведенный рассказъ—уже по формѣ вопроса: не «куда меня положите спать?» а куда вы *гостей кладете*, т. е. по заведенному обычаю. И если по обычаю гостей кладутъ спать съ хозяйскими дочерьми, то нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ указаніемъ на гостепріимный гетеризмъ. Этотъ-же обычай сохранился и на Кавказѣ. Въ нѣкоторыхъ осетинскихъ сказаніяхъ о нартахъ (богатыряхъ) говорится о гостепріимномъ гетеризмѣ: напр., въ одномъ сказаніи о нартѣ Урызмагѣ, рассказывается, что мужъ уступаетъ свою жену—гостю-кунаку. Путешественники начала текущаго столѣтія нашли еще жизненные слѣды гостепріимнаго гетеризма у осетинъ. Въ XVIII в.

онъ встрѣчался среди кабардинцевъ, причемъ гостю предлагалась часто не жена, а дочь хозяина; сказанія кабардинцевъ сообщаютъ случаи дозволеннаго сожитія гостя съ женой хозяина. Слѣды древняго порядка вещей были найдены въ отношеніи къ гостепріимному гетеризму и въ современномъ бытѣ горцевъ.

При постепенномъ вымираніи древнихъ нормъ права, примѣненіе гостепріимнаго гетеризма постепенно ограничивается и иногда переходитъ въ простое требованіе этикета. Мы уже видѣли, что у киргизовъ требуется согласіе дѣвушки для его примѣненія. Далѣе въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія среди нѣкоторыхъ горцевъ Кавказа существовалъ обычай, по которому дочь хозяина должна была спать въ одной комнатѣ съ гостемъ, причемъ послѣдній однако долженъ былъ охранять цѣломудріе дѣвушки.

Случаи гостепріимнаго гетеризма среди русскихъ крестьянъ отмѣчены западными путешественниками XVII в. Къ числу воспоминаній объ этомъ обычаѣ слѣдуетъ, повидимому, отнести и обычай, практиковавшійся до послѣдняго времени въ Енисейской губ., по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ случаѣ пріѣзда купцовъ въ деревню, на обязанности хозяина, у котораго купецъ остановился, лежитъ доставленіе дѣвушекъ: на

рѣкъ Мурѣ прїѣзжему купцу обыкновенно отдается дочь хозяина ¹⁾). Воспоминаніе о гостепріимномъ гетеризмѣ сохранили, наконецъ, и русскія народныя сказки. Такъ, напр., въ одной изъ сказокъ, записанныхъ въ Тамбовской губ., (Афанасьевъ, II, № 104) герой сказки во время своей богатырской поѣздки прїѣзжаетъ къ дому, хозяйка котораго „баба-вдова“, радушно принимаетъ и угощаетъ его: когда молодець—царскій сынъ хочетъ лечь спать, хозяйка говоритъ ему: „не честь молодцу, не хвала удалцу ложиться одному! лягъ съ моею дочкою, прекрасною Дунею“ и т. п.

Источникъ гостепріимнаго гетеризма слѣдуетъ искать во взглядѣ на женщину, какъ на объектъ собственности: хозяинъ, предлагая свою жену или дочь, дѣлаетъ гостю, такъ сказать, наиболѣе дорогой подарокъ. Вслѣдствіе этого вполнѣ понятно, что отказъ гостя вызываетъ обиду со стороны хозяина, который видитъ въ отказѣ пренебреженіе.

Гостепріимный гетеризмъ появляется на низшихъ культурныхъ ступеняхъ, при отсутствіи прочныхъ брачныхъ узъ, при неопре-

¹⁾ Этотъ обычай отмѣченъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Енисейской губ., гдѣ вообще отношенія между молодежью отличаются свободой и гдѣ вѣнчанные сюзы нисколько не безчестятъ ни дѣвушки, ни ея семьи.

дѣленности представленій о кровномъ родствѣ. Но возникнувъ въ періодъ беспорядочнаго сожителства на почвѣ равнодушнаго отношенія мужчинъ къ дозволенному сожителству женщины съ другимъ, поддерживаемый взглядомъ на женщину,—онъ долго продолжаетъ встрѣчаться именно оттого, что взглядъ на женщину, какъ на объектъ собственности, переживаетъ многія стадіи развитія человѣческихъ обществъ.

Различные фазисы развитія семейно—родового устройства оставили, какъ мы видѣли, ясныя слѣды въ современномъ бытѣ разноплеменнаго населенія Россіи: они сохранились то въ качествѣ жизненныхъ еще институтовъ, то въ качествѣ многочисленныхъ переживаній въ обширной сферѣ обряда и права. Первоначальное дѣленіе группы по возрасту входящихъ въ составъ ея лицъ—періодъ отсутствія представленія о родствѣ—оставилъ воспоминанія въ родственной номенклатурѣ нѣкоторыхъ народностей; весьма жизненны оказались слѣды обычаевъ и институтовъ, возникшихъ на почвѣ беспорядочнаго сожителства, развивавшихся въ зависимости отъ приниженаго положенія женщины; многочисленны и слѣды періода, когда счетъ родства велся по женской линіи, еще многочисленнѣе и жизненнѣе слѣды эпохи родо-

вой-агнатической организаци и, наконецъ, большой семейной общины, которая въ настоящее время находится въ періодъ разложенія путемъ дифференціаци изъ нея индивидуальной семьи, какъ юридической и хозяйственной единицы.

Новѣйшія изслѣдованія однако доказали, что даже на низшей ступени человѣческаго развитія, мы не можемъ найти слѣды порядка, когда всѣ женщины группы были женами всѣхъ мужчинъ, входящихъ въ нее, что не можетъ быть рѣчи о коммунальномъ, групповомъ бракѣ. Еще Спенсеромъ было отмѣчено, что первобытная группа дѣлилась на индивидуальные союзы лицъ разнаго пола—положеніе, которое въ новѣйшее время было развито трудами Штарке, Вестермарка, Гросса и др. Новѣйшіе изслѣдователи приходили даже къ выводу, что эмбриономъ человѣческаго развитія слѣдуетъ считать семью, понимая подъ послѣдней не семью въ нашемъ смыслѣ слова, а въ чисто зоологическомъ. Въ виду неудобствъ, вытекающихъ изъ наименованія „семьей“ неустойчивыхъ союзовъ дикарей, мы предпочитаемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи называть ихъ условнымъ терминомъ „индивидуальныхъ союзовъ“.

Въ „введеніи“ нами было уже указано, что основатели науки о семьѣ и ихъ многочисленные послѣдователи, отбѣняя значеніе

групповой организации, сравнительно мало обращали внимание на индивидуальные союзы и что новейшие критики, наоборот—отмечая индивидуальные союзы, вдаются в противоположную крайность: забывают значение первобытных групп. Нам предстоит в заключение отметить, в общих чертах, в каком отношении стоят индивидуальные союзы, из которых впоследствии развивается индивидуальная семья, к группам, сначала территориальной, а затем родственной. Ни Спенсер, высказавшийся вполне определенно против существования когданибудь стадии группового, коммунального брака, ни другие исследователи, стоявшие на его точке зрения, не отрицают, что условия жизни первобытной группы заставляют расходиться членов ее: естественно, что каждый мужчина в этих случаях уводит с собою и свою жену, т. е. женщину, которой он в данный момент обладает: женщина слишком важна для него, как рабочая сила для перенесения тяжестей, для собирания растительной пищи и проч., чтобы мужчина оставлял ее при скитаниях. Женщина идет за мужчиной в сопровождении своих, рожденных от него, или других мужчин, детей. Это естественно еще не доказывает, чтобы в этих случаях мы имели перед собою семью. Маленькие хозяйственные группы на-

ходятся въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ и даже сходятся весьма часто; разъединеніе ихъ объясняется только временными, исключительными условіями: отсутствіемъ достаточной для группы пищи, способомъ производства охоты на нѣкоторыхъ представителей мѣстной фауны и пр. Такимъ образомъ отошедшая отъ своей группы чета не живетъ изолированно: при первой возможности она возвращается подъ вліяніемъ соображеній о безопасности, экономическихъ условій и пр. снова къ своимъ товарищамъ по группѣ, съ которыми она стоитъ въ тѣснѣйшей экономической и личной связи.

Не сдерживаемый требованіемъ продолжительности сожителства, индивидуальный союзъ можетъ быть прекращенъ во всякое время и отъ его прекращенія не рождается никакихъ обязательствъ ни для мужчины, ни для женщины въ отношеніи къ дѣтямъ. Эти послѣднія принадлежатъ территоріальной группѣ, какъ отецъ и мать ихъ. Къ тому-же всякая женщина легко находитъ себѣ новаго мужа, къ которому переходятъ и дѣти, такъ какъ на низшей стадіи развитія нѣтъ ни старыхъ дѣвицъ, ни брошенныхъ жень, ни вдовъ. Чѣмъ ниже уровень культуры, чѣмъ дальше мы будемъ спускаться къ территоріальной группѣ, тѣмъ менѣе окажется роль индивида, тѣмъ болѣе онъ слить съ группой, тѣмъ больше его лич-

ность исчезаетъ въ групповой организаціи. Почти полное отсутствіе индивидуальной собственности, граничащее подчасъ съ коммунизмомъ, не допускаетъ существованія и ненаружимаго права собственности на жену и дѣтей, если обладатель ихъ не можетъ отстаивать свои права силой: группа допускаетъ индивидуальные союзы, не вмѣшивается въ нихъ только настолько, насколько это не идетъ въ ущербъ ея интересамъ; въ противоположномъ случаѣ она отнимаетъ женщину у своего сочлена. Поэтому-то группа вполне равнодушно относится и къ разрыву индивидуальных союзовъ, такъ какъ женщина и дѣти—будущая сила группы—все равно принадлежатъ ей. Съ другой стороны власть группы надъ индивидомъ находитъ себѣ выраженіе, когда тяжелыя экономическія условія, въ которыя часто бываетъ поставлена группа при небезопасности питанія, заставляютъ ее прибѣгать къ дѣтоубійству или къ умерщвленію неспособныхъ къ труду стариковъ; равнодушное отношеніе дикаря къ смерти, надъ которой онъ никогда не задумывается, заставляеть группу равнодушно относиться къ убійству малолѣтнихъ и стариковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, заставляеть спокойно подчиняться и отца въ случаяхъ, когда группа считаетъ необходимымъ избавиться отъ лишнихъ членовъ, которые, ничего не внося для благо-

состоянія группы, требуют себѣ пропитанія. Индивидуальные союзы на низшей стадіи развитія совершенно исчезаютъ въ группѣ, которая представляетъ въ отношеніи къ нимъ высшую общественную и хозяйственную организацію. Въ индивидуальныхъ союзахъ отсутствуетъ правовой элементъ, необходимый для признанія существованія семьи: индивидуальные союзы не имѣютъ имущества, отличнаго отъ группы, если не считать оружія, украшеній и т. п., которыя составляютъ, однако, собственность не индивидуального союза, а собственность отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ него. Индивидуальное обладаніе этими предметами отстаивается силой, но еще въ большей степени гарантируется легкостью ихъ получения или изготовленія и, главнымъ образомъ, ихъ бесполезностью для группы какъ цѣлаго. Группа является самостоятельнымъ лицомъ, собственницею территоріи и получаемой на послѣдней добычи; она уступаетъ отдѣльнымъ лицамъ лишь то, что не играетъ важной роли для ея существованія. Но въ извѣстныхъ случаяхъ она имѣетъ право присвоить себѣ даже добычу — отъ охоты или рыбной ловли, хотя бы эта добыча была результатомъ дѣятельности лишь одного изъ ея членовъ.

Въ существенныхъ чертахъ мы встрѣтимъ тѣ же отношенія и среди высшихъ организа-

цій. Въ имущественномъ отношеніи мы увидимъ то же безправіе меньшихъ агрегацій—индивидуальныхъ союзовъ—въ отношеніи къ большей агрегаціи—родственной группѣ: и здѣсь проведенъ послѣдовательно принципъ, согласно которому индивидуальная собственность разрѣшается группой отдѣльнымъ членамъ ея лишь въ той мѣрѣ, поскольку это возможно для веденія успѣшно борьбы за существованіе со стороны группы противъ другихъ однородныхъ съ ней. Въ имущественномъ отношеніи индивидуальные союзы исчезаютъ въ группѣ родственной, покрывающей ихъ. Съ развитіемъ представленій о родствѣ, отчасти съ ростомъ этическихъ понятій народности, отчасти вслѣдствіе причинъ экономическихъ, индивидуальные союзы дѣлаются болѣе продолжительными; тѣмъ не менѣе они не сразу дифференцируются въ семью. Безразлично, живетъ-ли народность въ стадіи материнскаго рода или она выработала агнатическую родовую организацію, индивидуальный союзъ сливается съ ней. Фактическое обладаніе женщиной допускается и здѣсь одному мужчинѣ, но юридически женщина, какимъ-бы способомъ она ни была введена въ родственную группу, принадлежитъ послѣдней: ея трудъ, имущество, личность, ея дѣти—находятся въ рукахъ группы. Лишь съ развитіемъ религіозныхъ представленій и права, съ уси-

леніемъ индивидуализма и улучшеніемъ экономическаго благосостоянія появляются первые шаги по пути освобожденія женщины отъ власти группы и сосредоточія этой власти исключительно въ рукахъ мужа. Связанная съ личностью мужа тѣмъ или инымъ образомъ, имѣющимъ религіозное или правовое значеніе, женщина считается лично зависимою только отъ мужа или, по крайней мѣрѣ, въ большей степени отъ него, чѣмъ отъ группы. Прежде исключительно фактическія отношенія между мужемъ и женой постепенно переходятъ въ юридическія и индивидуальный союзъ лицъ разнаго пола, поглощаемый группой, выдѣляется изъ нея, сначала, впрочемъ, только въ сферѣ личныхъ отношеній, и переходитъ въ индивидуальную семью.

Общность экономическихъ, хозяйственныхъ интересовъ еще долго продолжаетъ соединять семью съ группой: освобожденіе личности предшествуетъ освобожденію хозяйственному. Улучшеніе экономическаго благосостоянія позволяетъ развиваться и индивидуальной собственности; это въ свою очередь даетъ толчекъ къ появленію права наследованія отъ родителей къ дѣтямъ, — порядокъ, который лишь медленно, съ значительными ограниченіями, постепенно вытѣсняетъ право наследованія родичей, роль которыхъ вообще все болѣе отходитъ на второй планъ. Экономическая

разобщенность, утрата общности въ хозяйственныхъ интересахъ, въ связи съ развитіемъ индивидуализма, ослабляетъ связь между семейной общиной и большей родственной группой и, большая семья, такъ сказать, начинаетъ стоять къ входящей въ составъ ея индивидуальной семьѣ въ томъ же отношеніи, какъ и родовая организація стояла въ отношеніи къ семейнымъ общинамъ. Въ этихъ послѣднихъ индивидуальная семья формируется окончательно: лично свободная, она постепенно сосредоточиваетъ и извѣстную индивидуальную собственность, принадлежащую исключительно ей и къ пользованію которой семейная община прибѣгаетъ лишь въ случаяхъ крайности, подъ вліяніемъ неожиданныхъ тяжелыхъ экономическихъ условій; такимъ образомъ въ зачаткѣ появляется хозяйственная разобщенность между отдѣльными индивидуальными семьями, входящими въ составъ семейной общины. Улучшеніе же экономического благосостоянія вмѣстѣ съ усиленіемъ общественной безопасности и развитіемъ индивидуализма постепенно подтачиваетъ узы, связующія семейную общину въ единую цѣльную, родственно-хозяйственную организацію, такъ что, когда послѣдняя распадается, это распаденіе заставитъ индивидуальныя семьи уже сложившимися въ единицы, которыя держатся только необходимостью вести общее хозяйство.

Индивидуальная семья постепенно смѣняетъ собой такимъ образомъ большую семью. Процессъ этотъ совершается лишь крайне медленно и у разныхъ народовъ происходитъ не съ одинаковой быстротой. Въ то время какъ многія народности давно уже развили индивидуальную семью, въ качествѣ самостоятельной хозяйственной единицы, другія еще еле начинаютъ этотъ путь. Насколько медленно совершается дифференціація индивидуальной, т. н. «малой», семьи изъ «большой» — можно наглядно видѣть въ Россіи, гдѣ этотъ процессъ, начавшійся уже давно, еще не завершился и въ настоящее время.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введеніе	1—18
I. Семья и агнатическій родъ. „Большая семья“ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ. Характерныя черты родового устройства. Слѣды родового устройства въ современномъ бытѣ русскихъ инородцевъ: 1) въ вѣрованіяхъ (вотяки, кавказскія народности, остяки, киргизы); 2) въ сферѣ права (кавказскія народности, киргизы, калмыки, якуты, гиляки). Слѣды родового строя въ бытѣ южныхъ славянъ. Упадокъ родового строя. Выдѣленіе семейныхъ общинъ изъ родовой организаціи	19—84
II. Организаціи, предшествующія агнатическому роду:	
1) Материнскій родъ и матриархатъ. Слѣды существованія обычая вести счетъ родства по женской линіи у финскихъ народностей, среди населенія Кавказа, у тюрковъ и у русскихъ крестьянъ. Причины развитія счѣта родства по женской линіи въ материнскій родъ, какъ самостоятельную организацію и причины, приводящія къ матриархату. Замѣна материнскаго рода отцовскимъ. 2) Безпорядочное сожителство и слѣды его у русскихъ крестьянъ и инородцевъ. Обычай, возникающіе на почвѣ нерегулированности отношеній между полами и обусловливающіеся привиженнымъ положеніемъ женщины (религіозный гетеризмъ, полиандрія, левиратъ, нійога, снохачество, гостепріимный гетеризмъ). Группа и семья.	85—178

Ex 82
1/24/22

